СВОЕ СЛОВО.

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый

(ВМѢСТО „ФИЛОСОФСКАГО ТРЕХМѢСЯЧНИКА“)

ПРОФЕССОРОМЪ **А. А. Козловымъ.**

№ 2.

(Цѣна 2 руб. съ пересылкой).

Кіевъ.
Типографія В. І. Завадзкаго.
1889.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 мая 1889 года

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
269
21

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

	Стр.
Предисловіе	1
Бесѣды съ петербургскимъ Сократомъ *)	5—109
Бесѣда четвертая (понятіе бытія)	5
Бесѣда пятая (понятіе бытія)	37
Бесѣда шестая (понятіе бытія)	58
Библіографическія замѣтки:	110—133
I) Leçons de philosophie par Élie Rabier.	111
II) Опытъ построенія теоріи матеріи. А. Введенскаго . . .	129
Опять нѣчто о „научной философіи“ и таковомъ же философѣ	134
Объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ	139
Опять нѣсколько словъ о г. рецензентѣ „Русской Мысли“ .	154

*) Бесѣды эти составляютъ продолженіе напечатанныхъ въ № 1 „Своего Слова“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣя возможность работать только очень умѣренно, вслѣдствіе ослабленныхъ болѣзнью силъ, я все таки уже могу съ удовольствіемъ приступить къ печатанію и 2-го № моего сборника. Говорю съ удовольствіемъ, потому что, какъ ни ограниченъ кругъ моихъ читателей, но заявляемое ими сочувствіе къ моей дѣятельности въ области философскаго знанія ободряетъ и побуждаетъ меня къ продолженію этой дѣятельности и смягчаетъ то тяжелое положеніе изолированности и отчужденности, въ которомъ я нахожусь среди теченій, кружковъ и партій, господствующихъ въ нашей современной литературѣ. Позволяю себѣ надѣяться, что путь, по которому я иду, теперь узкій и безлюдный, по немногу и постепенно разширится и сдѣлается болѣе торнымъ въ ближайшемъ будущемъ и что, можетъ быть, я буду покидать временно—пространственное бытіе съ сознаніемъ, что я не безплодно дѣйствовалъ въ области излюбленной мною науки.

Затѣмъ снова приглашая моихъ читателей обращаться съ своими вопросами по поводу напечатаннаго въ „Своемъ Словѣ“ (см. предисловіе № 1-го), я долженъ добавить къ этому приглашенію то, что было мною упущено изъ вида въ № 1-мъ. Добавленіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы читатели или корреспонденты мои нисколько не опасались, что ихъ имена и личности какъ либо могутъ быть обозначены и обнаружены мною, когда я буду отвѣчать на ихъ вопросы или недоумѣнія: въ этомъ отношеніи они могутъ вполнѣ довѣриться моей скромности.

Вопросы же, съ которыми обратятся ко мнѣ мои читатели, кромѣ возможной пользы для нихъ самихъ, будутъ имѣть не маловажное значеніе и для меня. Изъ нихъ я могу ясно усмотрѣть, какія стороны или пункты излагаемыхъ въ „Своемъ Словѣ“ воззрѣній наиболѣе затрудняютъ читателей или же возбуждаютъ въ нихъ сомнѣнія. Тогда, желая устранить эти сомнѣнія и вообще пріобрѣсти сочувствіе къ моимъ философскимъ убѣжденіямъ, я, въ дальнѣйшемъ изложеніи и развитіи ихъ, сосредоточу вниманіе и наиболѣе остановлюсь на этихъ затруднительныхъ и возбуждающихъ недоумѣніе сторонахъ и пунктахъ.

Если позволятъ силы, то и въ будущемъ году надѣюсь выпустить № 3-й моего сборника.

А. К.

Января 18-го, 1889 г.

БЕСѢДЫ

СЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ СОКРАТОМЪ.

— ooo —

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ разговорѣ со мною, Карамазовой, Серебряковой и Красоткиным Сократъ поддерживаетъ ту мысль, что вообще въ философіи не выяснено и не опредѣлено систематическимъ образомъ понятіе бытія и что далѣе это понятіе у Канта сходно съ тѣмъ же понятіемъ Юма. Оба эти философа подъ словомъ: бытіе или существованіе, судя по тому, что явно высказано ими, почти ничего не разумѣютъ, судя-же потому, что они принимаютъ тихомолкомъ, подъ сущимъ разумѣютъ они то, что дано чувственному ощущенію. Въ этой бесѣдѣ Сократъ уклоняется нѣсколько въ сторону и, при помощи Синайскаго, касается вопроса объ такъ называемомъ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія и, вопреки общераспространенному мнѣнію, утверждаетъ, что Кантъ вовсе не опровергъ этого доказательства.

Въ субботу вечеромъ я случайно легъ спать спозаранку, а потому и проснулся на другой день рано. Вспомнивши объ условіи быть сегодня у Сократа, я, по ассоціаціи идей, сталъ размышлять о понятіи бытія у Канта и старался припомнить нѣкоторыя мѣста объ этомъ предметѣ въ его сочиненіяхъ.—При этомъ припоминаніи я почувствовалъ, что и прежде, и теперь главное затрудненіе заключалось въ неясномъ *для меня* терминѣ Канта: „положеніе (по нѣмецки Position) вещи“ [1]). Это „положеніе“, какъ мнѣ казалось,

---

[1]) Объ этомъ „положеніи“ можно прочесть въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, переводъ Владиславлева стр. 462. Примѣчаніе редакт.

и составляло всю *суть* и даже всю *глубину* кантовскаго понятія о бытіи. Безъ этого словечка: „положеніе“, мнѣ казалось мнѣніе Канта столь простымъ и обыкновеннымъ, что не нужно было быть великимъ философомъ, чтобы думать такъ, какъ думаетъ самый простой человѣкъ, что существуетъ то, что мы видимъ, слышимъ, нюхаемъ, или что дано въ опытѣ внѣшнихъ чувствъ и что, по этому, какъ выражается Кантъ, „понятіе бытія есть опытное понятіе“.

Возбуждаемый желаніемъ поскорѣе выяснить свое недоумѣніе, я быстро вскочилъ съ постели и поспѣшилъ пить чай и одѣваться, чтобы переговорить съ Сократомъ нѣсколько пораньше вдвоемъ, опасаясь, что, когда придутъ дамы, да Калгановъ, да Красоткинъ, то возникнетъ споръ, который можетъ какъ либо уклониться въ сторону, затянуться и тѣмъ продолжить мое состояніе сомнѣнія.

Часу въ 10-мъ я уже былъ у Сократа и засталъ его пьющимъ чай въ обществѣ какого-то молодаго человѣка. Оказалось, что это былъ студентъ духовной академіи, Синайскій, какъ назвалъ его Сократъ, представляя насъ другъ другу. Повидимому, Сократъ и его гость прервали при моемъ появленіи происходившій у нихъ разговоръ, а потому, внутренно досадуя на помѣху моему намѣренію, я сказалъ: „пожалуйста, господа, продолжайте вашу бесѣду, которой я, какъ видно, помѣшалъ“.

Сократъ предложилъ, чтобы я налилъ себѣ по вкусу чаю и обратился съ вопросомъ къ своему собесѣднику: „Ну, такъ что же они?“.

Синайскій. Да что же это за наука, говорятъ они, если съ *самыхъ основаній* ея, съ перваго шага начинается разногласіе. Возьмите, говорятъ, математику или физику; тамъ разногласіе, и то очень не на долго, возможно только въ самыхъ новыхъ, въ текущую минуту поднятыхъ, вопросахъ. Все же, что прежде сдѣлано въ наукѣ, всѣми принимается безспорно, за исключеніемъ невѣждъ или какихъ либо чудаковъ, желающихъ прослыть оригиналами.

Сократъ. (Обращаясь ко мнѣ). Это говорятъ его знакомые и пріятели противъ философіи. (Обращаясь къ Синайскому). Да оттого философы и разногласятъ между собою, что все содержаніе той науки, которою они занимаются, состоитъ только изъ однихъ *первыхъ основаній*. Всѣ другія науки, а также математика и физика, именно потому и могутъ развиваться спокойно и при, до извѣстной степени, полномъ согласіи ученыхъ, что первыя основанія для ихъ наукъ приняты ими готовыми и безспорными. Все же остальное содержаніе этихъ наукъ есть только приложеніе къ чувственному опыту этихъ первыхъ основаній, напр., особенно въ физикѣ; или же—выводъ изъ этихъ первыхъ основаній какъ, напр., исключительно въ математикѣ. Хотя эта остальная часть содержанія этихъ наукъ образуется и медленно, но идетъ вѣрнымъ путемъ, руководясь твердо установленными законами логики и методологіи, общей и частной. Чѣмъ была бы математика безъ понятія *величины*, т. е., безъ признанія чего то такого, что можетъ быть больше и меньше? Далѣе, чѣмъ была бы она безъ признанія *тождества* вообще и затѣмъ *тождества* по *величинѣ*, или равенства? Чѣмъ была бы она безъ понятія объ *единицѣ* или объ *единомъ* въ противоположность *множеству*? Могла-ли бы сдѣлать математика хотя одинъ шагъ впередъ, если-бы ей нужно было заниматься вопросами о томъ, какое мы имѣемъ право понимать что либо тождественнымъ, что либо равнымъ и затѣмъ что либо противоположнымъ равному, т. е., большимъ или меньшимъ, понимать что либо единымъ?! Есть ли у математики забота о томъ, существуютъ-ли единицы и множество ихъ, существуетъ-ли тождество? Могла ли бы существовать геометрія, если бы у ней отнять *право на понятіе* непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства? Могла ли бы существовать физика, если бы у ней отнять право признавать, что подъ видимымъ цвѣтомъ и слышимымъ звукомъ есть нѣчто, которое не есть этотъ цвѣтъ или звукъ и которое наполняетъ пустое пространство, перемѣняетъ въ немъ положеніе или двигается? Что было бы съ математикой, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ

нападенія, напр., Юма [1]) на геометрію и объявилъ бы вмѣстѣ съ нимъ ложными ея понятія о геометрическомъ *равенствѣ* фигуръ и объ ихъ безусловномъ *совмѣщеніи* другъ съ другомъ, или утверждалъ съ нимъ ложность геометрическаго понятія о *прямой линіи*, или утверждалъ невозможность *дѣленія прямой линіи и вообще пространства* до безконечности и т. п. Конечно, геометры, вмѣсто открытія новыхъ теоремъ, превратились бы въ философовъ и начали бы спорить объ *эмпирическомъ или интуитивномъ*, или еще какомъ либо происхожденіи аксіомъ и геометрическихъ основныхъ понятій. Такъ то и всѣ другія науки стоятъ на готовомъ основаніи, а потому и могутъ болѣе или менѣе успѣшно идти далѣе

Синайскій. А что если они на это скажутъ, какъ я слышалъ отъ одного серьезно занимающагося географіею учителя, что намъ нѣтъ никакой надобности входить въ нескончаемые споры о происхожденіи и дѣйствительности этихъ первыхъ основаній наукъ. Вѣдь, на дѣлѣ оказывается, что эти основанія, откуда бы они ни происходили, вѣрны; годность и значеніе результатовъ изъ этихъ готовыхъ основаній въ математикѣ и естественныхъ наукахъ ручается за вѣрность и годность самихъ основаній. Что намъ за дѣло до того, откуда мы беремъ наши понятія величины, тождества, различія, равенства, единицы, непрерывнаго и безконечно-дѣлимаго пространства, прямой и кривой линіи въ математикѣ, или матеріи, наполняющей пространство, въ физикѣ? Далѣе, что намъ за дѣло до того, существуетъ ли или не существуетъ единство, тождество, пространство и матерія и т. п., если приложеніе этихъ понятій сперва въ математикѣ, механикѣ и физикѣ, а потомъ въ практическихъ прикладныхъ наукахъ отлично помогаетъ намъ строить зданія, мосты, желѣзныя дороги и т. д.?! Значитъ,—вмѣсто без-

---

[1]) По поводу этихъ мнѣній Юма позволю себѣ предложить читателю справиться въ моей книгѣ „Генезисъ теоріи пространства и времени у Канта“, Кіевъ. 1884 года. Глава II-я. Примѣчаніе редактора.

плодныхъ занятій философіей, не лучше ли дѣлать дѣло, т. е., заниматься науками и улучшать нашу жизнь!

Сократъ. Вашъ знакомый, должно быть, побылъ въ атмосферѣ позитивизма, ибо это направленіе становится теперь популярнымъ и начинаетъ принимать общедоступныя и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно *вульгарныя* формы. Вашему знакомому и ему подобнымъ людямъ мы можемъ сказать, что самая главная ошибка высказаннаго имъ взгляда состоитъ, по моему, въ томъ, что онъ совершенно условное и имѣющее основаніе только во внѣшнихъ причинахъ, именно, въ слабости индивидуальныхъ силъ, раздѣленіе знанія на различныя и частныя науки возводитъ въ безусловный законъ, лежащій въ самой сущности знанія. Напротивъ, если принять въ соображеніе эту сущность, то отдѣльныхъ наукъ нѣтъ и не должно быть. Есть *одна только наука*, одинъ организмъ знанія, какъ есть одна только органическая жизнь. Если мы будемъ принимать, напр., гигіеническія мѣры для правильности функцій нервной системы, органовъ движенія, органовъ дыханія, оставивъ безъ заботъ и въ пренебреженіи органы пищеваренія и кровообращенія, то несомнѣнно придемъ къ разстройству всей нашей органической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ самыхъ органовъ, о которыхъ мы заботились. Точно тоже можно сказать и о системѣ знанія. Оно, подобно самой познающей душѣ, *едино и нераздѣльно*, выражается ли оно въ первыхъ основныхъ понятіяхъ и въ ихъ приложеніи къ опыту, или же въ выводахъ изъ нихъ, или же въ объясняющихъ факты гипотезахъ. Такъ какъ эта душа, кромѣ познанія, проявляется и въ другихъ дѣятельностяхъ, напр., въ желаніи и чувствѣ, то, конечно, знаніе служитъ средствомъ или орудіемъ для этихъ дѣятельностей: нельзя желать, не зная желаемаго объекта, нельзя чувствовать безъ представленія. Но, служа орудіемъ для другихъ потребностей духа, знаніе также и само по себѣ есть потребность и цѣль того же духа и въ качествѣ этой цѣли получаетъ форму *истины*, т. е., такихъ понятій или сужденій, съ которыми соединено *сознаніе* полной увѣренности и ничемъ не возмущаемой яс-

ности въ нихъ. Далѣе къ этому уже сознанію присоединяется *другое сознаніе*: сознаніе *чувства истины*, чувства на столько интенсивнаго и мощнаго удовлетворенія, что оно не рѣдко безстрашно борется и побѣждаетъ величайшія угрозы и страданія. Конечно, я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что самое интенсивное чувство истины соединено съ сознаніемъ обладанія философской истиною. Съ другой стороны не вѣрно и то, что могутъ быть пріобрѣтены помимо философіи тѣ первыя основанія, на которыхъ стоятъ другія науки, напр., математика и естествовѣденіе. Въ древности была собственно *одна* наука, именно, философія, и только въ новое время началось обособленіе наукъ въ различныя спеціальности. Поэтому первыя основанія древней математики и геометріи получены этими науками отъ философіи, ибо тогда люди, спеціально потомъ получившіе имя философовъ, какъ напр., Платонъ или пиѳагорейцы, были въ то же время и математиками. Точно также и люди, занимавшіеся спеціально математикою, какъ напр., Ѳеодоръ Киренейскій, встрѣчаемый въ платоновомъ діалогѣ: „Теэтетъ“, были въ то-же время и философами. Тѣсная связь математики и естествовѣденія съ философіей и взаимная помощь ихъ другъ другу продолжались черезъ всю исторію науки до нашего времени. Не забудемъ, что такіе великіе философы, какъ Декартъ, Лейбницъ, Кантъ были и великими учеными въ математикѣ, или въ физикѣ. Точно также такіе ученые, какъ Галилей, Кеплеръ, Даламберъ, Ньютонъ, Гюйгенсъ и проч., принимали участіе и въ движеніи философской мысли своего времени. Да и теперь не рѣдко выдающіеся ученые, напр., Риманъ [1]), Гельмгольцъ принадлежатъ къ тому или другому философскому направленію. Узенькій позитивизмъ частныхъ наукъ, въ послѣднее время ничего не хотящій знать о философіи, охватываетъ по преимуществу заурядныхъ дѣятелей математики, естествовѣденія или историческихъ наукъ.

[1]) Риманъ, извѣстный математикъ, былъ гербартіанецъ. Примѣчаніе редактора.

Если бы этотъ позитивизмъ и научная спеціализація дошли до той степени развитія, къ которой они, по видимому, обнаруживаютъ стремленіе, то въ интеллигентныхъ слояхъ общества распространилась бы такая *дикость и ограниченность*, что подверглись бы опасности самые важные интересы умственнаго и вообще культурнаго прогресса человѣчества. Теперь, вѣроятно, всякій встрѣчалъ такихъ ученыхъ спеціалистовъ, которые, ничего не зная и не желая знать кромѣ какой либо вѣточки изъ наукъ естественныхъ, или историческихъ, или филологіи, представляютъ такія уродливыя явленія въ умственномъ, въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ, что всѣмъ мыслящимъ людямъ надобно энергично присоединиться къ тѣмъ голосамъ въ европейской литературѣ, которые уже начали протестовать противъ постоянно разростающейся спеціализаціи наукъ.

Синайскій. Да, вотъ еще о чемъ я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться, Сократъ Ивановичъ! Не рѣдко приходилось мнѣ въ спорахъ съ ними указывать на великую важность и необходимость философіи и въ настоящую минуту, и въ будущее время при рѣшеніи вопросовъ нравственныхъ и соціальныхъ. Но и тутъ они отвергаютъ надобность философіи и говорятъ, что въ этихъ вопросахъ она не только ничего не выяснитъ, а скорѣе запутаетъ. Для рѣшенія нравственныхъ и соціальныхъ задачъ мы можемъ, по ихъ мнѣнію, руководиться современной *этикой* и *соціологіей*, разработываемыми на эмпирическомъ основаніи. Нѣкоторые же изъ моихъ товарищей, не ссылаясь на этику и соціологію, считаютъ совершенно достаточнымъ руководиться въ этомъ отношеніи ученіемъ религіи....

Въ это время въ передней послышался шумъ и голоса вошедшихъ людей, и Сократъ наскоро обратился къ Синайскому съ словами: „къ сожалѣнію, сейчасъ я не свободенъ бесѣдовать съ вами объ этомъ весьма важномъ и интересномъ вопросѣ; при слѣдующемъ свиданіи мы обстоятельно займемся имъ“.

Въ комнату вошли Карамазовъ съ Калгановымъ и объявили,

что вслѣдъ за ними ѣдутъ и дамы. Сократъ, поздоровавшись съ ними, познакомилъ ихъ и съ Синайскимъ; и когда онъ хотѣлъ уходить и сталъ прощаться съ хозяиномъ, то Сократъ удержалъ его, говоря, что ему будетъ, вѣроятно, интересно присутствовать при бесѣдѣ, которая начнется тотчасъ по пріѣздѣ дамъ.

Синайскій на это согласился и остался.

Калгановъ. Ну, Сократъ Ивановичъ, вчера я былъ у нихъ (указывая на Карамазова) и видѣлъ, что Катерина Ивановна припасла цѣлый кулекъ разныхъ снадобій для „отечественнаго симпозіона“.

Сократъ. (Улыбаясь). Всякое даяніе—благо, и спасибо Катеринѣ Ивановнѣ, что она балуетъ служителя философіи, который, по сластолюбію своему, въ питіи и яствіи слѣдуетъ примѣру не философовъ, а жрецовъ, разумѣется, языческихъ.

Въ это время появились и Карамазова съ Серебряковой.

„Вотъ“, говорила Катерина Ивановна, передавая Сократу кулекъ: „тутъ разные припасы, которые позвольте предложить вамъ для вашего отечественнаго.... забыла, какъ онъ называется“.

„Отечественнаго симпозіона“! подсказалъ Калгановъ.

„Большое вамъ спасибо“, отвѣчалъ Сократъ, принимая кулекъ, „за вашъ даръ! Я сейчасъ же передамъ его въ надежныя руки хозяйки для надлежащаго употребленія“.

При этихъ словахъ дамы какъ-то вопросительно посмотрѣли на Сократа.

„Я, вѣдь, не совсѣмъ бобылемъ живу“, сказалъ онъ, улыбаясь и какъ бы отвѣчая на вопросительный взглядъ, и затѣмъ сдѣлалъ два удара кулакомъ въ одну изъ стѣнъ своей комнаты, въ которой мы всѣ находились.

„Кстати, скажите, Сократъ Ивановичъ, что значитъ этотъ симпозіонъ?“ спрашивала между тѣмъ Катерина Ивановна.

Сократъ. *Симпозіонъ*, по гречески, значитъ пиршество или, точнѣе, попойка. Такъ назвалъ великій философъ, божественный Платонъ, одинъ изъ своихъ глубочайшихъ и въ то же время пре-

лестнѣйшихъ діалоговъ, который я и совѣтовалъ бы вамъ прочесть, хотя бы и въ нѣсколько топорномъ переводѣ Карпова.

Въ это время въ комнату вошла чрезвычайно раскраснѣвшаяся дѣвочка лѣтъ 14-ти, которую Сократъ и представилъ дамамъ, какъ свою дочь, а также и мужчинамъ, которые были съ ней не знакомы, за исключеніемъ одного Калганова, который былъ, по видимому, хорошо знакомъ съ нею, потому что, привѣтливо поздоровавшись, сейчасъ же началъ шутить съ нею.

Калгановъ. (Обращаясь къ Катеринѣ Ивановнѣ и указывая на дочь Сократа). Вы подумаете, что Александра Алексѣевна такъ раскраснѣлась отъ смущенія передъ незнакомымъ обществомъ, и вполнѣ ошибетесь; она дѣвица весьма не робкаго десятка и раскраснѣлась отъ того, что въ кухнѣ принимала горячее участіе въ произведеніи пирога для „отечественнаго симпозіона“. Я этотъ пирогъ особенно люблю и съ удовольствіемъ воображаю то время, когда Александра Алексѣевна будетъ печь этотъ пирогъ исключительно для меня, ибо уже давно рѣшено, что она, по выходѣ изъ гимназіи, выйдетъ за меня замужъ. (Калгановъ былъ холостякъ).

Дочь Сократа. Какъ же!? такъ и ждите, что-бъ я вышла за васъ. Вы постоянно спорите съ папой, и я ужь давно объявила вамъ, что выйду замужъ только за того, кто будетъ съ нимъ во всемъ согласенъ.

Калгановъ. Ну, въ такомъ случаѣ вамъ ни за кого и не придется выйти замужъ, потому что никто никогда не согласится съ вашимъ папой.

Дочь Сократа. Да и не нужно! Мы и вдвоемъ съ нимъ проживемъ, какъ и теперь живемъ.

Сократъ. Спасибо тебѣ за твою защиту, милая дочка! Вотъ, возьми же этотъ кулекъ съ припасами для симпозіона и проведи туда (указывая на сосѣднюю комнату) этихъ дамъ. Сейчасъ и мы придемъ туда-же.

Тогда дѣвочка, взявши кулекъ, повела обѣихъ дамъ въ ту комнату, гдѣ мы прошлый разъ завтракали. Пошутивши нѣсколько по

поводу предшествовавшей сцены и бойкости, обнаруженной дочерью Сократа, мы перешли въ сосѣднюю комнату, куда вышли и дамы изъ комнаты, бывшей съ ней рядомъ и, вѣроятно, занимаемой дочерью Сократа, которая тутъ однако не осталась и вышла въ кухню по хозяйству.

Въ это время вошелъ въ комнату и Красоткинъ, и когда всѣ присутствовавшіе размѣнялись съ нимъ привѣтствіями, то Сократъ прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ о моихъ недоумѣніяхъ по поводу понятія бытія у Канта.

Я. Какъ вы, конечно, знаете, въ сочиненіяхъ Канта есть два мѣста объ этомъ понятіи, а именно въ одномъ изъ его раннихъ сочиненій, кажется въ 1763 году, гдѣ Кантъ предлагаетъ свое основаніе для доказательства бытія Божія, находя неудовлетворительными онтологическое и другія доказательства, господствовавшія въ то время въ вольфіанской школѣ; другой разъ понятіе бытія является у Канта въ „Критикѣ чистаго разума“, гдѣ Кантъ вообще объясняетъ невозможность доказать существованіе Бога посредствомъ разума и опять предлагаетъ критику того же школьнаго онтологическаго доказательства; опредѣленіе бытія, данное въ обоихъ случаяхъ Кантомъ, совершенно одинаково. Мнѣ, признаться сказать, не совсѣмъ вразумительно это опредѣленіе, и я хотѣлъ съ вами объ немъ посовѣтоваться. У Шопенгауера, сколько я знаю, также не высказывается опредѣленнаго и яснаго взгляда на понятіе бытія, да кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ онъ относится къ этому понятію различно.

Сократъ. Извините, господа, если я предложу, чтобы дамамъ дать преимущество всегда предлагать свои вопросы, хотя бы онѣ сами и не вели разговора. Я, вотъ, сейчасъ замѣтилъ на лицахъ ихъ обѣихъ большое недоумѣніе и полагаю, что оно происходитъ отъ непонятности для нихъ словъ: *„онтологическое доказательство бытія Божія“*.

Карамазова. Вполнѣ угадали.

Серебрякова. И я не понимаю этихъ словъ.

Сократъ. Сперва нужно объяснить слово: *онтологія*. Слово это греческое и значитъ: наука или *ученіе о существующемъ*. Такъ очень долго назывался отдѣлъ философіи, излагавшій понятія о самыхъ общихъ свойствахъ всего существующаго. Въ послѣднее время этотъ терминъ сталъ почти не употребителенъ. Ученіе же, которое излагалось въ онтологіи, теперь излагается подъ именемъ метафизики или теоріи познанія, разумѣется, въ тѣхъ философскихъ системахъ, которые признаютъ метафизику, или ученіе о *послѣднихъ основаніяхъ бытія и знанія*. Тѣ же направленія, какъ напр., позитивизмъ, феноменизмъ, которыя отрицаютъ субстанціальное или вѣчное бытіе, и которыя, подобно Шугаеву, не придаютъ никакого значенія понятію бытія и видятъ въ существахъ какіе то *пучки* или *совокупности* качествъ, никому не принадлежащихъ и, Богъ знаетъ откуда, появившихся,—эти направленія какъ онтологію, такъ и метафизику считаютъ вздоромъ.

Серебрякова. А что значитъ слово: *онтологическое* доказательство бытія Божія?

Сократъ. Такъ называлось доказательство существованія Бога, необходимо вытекавшее изъ самой мысли о его существѣ. Иначе говоря, онтологическое доказательство претендовало на то, что нельзя подумать о такомъ существѣ, какъ Богъ, не признавая тѣмъ самымъ его бытія.

Серебрякова. Все таки я изъ этого ничего еще не понимаю.

Сократъ (обращаясь къ Синайскому). Какъ вы думаете, Петръ Семеновичъ? намъ этого дѣла нельзя выяснить, не вдавшись въ исторію о происхожденіи онтологическаго доказательства? Вы говорили мнѣ какъ то, что хотѣли писать сочиненіе объ этомъ предметѣ; такъ не можете ли намъ объяснить его по короче.

Синайскій. Попытаюсь, хотя думаю, что не съумѣю кратко объяснить эту вещь. Доказательство, спеціально извѣстное въ философіи подъ именемъ *онтологическаго*, высказано было въ Европѣ въ 11-мъ вѣкѣ Ансельмомъ, бывшимъ сперва аббатомъ въ Нормандіи, а потомъ примасомъ Англіи, архіепископомъ Кентерберійскимъ.

Ансельмъ, признанный святымъ католическою церковью, въ теченіи долгаго времени съ величайшею энергіею старался найти такое строго логическое доказательство бытія Божія, что бы оно не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію и было безусловно непоколебимо для мыслящаго разума.

Карамазова (къ Синайскому). Мнѣ странно, о чемъ хлопоталъ этотъ Ансельмъ, признанный хотя и католическою церковью, но все таки святымъ. Неужели онъ могъ самъ сомнѣваться въ бытіи Божіемъ?

Синайскій. Конечно, самъ онъ не сомнѣвался въ этомъ, но онъ держался такого *принципа*, что все, во что христіанинъ вѣруетъ на основаніи Божественнаго Откровенія и на основаніи своей принадлежности къ церкви, должно было быть понято и оправдано разумомъ. Христіанское же ученіе о Богѣ предполагаетъ, что язычники, къ которымъ оно обращалось съ проповѣдію, не сомнѣваются въ существованіи Бога, хотя и понимаютъ Его ложно и неправильно. Ансельмъ былъ христіанскій богословъ, но въ тоже время и ученый философъ, а потому естественно хотѣлъ поставить вопросъ о существованіи Бога въ строго логической и соотвѣтствующей требованіямъ тогдашней науки формѣ, такъ чтобъ это существованіе было признано однимъ разумомъ человѣческимъ помимо ученія о Богѣ, основаннаго на Божественномъ Откровеніи, чтобы невѣрующій въ христіанскую религію не могъ отзываться тѣмъ, что онъ вообще не признаетъ существованія Бога. Нѣсколько лѣтъ Ансельмъ былъ до того занятъ обдумываніемъ своей задачи, что оно смущало его даже во время церковной службы и совершенія таинствъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, которыя не удовлетворяли его, Ансельмъ наконецъ успокоился, разрѣшивши вопросъ, какъ казалось ему, вполнѣ удовлетворительно.

„Безумный, отрицающій Бога, разсуждалъ Ансельмъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ своимъ разумомъ и своимъ собственнымъ отрицаніемъ. Или иначе говоря, отрицаніе Бога есть мысль, заключающая въ себѣ противорѣчіе. Противорѣчіе со-

стоитъ въ томъ, что отрицающій, конечно, долженъ разумѣть что либо подъ тѣмъ, что онъ отрицаетъ, т. е., имѣть понятіе или какую либо мысль о Богѣ. Богъ, по общему понятію объ Немъ, разсуждаетъ Ансельмъ, есть нѣчто величайшее или нѣчто такое, больше чего нельзя себѣ и представить. Значитъ, отрицающій Бога какъ бы говоритъ такія слова: „я думаю о томъ, больше чего нельзя себѣ и представить, и въ тоже время думаю, что это самое наибольшее не существуетъ“. Конечно, подобныя слова суть безсмыслица и на нихъ можно было бы сказать: „какъ же ты думаешь о томъ, больше чего нельзя себѣ представить, а между тѣмъ думаешь, что это самое не существуетъ, не имѣетъ бытія, т. е., не имѣетъ того, что имѣетъ всякое ничтожество, однимъ словомъ, всякая вещь, которая существуетъ“. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что невѣрующій, желающій отрицать Бога и ради этого отрицанія подумавшій о Нёмъ, тѣмъ самымъ, т. е., одною мыслію о Богѣ, и призналъ бы Его бытіе, ибо мыслить о Богѣ и не признавать Его бытія, значило бы то же, что вовсе не думать о Немъ, что противорѣчило бы намѣренію отрицать.

Серебрякова. Но я вотъ чего не понимаю, съ какой стати и какое право я имѣю думать о чемъ либо величайшемъ.

Синайскій. Съ этимъ вопросомъ обратитесь уже къ Сократу Ивановичу, а я свою обязанность окончилъ.

Сократъ. Думать вы имѣете право о чемъ угодно, конечно, только такъ, чтобы ваша мысль была мыслью, а не пустымъ словомъ или выраженіемъ какой либо безсмысленной фантазіи. Напр., если вы вообразите и будете говорить о существованіи горъ безъ долинъ, то это была бы не мысль, а безумная противорѣчивая фантазія, ибо горы безъ долинъ не мыслимы. Что же касается до мысли о чемъ нибудь величайшемъ, т. е., болѣе чего нельзя себѣ вообразить, то, по Ансельму, это вовсе не есть безсмыслица, потому что эта мысль не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Что существуетъ что либо большее, чѣмъ все другое, полагаетъ Ансельмъ, есть возможность, которую можно допустить и мыслить. Что же касается

до того, *съ какой стати* вы будете мыслить объ этомъ или какой можетъ быть мотивъ для того, то онъ можетъ заключаться въ потребности человѣка думать обо всемъ существующемъ, не только въ данную минуту представляющемся существующимъ, но и о возможномъ. Конечно, нужно чтобы эта потребность естественно вызывалась какою либо серьезною надобностію, напр., объяснить происхожденіе или родъ и способъ бытія чего либо непосредственно даннаго и т. под.

Серебрякова. Но еслибъ я сказала, что я не хочу думать о какихъ либо возможностяхъ?

Сократъ (улыбаясь). Что-жь дѣлать? Мы, конечно, не стали бы принуждать васъ думать и только бы отмѣтили себѣ на память, что Анна Михайловна не имѣетъ охоты думать и узнать что либо сверхъ того, что ей, такъ сказать, насильно представляется передъ глазами или, иначе говоря, что она не имѣетъ охоты къ расширенію круга своей мысли и своего знанія. Впрочемъ, въ философіи существуетъ воззрѣніе, что мысль о Богѣ есть необходимая мысль, т. е., что она необходимо возникаетъ въ насъ въ силу нашей природы. Но я не буду вдаваться въ эту тему, потому что разсмотрѣніе ея очень отдалитъ насъ въ сторону, а кромѣ того съ большимъ удобствомъ намъ придется сдѣлать это впослѣдствіи.

Красоткинъ (обращаясь къ Серебряковой). Позвольте мнѣ, Анна Михайловна, отвѣтить за васъ Сократу Ивановичу, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ.

Сократъ (улыбаясь). Уже рѣшено, что дамы могутъ предлагать вопросы, а прежде было рѣшено, что, по ихъ желанію, ихъ могутъ замѣщать и мущины.

Серебрякова. Да! помогите мнѣ, Николай Ивановичъ. (Смѣясь). Мнѣ все кажется, что Ансельмъ, а, пожалуй, за нимъ и Сократъ Ивановичъ вмѣстѣ съ Г-номъ Синайскимъ ставятъ тутъ какую-то логическую ловушку.

Красоткинъ. А, можетъ быть, сами же они въ нее и попадутся. (Обращаясь къ Сократу). Я готовъ признать законность раз-

сужденій Ансельма и думаю, что мысль о чемъ нибудь наибольшемъ, чѣмъ все другое, совершенно возможна, и что было бы противорѣчіемъ не признавать это наибольшее существующимъ. Конечно, такое наибольшее несомнѣнно существуетъ и есть *матерія* въ ея цѣломъ, которое, конечно, больше, чѣмъ всякая другая отдѣльная матеріальная вещь.

Сократъ. Т. е., значитъ, матерія въ ея цѣломъ и есть Богъ! Я съ удовольствіемъ бы согласился съ вами, если бы не представлялось одного маленькаго затрудненія. Не говоря уже о томъ, что, какъ прошлый разъ мы видѣли, матерія не существуетъ сама по себѣ, воображать ее какъ наибольшее невозможно, потому что она не составляетъ и не можетъ составить никакого цѣлаго. Всякое матеріальное наибольшее было бы количественнымъ, а въ области количества не можетъ быть наибольшаго, т. е, чего нибудь такого, больше чего нельзя было бы себѣ представить. Едва мы только представимъ какое нибудь количество матеріи наибольшимъ по пространству-ли, по времени или же по числу его элементовъ, то сейчасъ-же это представленіе уступаетъ мѣсто другому о еще большемъ количествѣ и т. д. безъ конца. Дѣло въ томъ, что выраженіе наибольшаго, употребленное Ансельмомъ, можетъ повести къ недоразумѣнію, въ которое, какъ мнѣ кажется, вы и впали. Собственно онъ разумѣлъ это наибольшее не въ количественномъ отношеніи, а въ качественномъ. Въ послѣдствіи ансельмово доказательство было поправлено и стало извѣстнымъ въ философіи въ формѣ, данной ему Декартомъ. Замѣною понятія наибольшаго понятіемъ *совершеннѣйшаго* онтологическое доказательство у Декарта принимаетъ болѣе ясное выраженіе. Если кто либо подумаетъ о Богѣ, какъ о *совершеннѣйшемъ существѣ*, и въ то же время будетъ отрицать его существованіе т. е. предполагать, что этому совершеннѣйшему не достаетъ того, что есть у самаго ничтожнѣйшаго существа, т. е., бытія, тотъ впадаетъ въ противорѣчіе.

Красоткинъ. А нельзя-ли и противъ совершеннѣйшаго обратить ваше же возраженіе, сдѣланное сейчасъ по поводу наиболь-

шаго, т. е., что едва мы только представимъ себѣ совершеннѣйшее существо, такъ сейчасъ же намъ представится еще болѣе совершенное и т. д.?

Сократъ. Ну, разница между этими двумя случаями существенная! Въ области количества нѣтъ никакой возможности, хотя бы на время, остановиться на наибольшемъ, потому что здѣсь безпрерывная возможность увеличенія или уменьшенія составляетъ самую сущность количества. Конечно, и въ области качества возможенъ переходъ отъ однѣхъ *степеней* къ другимъ, но для этого перехода всегда нужно какое нибудь основаніе, внѣшнее относительно самой той ступени качества, на которой мы остановились мыслью. Такъ въ области нравственной, конечно, могутъ быть различныя ступени нравственнаго совершенства, но когда мы представимъ, напр., съ точки зрѣнія какой либо нравственной системы, положимъ христіанской, полную безгрѣшность, т. е., до послѣдней іоты выполненіе христіанскаго нравственнаго закона, то едва ли можетъ быть поводъ къ представленію еще большаго нравственнаго совершенства. Или, говоря иначе, для христіанина невозможно представленіе еще высшей нравственной ступени, чѣмъ та, какую онъ представляетъ себѣ въ Спасителѣ І. Христѣ. Или, напр., въ буддизмѣ, съ точки зрѣнія буддизма, едва ли можно представить еще большую ступень нравственнаго совершенства, чѣмъ та, которую буддисты представляютъ себѣ въ Буддѣ. Тоже можно сказать и объ другихъ отношеніяхъ въ области качества.

„Но однако поостережемся вдаваться въ многочисленные вопросы, которые могутъ возникать по поводу такъ называемаго онтологическаго доказательства. Эти вопросы для насъ *побочные* и могутъ завести насъ далеко въ сторону отъ того предмета, для объясненія котораго мы и повели рѣчь объ этомъ доказательствѣ, а именно отъ понятія бытія, даннаго Кантомъ. Впрочемъ, если въ вѣчномъ, безвременномъ бытіи есть продолженіе нашихъ бесѣдъ, то мы придемъ инымъ путемъ къ вопросу о Богѣ и Его существованіи съ точки зрѣнія разума. (Обращаясь ко мнѣ). Итакъ, Ила-

тонъ Михайловичъ, возвратимся же опять съ вами къ нашему предмету.

Я. Я нахожу, что отступленіе, происшедшее въ нашемъ разговорѣ, выяснило для меня одно, какъ мнѣ кажется, важное обстоятельство. Мнѣ думается, что прежде чѣмъ разсуждать о возможности вывести изъ идеи или понятія о Богѣ его бытіе, надобно было бы Ансельму, Декарту, или кому другому выяснить точно, что собственно мы разумѣемъ подъ *бытіемъ* не Бога, а вообще чего-бы то ни было. Я нахожу, что если философы сдѣлали этотъ пропускъ, то всѣ ихъ разсужденія о бытіи Бога должны были быть болѣе или менѣе шаткими.

Сократъ. Ваши замѣчанія мнѣ кажутся какъ нельзя болѣе вѣрными. Дѣйствительно, въ философіи существуетъ тотъ важный пробѣлъ, что философы систематически не занимались изслѣдованіемъ значенія понятія бытія, а говорили о немъ вскользь, мимоходомъ. Разсуждали о существованіи Бога, и разныхъ существъ, о существованіи атомовъ, матеріи, пространства, времени, но вопросъ о томъ, *что значитъ существовать*, былъ какъ бы нестоющимъ вниманія, или же казался такимъ общеизвѣстнымъ, о которомъ не стоитъ и разсуждать Самый яркій примѣръ этому мы встрѣчаемъ у того же Декарта. Когда по поводу его знаменитаго положенія: „я мыслю, слѣдовательно существую“, пошелъ споръ о правѣ на это положеніе, то разсуждали всего больше о томъ, есть ли оно силлогистическій выводъ изъ посылокъ, или же выраженіе факта, или же индукція. Но самое главное, именно: что значитъ быть или существовать, предполагалось всѣмъ извѣстнымъ. Даже самъ Декартъ, сколько я помню, при этихъ спорахъ выразился такъ, что едва-ли кто либо столь безсмысленъ, чтобы не знать, что значитъ бытіе.

Я. Кажется, Кантъ и хотѣлъ восполнить этотъ недостатокъ; по крайней мѣрѣ, онъ опредѣляетъ бытіе, говоря, что оно есть „положеніе вещи“. Но что онъ хотѣлъ сказать этимъ опредѣленіемъ: „положеніе вещи“, я не совсѣмъ понимаю. Дальнѣйшія

объясненія Канта совершенно сбиваютъ меня съ толку и дѣлаютъ такое впечатлѣніе, что какъ будто это „положеніе“ ничего не значитъ, или что какъ будто-бы *положить* или *поставить* вещь вовсе не значитъ думать про нее ту особенность, которая и составляетъ самый важный пунктъ, когда мы споримъ о томъ, существуетъ ли вещь или не существуетъ, напр., когда мы споримъ о томъ существуетъ-ли эфиръ, существуютъ-ли атомы, существуетъ-ли душа, добрые или злые духи и т. под.—Когда мы говоримъ про что либо, что оно „*есть*“, напр., Богъ есть, то этимъ, какъ выражается Кантъ, мы ничего не прибавляемъ къ понятію Бога. Повидимому, по Канту, все равно, что сказать Богъ есть, или сказать, что подъ Богомъ разумѣется существо съ такими-то и такими-то признаками т. е., изложить мнѣніе или понятіе о Богѣ. По крайней мѣрѣ, его примѣръ, что 100 дѣйствительныхъ талеровъ ничего не заключаютъ больше въ нашей мысли, сравнительно съ 100 возможными талерами, ведетъ къ такому пониманію Если я далѣе понялъ, что разумѣетъ Кантъ, когда онъ говоритъ, что „понятія бытія есть понятіе опытное“, или когда онъ говоритъ, что „*реальное опредѣленіе* есть признакъ, заимствуемый внѣ области понятія и увеличивающій его содержаніе“, *то* мнѣ кажется, что Кантъ этимъ хочетъ сказать, что реальный признакъ бытія состоитъ въ томъ, что вещь, за которою онъ утверждается, доступна чувственному опыту или прямому выводу изъ него. Если это такъ, то кажется тогда совершенно справедливо опроверженіе Кантомъ онтологическаго доказательства, но тогда оно похоже на опроверженіе теперь нерѣдко встрѣчающихся школьниковъ, которые самоувѣренно отрицаютъ Бога потому только, что Его нельзя видѣть или осязать.

Карамазова (съ волненіемъ). Господи! какъ все это трудно, а между тѣмъ дѣло касается того, что всего важнѣе для насъ, именно Бога. Хотѣлось-бы мнѣ все это понять, но я не знаю, какъ. Помогите, Сократъ Ивановичъ!

Сократъ Употреблю всѣ свои усилія, Катерина Ивановна! Но при этомъ прошу извиненія у присутствующихъ, если мнѣ при-

дется лишній разъ что нибудь повторить изъ сказаннаго Платономъ Михайловичемъ. Мысли и выраженія Канта я буду приводить безразлично изъ обоихъ мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о понятіи бытія. При этомъ я буду просить Платона Михайловича, слѣдить не ошибусь ли я, или не искажу-ли я въ чемъ либо слова или мысль Канта.

„Говоря, что мысль о бытіи ничего не прибавляетъ къ тому, къ чему она присоединяется, Кантъ хочетъ сказать, напр., что когда я выскажу все то о вещи, что я вижу въ ней зрѣніемъ, и потомъ, пощупавши ее, присоединю, что она мягка или тверда, гладка или шероховата и т. п., то я нѣчто прибавлю къ ея понятію, увеличу его содержаніе; но когда я что нибудь выскажу о вещи и *потомъ* еще присоединю къ сказанному, что она существуетъ, то этимъ ничего не прибавлю къ понятію объ ней и не увеличу его содержанія. Когда я скажу про 100 талеровъ или рублей, что они серебряные, что они ходячая монета, что имѣютъ вытиснутый государственный гербъ и т. д., то это можно объ нихъ сказать одинаково, имѣемъ ли мы ихъ только въ мысли, или-же въ рукахъ или въ карманѣ, т. е., какъ говорится, дѣйствительно. Прибавка слова: есть, ничемъ это понятіе не увеличиваетъ.

„Но вы спросите, можетъ быть, о томъ, что интересуетъ и Платона Михайловича, что же значатъ слова Канта, когда онъ говоритъ, что бытіе есть „положеніе“, или даже „абсолютное положеніе“ вещи? Совершенно яснаго и точнаго отвѣта, сколько помнится, на такой вопросъ у Канта не найдется, но нѣкоторыя объясненія и примѣры, приведенные имъ, по моему, даютъ понять, что это „положеніе“ относится не къ понятію бытія, а только къ словесной формѣ, въ которой мы выражаемся, говоря о бытіи. „Существованіе въ тѣхъ случаяхъ, говоритъ Кантъ, когда мы употребляемъ его въ нашей обыкновенной рѣчи, какъ предикатъ или сказуемое, т. е., когда мы говоримъ безотносительно, что А есть, есть предикатъ собственно не самой вещи, а скорѣе той

мысли, которую мы имѣемъ объ этой вещи; напр., морской единорогъ существуетъ, а земноводный нѣтъ. Этимъ ничего другого не говорится какъ то, что представленіе морскаго единорога есть опытное понятіе, т. е., представленіе существующей вещи, а потому убѣжденія въ истинности сужденія о существованіи таковой вещи нечего искать въ понятіи субъекта, потому что тамъ находятся только предикаты возможности, но въ *происхожденіи* познанія, какое я имѣю о субъектѣ. Тогда говорятъ: я видѣлъ его или слышалъ отъ тѣхъ, которые видѣли". Изъ этихъ нѣсколько запутанныхъ словъ выходитъ, что къ слову: *есть*, нужно сдѣлать мысленно или же явно добавку, что предметъ, о которомъ мы думаемъ, подлежитъ чувственному опыту. Нѣтъ этой добавки, или нельзя подразумѣвать ее, то слово: есть, ничего не выражаетъ, ибо оно само по себѣ—пустое слово. Безотносительность этого слова по формѣ, или громкозвучащее „абсолютное положеніе" ничего не значитъ; на немъ ничего не основано. Что именно такова дѣйствительно мысль Канта доказывается его словами, въ которыхъ онъ объясняетъ, что затрудненіе и смѣшеніе возможности предмета съ дѣйствительнымъ его бытіемъ возникаетъ для насъ только тогда, идетъ рѣчь о „предметахъ чистаго мышленія", напр., тогда, когда мы говоримъ въ формѣ „безусловнаго положенія": Богъ есть.

Я. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я перерву васъ для уясненія дѣла. Скажите примѣръ, въ которомъ было бы не „абсолютное положеніе", а относительное.

Сократъ. Напр., Богъ есть творецъ міра. Тутъ не абсолютное положеніе, а условное, по отношенію къ творенію міра. Грамматическая разница въ томъ, что здѣсь слово: есть, составляетъ *связку*, а тамъ *сказуемое*. Но, какъ здѣсь связка не прибавляетъ никакого новаго значенія къ смыслу подлежащаго и сказуемаго, такъ тамъ сказуемое не придаетъ никакого новаго значенія подлежащему.

„Итакъ, относительно предметовъ чистаго мышленія можетъ быть затрудненіе, потому что мы лишены всякихъ средствъ знать о бытіи ихъ, но относительно предметовъ чувствъ не можетъ быть

никакого затрудненія и смѣшенія, какъ говоритъ Кантъ, ибо бытіе заключается въ ихъ понятіи. Изъ всего сейчасъ сказаннаго очевидно, что существуетъ для Канта лишь то, что видимо, слышимо, пахнетъ и т. д., значитъ, онъ подъ бытіемъ разумѣетъ тоже, что подъ своей *категоріей дѣйствительности*, т. е., связь того, что дѣйствительно, съ условіями опыта или ощущенія.

„Теперь весьма умѣстно сдѣлать то, что вамъ было желательно, Платонъ Михайловичъ, а именно сравнить съ кантовымъ понятіемъ бытія идею о бытіи Юма. Вотъ точныя слова Юма, которыя я нашелъ послѣ разговора съ вами (вынимаетъ изъ кармана бумажку и читаетъ): „идея бытія, говоритъ Юмъ, совершенно таже, что и идея чего либо, что мы разумѣемъ существующимъ. Размышлять просто объ какой нибудь вещи и размышлять объ этой вещи, какъ объ существующей, рѣшительно нѣтъ никакой разницы. Эта идея, когда она присоединена къ идеѣ какого либо предмета, ничего къ ней не прибавляетъ. Все, о чемъ мы ни думаемъ, мы полагаемъ существующимъ. Всякая идея, которую намъ вздумалось бы образовать, есть идея существа, а идея существа есть всякая идея, какую бы намъ вздумалось образовать. Кто не допускаетъ этого, тотъ долженъ необходимо показать то особое впечатлѣніе, отъ котораго произошла идея существованія и долженъ доказать, что это впечатлѣніе неотдѣлимо отъ всякой перцепціи, которую мы считаемъ существующею. Но мы можемъ сказать безъ малѣйшаго колебанія, что это невозможно“. Изъ этихъ словъ Юма ясно, что та мысль, которая соотвѣтствуетъ слову: бытіе, ничего не присоединяетъ, по Юму, къ перцепціи вообще, т. е., ни къ впечатлѣніямъ, ни къ происходящимъ отъ нихъ идеямъ; а такъ какъ, по Юму, есть только два эти умственныя состоянія, то слово: бытіе, не означающее никакого состоянія, есть пустое слово. Конечно, можно было-бы спросить Юма, зачѣмъ же это ничего не означающее слово присоединяется ко всѣмъ перцепціямъ. Далѣе можно спросить, что это значитъ, что мы не довольствуемся обозначить, напримѣръ, то особое состояніе, знакомое только обладающему

зрѣніемъ, словомъ: красное, но прибавляемъ непремѣнно къ этому слову: есть? Что хотимъ мы сказать этою прибавкою слова: есть? Отвѣта на эти вопросы мы у Юма не найдемъ.

Серебрякова. Да, кажется, ясно, что говорится словомъ: есть, именно, что существуетъ только красное, синее, гладкое, шероховатое, т. е., то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ.

Сократъ. Такъ какъ вы, подобно Юму, ничего не объяснили то я опять предлагаю тотъ-же вопросъ: что же мы хотимъ сказать этимъ: есть или существуетъ? Развѣ не достаточно сказать красное, синее, холодное? Зачѣмъ же еще прибавляется: есть или существуетъ?

Красоткинъ Да просто мы этимъ хотимъ назвать то общее, красному, синему, холодному, теплому, соленому, что они познаваемы внѣшними чувствами.

Сократъ. Да зачѣмъ же намъ два слова или выраженія? Вѣдь, мы и выражаемъ это общее синему, красному и т. д., говоря, что они познаваемы внѣшними чувствами или доступны внѣшнимъ чувствамъ. Зачѣмъ еще слова: „есть“, или „суть“, или „существуетъ“? Кромѣ того мы выражаемся и такъ: все, доступное внѣшнимъ чувствамъ, существуетъ. Опять спрашивается, что мы хотимъ сказать этимъ словомъ: существуетъ?

Красоткинъ. Да, вѣдь, бываетъ же, что двумя словами выражается одно и то же понятіе; вѣдь, употребляются-же синонимы. Мнѣ кажется, что это совершенно не важно и что вы тутъ излишне придираетесь къ слову. Понятно всѣмъ и каждому, что прежде, чѣмъ *быть чѣмъ либо,* надо *быть вообще.*

Сократъ. Вотъ это-то, именно, и оказывается непонятнымъ, хотя кажется очень понятнымъ. Вѣдь, вотъ и Декарту казалось такъ понятнымъ сказать: „я мыслю, слѣдовательно, я существую“. Вѣдь, и ему казалось, что если онъ мыслитъ, то, конечно, и существуетъ. Дѣло, однако, оказалось не такъ просто; съ Декартомъ современные ему философы и ученые завели обширный споръ, говоря, что онъ тогда только имѣетъ право на свой выводъ, когда

онъ докажетъ бо́льшую посылку: всѣ мыслящіе существуютъ. А этой посылки нельзя доказать, если мы не знаемъ, что значитъ: существовать!

„Если мы къ этому примѣру приложимъ объясненіе Юма, т. е., что слова: всѣ мыслящіе существуютъ, значатъ тоже самое, что просто: всѣ мыслящіе, то у Декарта не выйдетъ ни большой посылки, ни силлогизма, ни вывода—ровно ничего. Будетъ только подлежащее: всѣ мыслящіе, ожидающее себѣ сказуемаго.

Я. Да мнѣ кажется, Сократъ Ивановичъ, что вы добиваетесь чего-то невозможнаго. Вѣдь когда вы спрашиваете, чтобы вамъ сказали, что значатъ слова: „есть“, или „суть“, или „существуютъ“, то вы, повидимому, хотите чтобы вамъ сказали понятіе, которое было бы абстрактнѣе, болѣе общее, чѣмъ понятіе: „быть“, „существовать“. Но, вѣдь, это невозможно: что-жъ можетъ быть болѣе общимъ, чѣмъ понятіе: „быть“? Вѣдь, всякое другое понятіе объясняется черезъ понятіе: быть. Шопенгауеръ говоритъ, что „самое общее понятіе, т. е., бытіе, есть *почти* ничто иное, какъ слово“. Онъ насмѣхается надъ профессорами философіи, которые, думая, что словечко: бытіе, звучитъ гораздо внушительнѣе, чѣмъ вульгарныя матеріальныя тѣла, употребляютъ это словечко, разумѣя подъ нимъ стоящіе передъ ними столы и стулья.

Сократъ. Значитъ, и Шопенгауеръ раздѣляетъ съ Кантомъ и Юмомъ то мнѣніе, что понятіе бытія есть только слово. Правда, прибавка къ этому ограниченія—*почти* показываетъ, что и Шопенгауэръ также, какъ и Кантъ и Юмъ, какъ будто что-то и разумѣютъ подъ этимъ словечкомъ, хотя, очевидно, не могутъ дать въ томъ надлежащаго отчета. Мнѣніе Шопенгауера, что бытіе есть самое абстрактное понятіе, есть довольно распространенное мнѣніе, но, по моему, оно ошибочно. Въ послѣдствіи, можетъ быть, мы увидимъ, что понятіе бытія образуется вовсе не путемъ такъ называемой абстракціи. Что касается до остроумной насмѣшки Шопенгауера надъ профессорами философіи, то, къ сожалѣнію, и самъ кумиръ Шопенгауера, Кантъ, тоже думаетъ, что бытіе приличест-

вуетъ только тому, что можно увидѣть или пощупать, т. е., столамъ и стульямъ. Гораздо глубже, хотя также не удовлетворительно, у Шопенгауера другое опредѣленіе понятія бытія, по которому „бытіе есть то, что наполняетъ настоящее время, или оно есть пунктъ соприкосновенія субъекта съ объектомъ". Но объ этомъ, вѣроятно, намъ придется сказать послѣ; а теперь сравнимъ понятіе бытія у Канта и у Юма. Существенное сходство ихъ, по моему, состоитъ въ томъ, что, по Юму, идея бытія не есть копія, какого либо „впечатлѣнія"; а Кантъ ту-же самую мысль выражаетъ, говоря, что бытіе не есть „реальный признакъ вещи". Отсюда неизбѣжно выходитъ, что если не придавать, какъ то и слѣдуетъ, никакого значенія ничего яснаго не выражающимъ словамъ Юма о томъ, что „идея бытія сопровождаетъ всякую перцепцію" и Канта, что „бытіе есть положеніе вещи", то у обоихъ философовъ бытіе есть только слово, не соотвѣтствующее никакой мысли или, по крайней мѣрѣ, опредѣленной мысли. У Канта это особенно ясно вытекаетъ изъ тѣхъ словъ, гдѣ онъ говоритъ, что „бытіе есть предикатъ не вещи, а скорѣе нашей мысли, которую мы имѣемъ о вещи". Очевидно, что это совершенно не точно. Говоря, напр., что морской единорогъ существуетъ, мы говоримъ вовсе не о мысли объ его существованіи, а объ немъ самомъ. Значитъ, мы не имѣемъ, по Канту, никакого понятія о бытіи вещи, а только одно мнѣніе или иллюзію, что мы будто бы имѣемъ это понятіе.

Я. Но что вы скажете на счетъ того, что большинствомъ философовъ теперь признано, что Кантъ опровергъ онтологическое доказательство бытія Божія?

Сократъ. Прежде всего я долженъ сказать, что онтологогическое доказательство, которое подвергаемо было Кантомъ критикѣ, имѣетъ вообще много недостатковъ, подробное изложеніе которыхъ теперь только заставило бы насъ безполезно уклониться въ сторону отъ нашего предмета. Нѣтъ ни одного понятія, входящаго въ это доказательство, которое было бы опредѣленно и не вело бы къ какимъ либо противорѣчіямъ, въ смыслѣ и происхожденіи котораго

мы могли бы дать себѣ полный и ясный отчетъ. Таковы, напр., понятія *всесовершеннѣйшаго, всереальнѣйшаго* существа; понятія дѣйствительности, возможности и проч. Но всѣ эти неясности и неопредѣленности отступаютъ на второй планъ передъ самымъ главнымъ недостаткомъ, лежащимъ въ основѣ и всѣхъ другихъ. Какъ вы совершенно справедливо давеча замѣтили, въ этомъ доказательствѣ нѣтъ никакого опредѣленія самаго главнаго понятія, —бытія. Очевидно, что, когда мы не можемъ дать себѣ яснаго и отчетливаго представленія о томъ, что мы разумѣемъ подъ существованіемъ, то споръ о существованіи не только Бога, но вообще чего бы то ни было, а также и споръ о средствахъ доказать это существованіе не будетъ имѣть никакой твердой почвы для его рѣшенія. Но, не смотря на все это, не смотря даже на то, что Кантъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно *справедливо* говоритъ, что понятіе бытія не принадлежитъ къ реальнымъ признакамъ вещи, что собственно у него значитъ, что бытіе не есть какой либо чувственно воспринимаемый признакъ, онъ все таки не опровергъ онтологическаго доказательства, какъ то принимается многими въ настоящее время, потому что для этого опроверженія нужно было-бы встать на точку зрѣнія этого доказательства, чего Кантъ не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать. Разсмотримъ немного этотъ вопросъ и, я надѣюсь, вы убѣдитесь въ моихъ словахъ Главный нервъ онтологическаго доказательства состоитъ въ томъ, что, какъ мы сейчасъ видѣли, допускается возможность понятія или мысли о Богѣ т. е., что это понятіе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія, что существованіе Бога возможно. Разъ мысль о Богѣ, т. е., мысль о высочайшемъ или совершеннѣйшемъ или всереальнѣйшемъ и т. п. существѣ, возможна, то —заключаетъ онтологическое доказательство—было-бы противорѣчіемъ думать, что это совершеннѣйшее существо не имѣетъ бытія. Но, по Канту, выходитъ, что даже *самая мысль о Богѣ не возможна* и противорѣчива. Въ ученіи „о постулятахъ эмпирическаго мышленія“ Кантъ опредѣляетъ возможность такъ, что „возможно только то, что согласно съ формальными

условіями опыта". Такъ какъ формальныя условія опыта суть прежде всего пространство и время, то значитъ, возможно только то, что можетъ какъ нибудь подлежать пространству и времени. Точно также и въ ученіи „объ основоположеніяхъ чистаго разсудка" сказано: что предметы возможнаго опыта подлежатъ времени и пространству, могутъ быть созерцаемы и ощущаемы, а все созерцаемое дѣлимо; не дѣлимое же, по Канту, не можетъ быть созерцаемо. Но Богъ, по своему понятію, совершенно не допускаетъ этихъ кантовскихъ возможностей опыта, ибо Онъ не пространственъ, не созерцаемъ, не дѣлимъ и т. п., однимъ словомъ, Богъ, по кантовой „Критикѣ чистаго разума" не мыслимъ и представляетъ совершенно противорѣчивое понятіе; а между тѣмъ это понятіе допускается онтологическимъ доказательствомъ. Значитъ, всѣ слова Канта въ разныхъ мѣстахъ той же „Критики" о возможности мыслить Бога, или „совершеннѣйшее существо", или „необходимое существо" точно также стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ ученіемъ его теоретической философіи или съ его теоріей познанія, какъ стоитъ съ нею въ противорѣчіи его утвержденіе о существованіи „вещи въ самой себѣ".

„Въ заключеніе не могу не сдѣлать еще одного замѣчанія объ отношеніи Канта къ доказательству бытія Божія. Тотъ самый Кантъ, который въ „Критикѣ чистаго разума" считаетъ невозможнымъ доказать бытіе Божіе, потому что Богъ есть предметъ разума, т. е., предметъ не подлежащій времени, пространству и чувственному опыту, за одинадцать только лѣтъ до этой „Критики" въ сочиненіи: „О формѣ и началахъ міра чувственнаго и умственнаго" [1]) въ сочиненіи, съ котораго, по общепризнанному мнѣнію, начинается критическій періодъ его философіи, отвергаетъ, какъ нелѣпое, положеніе: „все существующее существуетъ гдѣ либо и когда либо", положеніе, признававшееся нѣкоторыми представите-

[1]) Объ этомъ сочиненіи Канта позволю себѣ рекомендовать мою книгу: „Генезисъ и проч." Глава VI.—Примѣчаніе редактора.

лями вольфіанской школы за аксіому. На основаніи этой мнимой аксіомы, по мнѣнію Канта, происходятъ странныя разсужденія о времени возникновенія и о мѣстопребываніи души, или еще болѣе нелѣпые вопросы о мѣстѣ и времени Бога, котораго помѣщаютъ въ безконечное пространство или въ вѣчное время. Если сопоставить этотъ взглядъ Канта съ критеріями бытія „Критики чистаго разума", по которой оно есть опытное понятіе, то выходитъ противорѣчіе непримиримое.

Въ это время вошла въ комнату дочь Сократа и, размѣнявшись взглядомъ съ отцемъ, тихо сѣла подлѣ Карамазовой.

Я. Такъ значитъ Кантъ, по вашему, сенсуалистъ, а можетъ быть даже и скептикъ?

Сократъ. И то, и другое, если мы возьмемъ въ разсчетъ только одну его *теоретическую философію* или *ученіе о познаніи*. Если же примемъ во вниманіе его практическую или нравственную философію, т. е., ученіе о волѣ и чувствѣ, то окажется еще и третье, и четвертое. И все это переплелось у него въ такой *запутанной формѣ*, что очень мало, по моему, производителенъ тотъ тяжелый трудъ, который постоянно предпринимала послѣ Канта и до сихъ поръ исторія философіи для того, чтобы разобрать, истолковать и упорядочить систему Канта и привести ее къ одному знаменателю, или къ какой нибудь *одной точкѣ зрѣнія*. Мало производителенъ этотъ трудъ, потому что нѣтъ никакой возможности соединить сенсуализмъ или скептицизмъ его „Критики чистаго разума" съ его метафизикой, представляющей видоизмѣненіе метафизики Лейбница и выраженной главнымъ образомъ въ его „Критикѣ практическаго разума" и „Критикѣ силы сужденія". Между тѣмъ Кантъ потратилъ удивительную силу и ума, и воли для того, чтобы соединить эти не соединимыя теченія,—чѣмъ, конечно, невольно ввелъ въ заблужденіе исторію философіи, которая трудилась надъ тѣмъ же соединеніемъ этихъ теченій въ его философской системѣ.

Я. Значитъ, вы считаете совершенно невозможнымъ привести систему Канта въ единство?

Сократъ. Да, считаю совершенно невозможнымъ! Поэтому отъ Канта нужно или воротиться къ Локку и Юму, какъ это и дѣлалось постоянно въ Англіи, а теперь начинаетъ дѣлаться и въ Германіи; или же къ Лейбницу, Спинозѣ, Декарту, а пожалуй и къ грекамъ, какъ это вообще сдѣлано многими въ Европѣ.... Но довлѣетъ дневи злоба его! Находите-ли вы, Платонъ Михайловичъ, что мы достаточно выяснили нашъ вопросъ, т. е., понятіе бытія у Канта?

Я. Достаточно, но возникаетъ много новыхъ вопросовъ!

Сократъ. (Улыбаясь). Ну, безъ этого нельзя до скончанія міра и познанія! Но новые вопросы мы будемъ разрѣшать уже въ другое время, а теперь приступимъ къ „отечественному симпозіону“, а то ужь у меня, съ позволенія сказать, червякъ подъ ложечкою зашевелился. (Обращаясь къ дочери) Саша! Давай, чѣмъ заморить червяка!

Пока присутствующіе стали въ разсыпную дѣлать замѣчанія по поводу сказаннаго о тѣхъ или другихъ пунктахъ предшествовавшей бесѣды, дочь Сократа быстро раскрыла складной столъ, стоявшій въ комнатѣ передъ диваномъ и, накрывши его скатертью, начала носить изъ комнаты Сократа заранѣе приготовленныя и разложенныя на тарелкахъ закуски, а также бутылки съ виномъ, посуду, ножи, вилки и т. п. Въ этомъ ей помогала Серебрякова. Такъ какъ она разставляла приносимое ею безъ системы и какъ попало, то дочь Сократа переставляла все это въ такомъ порядкѣ, чтобы всякая вещь занимала удобнѣйшее для нея помѣщеніе, захватывая возможно меньше мѣста. Затѣмъ она вышла въ кухню

„Посмотрите“, сказалъ по ея уходѣ, обращаясь къ Катеринѣ Ивановнѣ, Калгановъ, „какъ моя будущая невѣста толково и обдуманно уставила столъ посудою и закусками. Вы видите, что въ серединѣ осталось только мѣсто для блюда съ пирогомъ. Очевидно, что она заранѣе обдумала все это и распредѣлила въ своемъ воображеніи“.

Затѣмъ она снова появилась въ сопровожденіи кухарки, нес-

шей пирогъ. Когда онъ былъ поставленъ на столъ и когда Сократъ приглашалъ присутствующихъ выпить водки, дочь его, замѣтивъ, что всѣмъ гостямъ не хватитъ мѣста около стола, быстро вынесла съ кухаркой столикъ изъ своей комнаты, накрыла его и, поставивъ нѣсколько приборовъ, посадила около него обѣихъ дамъ. Вообще она чрезвычайно толково и добросовѣстно исполняла роль хозяйки, такъ что когда увидала Синайскаго, который, вѣроятно, отъ природы застѣнчивый и не ловкій, стоялъ какъ то потерянно у стола съ ножемъ и вилкой въ рукѣ, то она нашла ему мѣсто за дамскимъ столикомъ, усадила его и подала пирога.

Когда присутствующіе позавтракали, то Катерина Ивановна спросила Сократа, не можетъ ли онъ высказать свое собственное мнѣніе о возможности доказательства бытія Божія, такъ какъ ее чрезвычайно интересуетъ этотъ важный предметъ.

Сократъ. Вы, конечно, имѣете въ виду вообще доказательство бытія Божія отъ разума. Я съ своей стороны нахожу, что именно въ виду важности этого предмета всего лучше отложить бесѣду о немъ до тѣхъ поръ, пока мы вполнѣ не выяснимъ себѣ понятія бытія и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ.

Карамазова. Такъ не придете ли вы, Сократъ Ивановичъ, завтра къ намъ обѣдать, и послѣ обѣда, вечеркомъ и занялись бы этимъ? Какъ вы думаете? сказала она, обратившись ко всѣмъ присутствующимъ.

Сократъ. Къ сожалѣнію я, Катерина Ивановна, не могу принять участія въ этомъ ни сегодня, ни завтра, ибо я долженъ загулять.

Карамазова. Скажите, пожалуйста, куда вы иногда пропадаете и загуливаете, какъ я это слышу и отъ васъ самихъ, и отъ Петра Ѳомича.

Сократъ. Такъ, значитъ, Петръ Ѳомичъ, говоря, что я загуливаю, не разболталъ—*гдѣ* и *какъ*; а я, грѣшный человѣкъ, подумывалъ, что онъ разблаговѣстилъ. Ну, спасибо за секретъ! Конечно, это не большой секретъ, но послѣ такого возвышеннаго предмета,

о которомъ мы бесѣдовали сегодня, говорить о мизеріяхъ человѣческой жизни не подобаетъ, а потому я и умолчу о нихъ на нынѣшній разъ.

Карамазовъ. Да и не нужно удовлетворять пустое женское любопытство! А вы вотъ что лучше скажите мнѣ, Сократъ Ивановичъ, если не устали Показалось мнѣ, что вы сегодня говорили о Кантѣ съ нѣкоторою горечью, а между тѣмъ, помнится, всегда заявляли высокое свое уваженіе къ этому философу. Что это значитъ?

Сократъ. Вотъ вашъ вопросъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, скорѣе касается моихъ секретовъ, именно, одной изъ ранъ моего сердца. Точно вы будто спрашиваете объ моихъ отношеніяхъ къ какой либо женщинѣ, которая или сама мнѣ измѣнила, или которой я измѣнилъ. Для человѣка, какъ я, всѣмъ сердцемъ преданнаго философіи, существуютъ своего рода драмы, которыя, къ сожалѣнію, не воспроизведены ни однимъ поэтомъ. Въ занятіяхъ этой наукой бываютъ моменты восхищенія и восторга отъ сознанія обладанія истиной, а также возникаютъ и чувства непоколебимой преданности и увѣренности въ той или другой системѣ, нисколько не уступающія по силѣ тѣмъ же чувствамъ въ любовныхъ отношеніяхъ. Съ другой же стороны бываютъ самыя горькія разочарованія и тяжелое сознаніе, какъ это бываетъ и въ любви, что жилъ иллюзіей и служилъ ей. Такъ и съ именемъ Канта связано для меня воспоминаніе объ одномъ изъ трагическихъ моментовъ моей философской жизни. Къ Канту я обратился подъ вліяніемъ шопенгауеровской философіи, съ которой познакомился совершенно случайно и къ которой перешелъ отъ матеріализма и отчасти позитивизма. Кантъ сталъ имѣть на меня не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ и самъ Шопенгауеръ. Правда, я не измѣнялъ шопенгауеровской волѣ, но основанія для нея бралъ преимущественно у Канта; затѣмъ меня никогда не удовлетворяла этика Шопенгауера, между тѣмъ какъ кантовская дѣлала на меня чарующее впечатлѣніе. Послѣ многихъ усилій, соединивъ этику Канта съ метафизикой Шопенгауера, я года два, три наслаждался сознаніемъ обладанія удовлетворяющею

философскою истиною. Но счастіе мое было не прочно. Нѣкоторые весьма важные пункты, какъ въ философіи Канта, такъ и Шопенгауера, на которые я прежде не обращалъ должнаго вниманія, стали тревожить меня съ постоянно возрастающею силою и наконецъ привели къ сознанію, что я истиною еще не обладаю, а что необходима еще новая и напряженная борьба за нее. Борьба эта кончилась тѣмъ, что и Шопенгауеръ, и Кантъ и, даже, можно сказать, по преимуществу Кантъ, перестали быть моими вожатыми въ философской истинѣ. Конечно, я нисколько не потерялъ ни уваженія, ни симпатіи къ Канту и Шопенгауеру, но это уваженіе сравнительно съ прежними чувствами и отношеніями поклоненія и безусловной довѣренности слишкомъ холодно и можетъ даже соединяться съ нѣкоторою горечью.

Карамазовъ. Почему же вы прежде не замѣтили тѣхъ пунктовъ о которыхъ говорите?

Сократъ. Сомнительныхъ пунктовъ не замѣтилъ я прежде вслѣдствіе того, что во мнѣ все еще таились слѣды матеріализма и позитивизма, которые были моею философіей въ молодости и отъ которыхъ я считалъ себя совершенно освобожденнымъ черезъ философію Шопенгауера и Канта. Между тѣмъ это было ошибочно. Позитивизмъ у самого Канта свилъ себѣ гнѣздо въ „Критикѣ чистаго разума“ и даже, какъ это всегда бываетъ, нѣсколько переходилъ въ матеріализмъ, такъ что наиболѣе свободна отъ нихъ была только практическая философія Канта, но она совершенно не соединима съ его теоретической. Что касается до Шопенгауера, то, благодаря его остроумнымъ и чрезвычайно энергическимъ выходкамъ противъ матеріализма, какъ противъ философіи цирюльниковъ и аптекарскихъ помощниковъ, я, несмотря на указанія его противниковъ, не замѣчалъ его несознаваемаго сближенія съ матеріализмомъ.—Впрочемъ, я всегда буду чувствовать благодарность къ Шопенгауеру и Канту за то, что они все таки избавили меня отъ увлеченія матеріализмомъ въ той его болѣе грубой формѣ, въ которой онъ выраженъ у Бюхнера, и далѣе—отъ увлеченія сенсуа-

лизмомъ, который я зачерпнулъ у Фейербаха и—позитивизмомъ, которымъ я нѣсколько времени увлекался чрезъ посредство сочиненій О. Конта .. Впрочемъ я, кажется, начинаю вдаваться въ исторію своихъ странствій въ области философіи, исторію весьма поучительную, но которой заниматься теперь не время.

Карамазовъ. Кто же теперь вашъ философскій кумиръ?

Сократъ. Теперь я уже выучился слѣдовать заповѣди: *не сотвори себѣ кумира*, и сталъ во всѣхъ высшихъ и лучшихъ проявленіяхъ индивидуальнаго духа узнавать и чтить мощь и силу всеобщаго духа.

Послѣ этого поднялся вопросъ о томъ, когда и гдѣ сойтись для бесѣды о понятіи бытія и порѣшили сойтись для того вечеромъ пораньше къ Карамазовымъ въ четвергъ, при чемъ они пригласили къ себѣ и Синайскаго. Меня и Сократа съ Калгановымъ Карамазовы просили непремѣнно къ себѣ обѣдать въ тотъ же четвергъ

Было уже часа четыре, когда мы разошлись.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Въ разговорѣ со мною, въ которомъ принимали участіе и другіе присутствовавшіе, Сократъ излагаетъ свой взглядъ на понятіе бытія. Указавъ на источникъ этого понятія, на его образованіе изъ различныхъ элементовъ нашего сознанія, на его мѣсто въ составѣ этого сознанія, Сократъ дѣлаетъ такъ называемое генетическое опредѣленіе этого понятія.

Въ четвергъ часу въ пятомъ я поѣхалъ къ Карамазовымъ, у которыхъ уже нашелъ Сократа съ Калгановымъ. Когда я вошелъ, то они прекратили начатый разговоръ и послѣ обычныхъ привѣтствій, по видимому, перешли къ его продолженію. Въ довольно пикантной формѣ Калгановъ пояснялъ присутствующимъ, куда и какъ загуливаетъ Сократъ. Оказалось, что время отъ времени онъ проводитъ цѣлые вечера у своихъ товарищей, чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ, играя съ большимъ увлеченіемъ въ винтъ.

Карамазова. Да какъ же это, Сократъ Ивановичъ? Не могу понять, какъ совмѣщается философія съ винтомъ.

Сократъ. Ничего не подѣлаешь, Катерина Ивановна! Отъ юности моея мнози борятъ мя страсти!...

Калгановъ. Да ужь какая тутъ философія!! Онъ такъ азартно винтитъ, что мнѣ случалось, особенно когда онъ порядочно проиграется, слышать отъ него жалобы на философію, которая будто бы

виновата въ томъ, что онъ не можетъ *видѣть* картъ, находящихся у всѣхъ играющихъ, а потому и дѣлаетъ промахи и ошибки.

Я. Однако, что же это Сократъ Ивановичъ? Неужели вы подглядываете чужіе карты?!

Сократъ. Ну, слава Богу, въ такомъ постыдномъ дѣлѣ я еще не грѣшенъ! Петръ Ѳомичъ для краснаго словца искажаетъ дѣло, состоящее вотъ въ чемъ. Хорошій игрокъ, на основаніи переговоровъ, происходящихъ между играющими въ винтъ, и на основаніи своихъ собственныхъ картъ безсознательно и весьма быстро строитъ въ своемъ воображеніи игру каждаго изъ играющихъ. Это построеніе у хорошихъ игроковъ до такой степени вѣрно, что разнится отъ дѣйствительности только въ неважныхъ деталяхъ. Такъ, напр., игрокъ предполагаетъ у кого либо осмерку, между тѣмъ какъ у него на самомъ дѣлѣ семерка или девятка Но это построеніе еще не все! Хорошій игрокъ въ своемъ воображеніи *видитъ* построенную имъ игру каждаго и всѣ происходящія въ ней видоизмѣненія вслѣдствіе движенія игры. Что касается до меня, то построить игру я еще могу, но имѣть надлежащую интуицію, или созерцаніе игры каждаго я не способенъ, отчего и происходятъ печальные промахи. Иногда не можешь дать себѣ отчета не только въ семеркѣ или девяткѣ, но въ валетѣ или дамѣ: вышли они изъ игры или находятся у кого либо въ рукахъ. Причины этого своего недостатка я ни въ чемъ не вижу, какъ въ томъ, что я очень привыкъ къ абстрактному философскому мышленію, которое усилилось у меня на счетъ ослабленія конкретнаго созерцанія....

Въ это время служанка доложила, что подано обѣдать; и мы со смѣхомъ, возбужденнымъ серьезностью тона, съ которымъ излагалъ Сократъ свою теорію винта, пошли въ столовую. Послѣ обѣда, который прошелъ весьма оживленно въ разговорахъ о мотивахъ, сдѣлавшихъ игру вообще и въ карты спеціально такимъ важнымъ соціальнымъ явленіемъ въ Европѣ и особенно въ Россіи, мы занялись чаепитіемъ, во время котораго одинъ за другимъ, пришли Синайскій и Красоткинъ съ Шугаевымъ. Чувствовалось, что у всѣхъ

было возбуждено нетерпѣливое любопытство услышать, какъ будетъ Сократъ объяснять и опредѣлять понятіе бытія. Видя это и желая удовлетворить и своему, и общему любопытству, я прямо пригласилъ Сократа объяснить, что онъ разумѣетъ подъ бытіемъ.

Сократъ. Извините, господа, если я позволю себѣ теперь сдѣлать маленькое замѣчаніе относительно нашего пренебреженія ко всему тому, что хотя и чрезвычайно важно, но не обращаетъ на себя вниманія по нашей привычкѣ къ нему. Мы здѣсь, (улыбается, взглянувши на Серебрякову и Синайскаго) *почти всѣ* люди солидные по возрасту и каждый, вѣроятно, ежедневно и не разъ говоритъ: *есть, не есть, нѣтъ, существуетъ, не существуетъ* и т. п. Далѣе много разъ въ жизни мы ожесточенно спорили о существованіи и не существованіи разныхъ вещей, ну хоть дьявола и т. п., а между тѣмъ возможно, что никто отчетливо не думалъ о томъ, что же онъ и другіе разумѣютъ, когда говорятъ, что нѣчто *есть, существуетъ, или наоборотъ.*

Серебрякова. Да мнѣ все кажется, что это ужь *очень просто.* Видимъ мы что нибудь, такъ оно и существуетъ, чего не видимъ, или никакъ не можемъ увидать, оно и не существуетъ.

Сократъ. Въ томъ то и бѣда, что не просто! Вѣдь, вотъ мы всѣ *видимъ* тамъ (указывая на зеркало) людей и другія разныя вещи, видимъ несомнѣнно, но всѣ мы скажемъ, что все это, видимое тамъ, не существуетъ.

Серебрякова. Ну, да, вѣдь, это мы знаемъ, что видимъ въ зеркалѣ.

Сократъ. Хорошо, что знаемъ, что въ зеркалѣ! Но, еслибъ ничего не знали про зеркало, то, пожалуй, и приняли бы, что это существуетъ, потому что, вѣдь, какъ говорите вы, все видимое существуетъ. Значитъ, для существованія, *кромѣ видимости,* нужно ли еще что нибудь или не нужно? Ну, вотъ, радугу мы видимъ, а существуетъ ли то, что мы въ ней видимъ?

Серебрякова. Конечно видимости не достаточно. Надобно, чтобы

видимое было доступно и другимъ чувствамъ напр. осязанію, слуху и т. д.: одни чувства повѣряются другими.

Сократъ. А вотъ спириты говорятъ, что они не только видѣли, но осязали, брали за руку и разговаривали съ духами, которыхъ вызывали различные медіумы: съ какимъ то Абдуллой, съ Кетти-Кингъ и многими другими. Какъ же намъ думать о существованіи этихъ Абдуллъ и Кетти-Кингъ, подлежащихъ всѣмъ внѣшнимъ чувствамъ? Надѣюсь, что мы не имѣемъ права заподозрѣвать спиритовъ, что они умышленно обманываютъ насъ. По моему, критерій существованія, состоящій въ доступности внѣшнимъ чувствамъ—совершенно не состоятеленъ. Я совѣтовалъ бы вамъ какъ для рѣшенія вопроса о существованіи и не существованіи, такъ и многихъ другихъ довѣряться лучше голосу разума, чѣмъ показанію внѣшнихъ чувствъ. Я, впрочемъ, уже разъ касался этого предмета вотъ съ Николаемъ Ивановичемъ и, кажется, выяснилъ, что напротивъ должно признать, что видимое, слышимое и т. п. не существуетъ само по себѣ, а только въ насъ, т. е., въ умѣ.

Красоткинъ. (Видя, что Серебрякова хочетъ еще что то сказать, и перебивая ее). Не пытайтесь, Анна Михайловна, заводить съ нимъ объ этомъ рѣчь; онъ васъ тутъ запутаетъ. Конечно, съ точки зрѣнія современной физіологіи можно сказать, что цвѣта или звуки не существуютъ объективно, а, вѣдь, мы видимъ только цвѣта, слышимъ только звуки, а не вещи. Итакъ, Сократъ Ивановичъ, научите ка вы насъ, что значитъ существовать?

Сократъ. Я, признаться, уклонился въ сторону, только желая показать, что понятіе бытія вовсе не такая легкая вещь, какъ мы объ этомъ думаемъ, и—такъ сказать,—спрятаться за эту трудность, когда мнѣ придется въ разрѣшеніи ея сдѣлать какую нибудь ошибку, что очень возможно.

„Какъ же мы теперь приступимъ къ разрѣшенію нашей трудной задачи? Искать ея разрѣшенія въ *общемъ мнѣніи*, по моему, безполезно; въ прошлый разъ мы видѣли, что не только простые

люди, но и философы не давали себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что значитъ „быть“, „существовать“.

Я. Но однако и философы, и обыкновенные люди что нибудь да разумѣютъ же подъ понятіемъ бытія и до сихъ поръ отличили множество вещей дѣйствительно существующихъ отъ мнимыхъ, отъ произведеній фантазіи, значитъ, имѣли же какой нибудь критерій для этого отличенія?

Сократъ. Вполнѣ согласенъ съ вами. Критерій у людей есть и довольно вѣрный, но критерій этотъ инстиктивный, не ясно сознаваемый и строго и точно не опредѣленный. Поэтому, руководясь этимъ инстиктивнымъ критеріемъ, люди могли во многихъ случаяхъ прилагать его правильно и дѣйствительно отличать существующее отъ несуществующаго, но въ другихъ случаяхъ запутывались и впадали въ иллюзіи и ошибки, а потому принимали несуществующее за существующее.

„Но приступимъ же къ нашему трудному дѣлу“!

„Прежде всего намъ нужно, на сколько то возможно, отрѣшиться отъ всякихъ ходячихъ мнѣній, или случайно образовавшихся, подъ вліяніемъ какого нибудь философа, взглядовъ на бытіе, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили съ Анной Михайловной.

Я. Но если мы отрѣшимся отъ всякихъ взглядовъ, то это, пожалуй, значитъ, что мы отрѣшимся отъ всякаго сознанія. Тогда на чемъ же мы будемъ стоять при рѣшеніи нашего вопроса?

Сократъ. Отрѣшеніе отъ взглядовъ я вовсе не отождествляю съ отрѣшеніемъ отъ сознанія. Напротивъ, потребность философствовать предполагаетъ уже совершенно образовавшееся сознаніе, ибо этой потребности грудныя дѣти не имѣютъ. Такъ какъ въ нашемъ обычномъ сознаніи даже и у простыхъ людей есть все таки взгляды и мнѣнія, имѣющіе философскій характеръ, своя, такъ сказать, метафизика, то я предлагаю, на сколько возможно, возбудить въ себѣ способность скептическаго отношенія къ собственнымъ мнѣніямъ.

„Предполагая, что мы стали въ такое положеніе, я спрашиваю: неужели мы въ чрезвычайно обширной области нашего обычнаго сознанія пойдемъ на удачу? Конечно, нѣтъ! Мы какъ либо осмотримъ и раздѣлимъ на различныя группы все содержаніе нашего сознанія и постараемся заранѣе намѣтить, въ какихъ изъ нихъ нужно искать понятія бытія, а въ какихъ нѣтъ. По моему, мы все наше сознаніе можемъ раздѣлить на двѣ области: *первоначальное или простое сознаніе* и *производное или сложное сознаніе.* (Обращаясь къ Шугаеву). Одобрите ли вы, Иванъ Антоновичъ, мое предположеніе?

Шугаевъ. Я согласенъ, если вы подъ первоначальнымъ разумѣете то, что Юмъ разумѣетъ подъ *впечатлѣніями*, а подъ производнымъ то, что онъ разумѣетъ подъ *идеями.*

Сократъ. Пожалуй, и то самое только съ нѣкоторою важною разницей. Я къ первоначальному сознанію причисляю нѣчто такое, что Юмъ и другіе сенсуалисты и позитивисты *пропускаютъ* и совершенно *отрицаютъ.* Эти другія обыкновенно пропускаемыя группы первоначальнаго сознанія состоятъ: 1) въ сознаніи нашихъ *дѣятельностей и состояній* и 2) въ сознаніи нашей *индивидуальной субстанціи*, нашего „я“, или въ нашемъ единичномъ *самосознаніи.* Только въ этихъ трехъ группахъ, вмѣстѣ съ принимаемою и сенсуалистами группою чувственныхъ ощущеній, можно искать понятія бытія, потому что производное сознаніе не можетъ быть источникомъ понятія бытія. Производное сознаніе предполагаетъ, что то, изъ чего мы образуемъ его, уже какъ либо намъ дано или извѣстно. Итакъ, мы имѣемъ три группы первоначальнаго и безотносительнаго сознанія.....

Карамазова. Что значатъ эти слова: *простое, безотносительное* сознаніе?

Сократъ. Простое—значитъ, что оно не произведено сложеніемъ изъ какихъ нибудь другихъ фактовъ или элементовъ сознанія. Напр., сознаніе о деревѣ, столѣ, лошади и т. п. есть сознаніе, возникшее посредствомъ сложенія первоначальныхъ элементовъ,

идущихъ изъ разныхъ областей: напр., изъ области *зрительныхъ ощущеній* (свѣта, цвѣтовъ), изъ области *осязательной* (мягкое, твердое, шероховатое), изъ области *пространственнаго созерцанія* (линія, плоскость и проч). Простымъ же сознаніемъ, сравнительно съ этимъ сложнымъ, будетъ сознаніе напр., цвѣтовъ, взятыхъ изолированно (этотъ или тотъ красный цвѣтъ), сознаніе изолированныхъ осязательныхъ ощущеній (ощущеніе этой гладкости или шероховатости). Безотносительное сознаніе состоитъ въ томъ, что содержаніе какого либо факта сознанія не стоитъ ни въ какомъ отношеніи или же связи съ другимъ фактомъ сознанія; что либо сознается безъ всякаго отношенія къ чему либо другому, сознается, какъ говорятъ, *„о себѣ“*. Примѣромъ тутъ могутъ служить опять цвѣта. Вы видите красный или желтый цвѣтъ и сознаете, что они такое безъ всякаго отношенія къ чему нибудь другому; осязаете гладкое или шероховатое и сознаете, что это такое изъ самаго факта осязанія. Но, напр., сознавать тождественное нельзя безъ отношенія къ разному, сознавать большое нельзя безъ отношенія къ малому, сознавать правое нельзя безъ отношенія къ лѣвому, верхнее безъ отношенія къ нижнему.

Серебрякова. Я еще понимаю, что чувственныя ощущенія суть первоначальное, простое сознаніе, но чтобы сознаніе объ нашихъ *дѣятельностяхъ*, какъ вы выражаетесь, или объ нашемъ „я“ было такое же, это мнѣ какъ-то сомнительно.

Сократъ. Не понимаю, что тутъ сомнительнаго! Когда вы, напр., видите какой либо цвѣтъ, когда чувствуете боль, ощущаете тепло или холодъ, то неужели нуженъ кто нибудь другой, который бы вамъ сказалъ, что это *вы* дѣйствуете, что вы видите и какъ и что̀ вы видите, или что вы чувствуете и какъ и что̀ вы чувствуете. Неужели нужны кто нибудь или что нибудь для того, что-бы вы черезъ нихъ узнавали объ этихъ собственныхъ дѣятельностяхъ и имѣли производное или посредственное о нихъ сознаніе? Или далѣе, когда вы думаете о чемъ либо или фантазируете, воображаете что либо, то неужели нуженъ какой нибудь значекъ, изъ котораго

вы сознали-бы, что вы, а не другой кто, думаете или что вы, а не другой кто воображаетъ? Съ другой стороны когда вы узнаете, что кто либо другой думаетъ или воображаетъ, то не иначе, какъ изъ различныхъ значковъ, напр., изъ произносимыхъ имъ словъ, или изъ дѣлаемыхъ имъ жестовъ, движеній и т. п. Далѣе, неужели мы получаемъ сознаніе о своемъ „я“ и узнаемъ, что оно такое, изъ сообщеній другихъ? Неужели для сознанія о своемъ *индивидуальномъ* я нужно еще какое нибудь иное сознаніе о чемъ нибудь другомъ? Или иначе: неужели сознаніе объ „я“ сложено изъ какихъ нибудь первоначальныхъ сознаній?

Шугаевъ. Извините, если я позволю себѣ васъ остановить. Не говоря уже о грудномъ, но даже ребенокъ двухъ, трехъ лѣтъ ничего не знаетъ о своемъ „*я*“. Онъ сперва слышитъ, какъ другіе говорятъ: „*я*“, а потомъ уже и самъ начинаетъ говорить.

Сократъ. При вашемъ замѣчаніи я долженъ сдѣлать оговорку, что я теперь употребляю слово: первоначальное сознаніе, не въ отношеніи времени, а въ томъ,—что оно не сложено и не произошло изъ какого либо другаго сознанія. Далѣе я думаю, что смутное сознаніе о своемъ „*я*“ есть у ребенка еще не говорящаго, какъ оно есть у высшихъ животныхъ, въ чемъ можно убѣдиться на собакѣ, которая отлично умѣетъ свое имя относить къ себѣ, подобно ребенку, относящему къ себѣ въ третьемъ лицѣ свое имя. Но если бы ребенокъ лѣтъ трехъ и даже болѣе и ничего не зналъ о своемъ „*я*“, то изъ употребленія другими слова: „*я*“, онъ познакомился бы не съ предметомъ, къ которому оно относится, а только съ звукомъ, съ словомъ, которое онъ могъ бы ошибочно прилагать къ своей рукѣ, къ пальцу, или къ чему нибудь другому подобно тому, какъ слѣпорожденный ребенокъ могъ бы слышать слова: красный, синій, но прилагалъ бы ихъ ошибочно вовсе не къ тому, къ чему слѣдуетъ, а, напр., къ ощущеніямъ осязанія. Въ послѣдствіи слѣпорожденный узналъ бы, что для него, къ несчастію, нѣтъ краснаго и синяго и что для него это одни пустыя слова, подобно тому, какъ поклонники Юма, научившись отъ этого философа, уз-

наютъ, что для нихъ „я“ есть пустое, ничего не означающее, слово; но, къ счастью нашему, мы еще въ дѣтствѣ очень скоро узнаемъ настоящее и подлинное значеніе слова: „я“ и тотчасъ же начинаемъ правильно прилагать это слово, ибо то, что имъ называется, уже знакомо намъ даже до знакомства съ словомъ и такъ рѣзко отличается отъ всего другаго, что и самый простой человѣкъ едва-ли смѣшаетъ то, что называется „я“, съ чѣмъ нибудь другимъ. Всякій знаетъ, что это „я“ есть только въ одномъ и единственномъ экземплярѣ въ мірѣ и всякому какъ разъ этотъ единственный экземпляръ всего дороже въ мірѣ, и далѣе всякій знаетъ лучше всѣхъ этотъ единственный экземпляръ, такъ что ничему уже изъ того, что онъ въ себѣ заключаетъ, научиться отъ кого либо другого не можетъ. Всякій знаетъ, что этотъ экземпляръ дѣйствуетъ и что и какъ онъ дѣлаетъ, какъ и что, напримѣръ, онъ видитъ, слышитъ, какъ и что чувствуетъ, думаетъ; всякій знаетъ, что ему отъ чего либо больно и какъ больно; что ему отъ чего либо пріятно и какъ пріятно. Что-же касается до послѣдователей Юма, то и они все это отлично знаютъ и на практикѣ поступаютъ сообразно съ этимъ знаніемъ, какъ и всѣ мы грѣшные. Пусть для нихъ въ теоріи это „я“ какой-то „пучекъ“, какая-то „совокупность“ чего-то, соединяемая чьимъ-то воображеніемъ, но они этотъ пучекъ любятъ, цѣнятъ, холятъ, защищаютъ и не только его, но и его дѣятельность, его мысли и теоріи, чувства и желанія. Однимъ словомъ, они относятся къ нему такъ, какъ и слѣдуетъ относиться къ своему собственному существу, къ своей субстанціи....

Я. Такъ какъ же вы думаете о понятіи бытія? Принадлежитъ ли оно къ этой области первоначальнаго и безотносительнаго сознанія?

Сократъ. Нѣтъ, не принадлежитъ, хотя и имѣетъ въ основѣ своей не одну какую либо изъ группъ этой области, *а всѣ три*.

Я. То, что вы говорите, для меня совершенно не понятно!

Сократъ. Постараюсь объясниться. Хотя элементы трехъ указанныхъ группъ представляютъ простое, безотносительное сознаніе,

но тѣмъ не менѣе они могутъ входить и постоянно входятъ въ самыя разнообразныя отношенія другъ къ другу. Эти отношенія дають въ результатѣ нѣсколько новыхъ группъ сознанія, среди которыхъ и находится искомое нами понятіе. Дѣятельность, посредствомъ которой мы выводимъ безотносительные элементы изъ ихъ изолированности, связываемъ ихъ и относимъ другъ къ другу называется *мышленіемъ*. Мышленіе служитъ посредникомъ между различными областями сознанія, оно есть живая сила, приводящая всѣ отдѣльныя области сознанія въ связь и органическое единство. Мышленіе не механически соединяетъ первоначальные элементы сознанія, но производитъ совершенно новые продукты, что похоже на то, какъ въ химіи соединеніе простыхъ тѣлъ даетъ въ результатѣ новыя тѣла съ новыми свойствами.

Я. Приведите, пожалуйста, какіе нибудь примѣры этихъ новыхъ продуктовъ отношенія между элементами простаго сознанія.

Сократъ. Таковы, напр., образы и вещи пространственнаго міра; они суть ничто иное, какъ результаты отношеній. Отдѣльныя, чувственныя ощущенія: свѣтовыя, мускульныя, осязательныя и т. п. мы относимъ другъ къ другу и понимаемъ ихъ какъ единство, сущее само по себѣ или то, что мы разумѣемъ подъ матеріальной субстанціей или вещью. Конечно, въ это отношеніе и единство кромѣ чувственныхъ качествъ, скрытно входитъ еще и сознаніе о нашихъ дѣятельностяхъ и сознаніе о нашемъ я. Не сознавая этого скрытнаго и не яснаго привхожденія, мы впадаемъ въ ложную иллюзію, что будто бы, какъ выражаются нѣкоторые философы, предметы матеріальнаго міра „даны намъ въ непосредственномъ опытѣ“. Конечно, нужно не мало усилій для того, чтобы вполнѣ раскрыть тотъ маскарадъ, которымъ обманываетъ насъ наше не ясно сознаваемое и наивное мышленіе въ союзѣ съ нашей фантазіей.

Карамазовъ. Извините, Сократъ Ивановичъ, но я попрошу васъ хоть въ двухъ словахъ пояснить мнѣ, въ чемъ состоитъ этотъ маскарадъ.

Сократъ. Постараюсь. Не зная непосредственно никакой другой субстанціи, кромѣ своего „я“, мы ошибочно ставимъ ее, какъ совершенно внѣшній намъ предметъ, какъ матеріальную вещь или субстанцію. Далѣе, имѣя опытное понятіе о своихъ дѣятельностяхъ, мы переносимъ это понятіе на мертвый манекенъ матеріальной вещи вообще и воображаемъ, что она дѣятельна и можетъ быть чего либо причиной. Наконецъ, оторвавши и изолировавши продукты нашихъ собственныхъ дѣятельностей отъ самихъ этихъ дѣятельностей т. е. свѣтъ и цвѣта отъ видѣнія, звуки отъ слышанія, ощущенія холода и тепла, сопротивленія и т. д, мы наряжаемъ во всю эту разнообразную одежду безчисленныя мнимыя существа матеріальнаго міра, начиная съ собственнаго тѣла и вѣримъ въ самостоятельное бытіе цвѣтныхъ, звучащихъ, мягкихъ, шероховатыхъ, теплыхъ, холодныхъ и т. п. вещей. Но я, благодаря моимъ руководителямъ, всѣмъ выдающимся представителямъ философіи (взглянувъ на Шугаева и улыбаясь), въ томъ числѣ и Юму, какъ мнѣ кажется, постигъ этотъ маскарадъ и теперь могу сказать матеріальному міру: „не соблазняй меня отнынѣ: je te connais, beau masque“.

„Теперь я попытаюсь показать вамъ, какъ, относя различныя области первоначальнаго сознанія одни къ другимъ или, иначе говоря, вводя ихъ во взаимную связь и объединяя ихъ, мышленіе, по моему мнѣнію, образуетъ правильное понятіе бытія.

„Предполагая наше обыкновенное сознаніе и анализируя его, мы находимъ, что въ немъ происходитъ непрестанная смѣна мыслей, представленій, вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Вся жизнь нашего сознанія только и протекаетъ въ томъ, что мы или думаемъ, или ощущаемъ или чувствуемъ или желаемъ то одно, то другое, то третье. Если мы попробуемъ отвлечься отъ различія въ *содержаніи* или въ *объектахъ* нашихъ дѣятельностей, т. е., нашихъ хотѣній, мыслей, ощущеній и т. п., то у насъ образуется болѣе или менѣе ясное понятіе объ отношеніи этого содержанія къ нашимъ смѣняющимся дѣятельностямъ, отношеніи, которому въ языкѣ соотвѣтствуетъ всеобщая форма постановки этого отношенія

посредствомъ вопроса: *что*? Что видимъ, слышимъ, представляемъ, думаемъ, хотимъ и т. д.? Этимъ вопросомъ съ одной стороны и отвѣтомъ на него съ другой и исчерпывается отношеніе между нашими дѣятельностями и разнообразіемъ содержанія или объектовъ этихъ дѣятельностей.—Но этимъ еще далеко не опредѣляется понятіе бытія, ибо понятіе *объ объектѣ* или *содержаніи* составляемъ только *одну сторону* понятія или идеи бытія. *Другую сторону* его составляетъ понятіе о *дѣятельности*, которая, конечно, не мыслима безъ связи и отношенія къ содержанію. Но точно также и это содержаніе не мыслимо безъ связи и отношенія къ дѣятельности, такъ что содержаніе и дѣятельность составляютъ *два соотносящіеся пункта*, соединяющіеся черезъ это отношеніе въ *единство*. Всякое содержаніе однако не неразрывно связано съ какою либо *данною* дѣятельностью, а потому можетъ быть *оторвано* отъ дѣятельности, съ которой оно соединено. Поэтому одно и тоже содержаніе можетъ повториться множество разъ и въ этомъ возвращеніи и возникновеніи вновь остается единымъ и тождественнымъ, тогда какъ дѣятельности, съ которыми оно каждый разъ соединяется, различны и разъединены временемъ. Напр., я могу, сколько хотите разъ, видѣть одинъ и тотъ же цвѣтъ, слышать одинъ и тотъ же звукъ или цѣлое сочетаніе звуковъ, мыслить одну и ту же мысль, читать одно и то же стихотвореніе, чувствовать одно и тоже чувство и т. п. Всѣ эти содержанія или объекты не связаны неразрывно съ какою либо одною дѣятельностію, а могутъ соединяться безразлично множество разъ съ различными дѣятельностями, оставаясь въ этихъ соединеніяхъ тождественными, одними и тѣми же, между тѣмъ какъ дѣятельности слышанія, видѣнія, желанія, мышленія и т. п., сколько бы ихъ ни было, каждый разъ различны, что происходитъ отъ различія обстоятельствъ, связанныхъ съ различіемъ во времени ихъ возникновенія. Мысля эти различныя *во времени* дѣятельности въ одномъ понятіи, мы и получаемъ *другую сторону* понятія бытія, которая означаетъ, что то или другое содержаніе было дѣйствительно объектомъ какой нибудь нашей дѣя-

тельности. Въ языкѣ, большею частію, эта сторона понятія бытія выражается словами: „дѣйствительно“, „дѣйствительность“. Я „дѣйствительно“ видѣлъ, думалъ, чувствовалъ то или другое содержаніе: А, В, С, говоримъ мы. Эта же сторона бытія выражается въ языкѣ вопросами: *кто? когда? сколько разъ?* (видѣлъ, думалъ, чувствовалъ и т. п.) и отвѣтами на нихъ: „я, ты, онъ, и пр.; вчера, годъ назадъ, часто, одинъ, два раза и т. д.“ Такимъ образомъ хотя содержаніе и представляетъ *множество*, но каждый членъ этого множества есть одинъ и тотъ же единственный экземпляръ *во всѣ времена*, дѣятельности же не только *многія*, но кромѣ того представляютъ *множество* и во времени; онѣ всегда разныя; одна и таже не можетъ повторяться двухъ разъ. Напр, я и вчера, и сегодня думаю объ одной и той же вещи и то же самое; содержаніе, т. е., моя мысль о вещи, тождественно, но моя дѣятельность, мое думаніе вчера и сегодня—составляютъ двѣ различныя дѣятельности. Одна и та же музыка можетъ быть вчера и сегодня, но мое слышаніе вчера и сегодня различны. Далѣе, содержаніе или объектъ представляетъ *нѣчто безвременное*, а дѣятельность *принадлежитъ къ времени*: прежде, теперь, послѣ; поэтому, напр., *наука безвременна по ея содержанію*, а дѣятельность изученія, пріобрѣтенія науки принадлежитъ къ времени.

„Теперь я обращусь *къ третьей сторонѣ* понятія бытія, которая составляетъ основаніе тому, что столь различныя, какъ мы сейчасъ видѣли, *содержаніе и дѣятельность* могутъ соединяться, не смотря на это различіе. Эта третья сторона понятія бытія, соединяющая двѣ остальныя и сама соединяющаяся съ ними въ единство, есть „*я*“, къ которому относятся и содержаніе, и дѣятельность и въ которомъ они составляютъ единое цѣлое. Какъ безъ этого „*я*“, напр., могло бы соединяться *множество и различіе* дѣятельностей съ *тождественнымъ* содержаніемъ? Какъ было бы возможно, чтобы нѣчто, положимъ, одно, другое и третье, *каждый разъ различное*, видѣніе или слышаніе и т. п. были соединены только *съ однимъ содержаніемъ*, положимъ, *этого* краснаго цвѣта,

этого опредѣленнаго звука. Очевидно, что это возможно, только благодаря тому, что видѣніе или слышаніе не изъ внѣ какъ либо случайно совпадаютъ съ ихъ объектами, а что они имѣютъ своимъ пунктомъ соединенія одно и то же „*я*“, которое господствуетъ надъ обоими и соединяетъ съ *своими* дѣятельностями *свой-же,* соотвѣтствующій имъ, объектъ, чѣмъ и обусловливаетъ возможность тѣснаго *отношенія* между ними. Это „*я*“ и есть то третье, въ которомъ *нѣтъ* различныхъ и существующихъ самихъ по себѣ изолированныхъ содержаній и въ которомъ точно также нѣтъ и раздѣльныхъ, тоже сущихъ самихъ по себѣ, дѣятельностей. „Я“ такъ естественно объединяетъ и то, и другое, что мы только путемъ труднаго анализа доходимъ до соединенныхъ элементовъ и можемъ ихъ выдѣлить, сознавать и понимать *въ отдѣльности.* Безъ соединенія *въ* „*я*“ и *посредствомъ* „*я*“ разрозненныхъ элементовъ сознанія не было бы ни сознанія, ни разума такихъ, какими мы ихъ въ себѣ знаемъ. Съ другой стороны тоже самое „я“ даетъ намъ возможность и раздѣлить соединенные элементы, сознать и понять ихъ въ ихъ изолированности. Я есть одно и тоже съ каждою своею отдѣльною дѣятельностію и со всѣми и также дѣйствительно, какъ и онѣ. Каждая изъ нихъ и есть ничто иное, какъ актъ его. Точно тоже должно сказать и о содержаніи или продуктахъ этихъ актовъ. Въ немъ, т. е., въ „Я“, говоря фигурально, и хранятся продукты прошедшихъ актовъ, и коренятся продукты будущихъ. Какъ могли бы войти въ какую либо связь, столь различные по природѣ, слышимый звукъ и обоняемый запахъ, если бы они не имѣли своего единства въ „я“, которое и слышитъ, и обоняетъ. Въ этомъ же единствѣ исчезаетъ различіе дѣятельностей отъ ихъ содержанія: слышаніе отъ звука, обоняніе отъ запаха. Если въ языкѣ содержаніе выражается въ формѣ вопроса: *что?* и въ употребленіи глагола: быть, въ качествѣ связки, если, съ другой стороны, дѣятельность выражается словомъ: *дѣйствительность,* и разными вышеупомянутыми вопросами, а глаголъ: быть, употребляется въ формѣ

предиката, то относительно „я“ языкъ употребляетъ обѣ формы глагола быть. Далѣе нужно замѣтить, что одно только слово въ языкѣ, а именно: „я“, никогда не употребляется, какъ предикатъ, а всегда какъ субъектъ. Значитъ *дѣятельности и содержаніе* относятся къ „я“ такъ, какъ аттрибуты или акциденціи относятся къ субстанціи.

Послѣ этихъ словъ Сократъ остановился и началъ медленно, какъ бы освѣжаясь, пить стоявшее передъ нимъ вино. Въ это время Карамазовъ просилъ его, не можетъ ли онъ кратко резюмировать сказанное прежде, чѣмъ пойдетъ далѣе, для того чтобы облегчить слушателямъ пониманіе его воззрѣній. „Не знаю, какъ другіе“, прибавилъ Карамазовъ, „а я чувствую въ этомъ большую потребность“.

„И мы присоединяемся къ этой просьбѣ“, подхватили дамы.

Сократъ. Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, когда окончу опредѣленіе понятія бытія. Желаемое вами resumé я намѣреваюсь сдѣлать въ такой формѣ, въ какой это дѣлаютъ лица, защищающія въ университетахъ свои диссертаціи, т. е., изложить его въ формѣ отдѣльныхъ *тезисовъ*, которые будутъ представлять одинаковое удобство какъ моимъ собесѣдникамъ для нападенія на меня, такъ и мнѣ для защиты.

„Теперь я, указавши на источникъ понятія бытія и на три его стороны, сдѣлаю попытку опредѣлить это понятіе, но для большей ясности сперва сдѣлаю опредѣленіе каждой стороны въ частности. Двѣ первыя стороны представляютъ вполнѣ *коррелятивныя* понятія, какъ напр.: отецъ и сынъ и т. п., а потому въ опредѣленіе одной стороны входитъ и другая. Значитъ бытіе, какъ *содержаніе*, есть *совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ объектовъ*, т. е., такихъ, которые суть результаты дѣятельности субъекта. Далѣе бытіе, какъ *дѣятельность*, есть *совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ актовъ*, т е. актовъ, производящихъ объекты. Теперь попытаюсь опредѣлить третью сторону, или „я“. Такъ какъ „я“ *обнимаетъ всѣ объекты и всѣ дѣятельности* и такъ какъ они при

посредствѣ этого я и *относятся* другъ къ другу и *соединяются*, то „я“ есть *совокупность и единство объектовъ и дѣятельностей*, т. е., „я“ пребываетъ во всемъ единымъ и неизмѣннымъ.

„Теперь я долженъ сдѣлать замѣчаніе относительно термина: *единство*. Должно остерегаться понимать единство „я“ въ смыслѣ единства, относящагося къ вещамъ матеріальнымъ, напр.: въ смыслѣ цѣлыхъ вещей. Нельзя также разумѣть его въ смыслѣ суммы относительно слагаемыхъ. И то, и другое повело бы насъ даже къ отрицанію этого самаго „я“. Цѣлое, заключающее въ себѣ части, можетъ быть раздѣлено на нихъ и, такъ сказать, исчезнуть въ нихъ, такъ что останутся однѣ части, которыя можно будетъ снова разсматривать, какъ цѣлыя сами по себѣ. Что же касается до „я“, то хотя оно также, на подобіе частей, заключаетъ въ себѣ дѣятельности и содержаніе, но никакъ не можетъ быть раздѣлено на нихъ и исчезнуть въ нихъ. „Я“ неуничтожимо и недѣлимо. Хотя оно и не можетъ быть безъ дѣятельностей, а эти послѣднія безъ содержанія, но однако дѣятельности и содержаніе безъ „я“ суть ничто. Нѣтъ мыслей и мышленія безъ мыслящаго, нѣтъ желаній и воли безъ хотящаго, нѣтъ ощущеній безъ ощущающаго и т. д. Точно также „я“ не распадается, подобно суммѣ, на слагаемыя и не слагается, подобно суммѣ, изъ слагаемыхъ. Что касается до частей, т. е., дѣятельностей и содержанія, то нужно замѣтить, что онѣ не остаются въ „я“ не обособленными и не исчезаютъ въ немъ, подобно тому, какъ слагаемыя исчезаютъ въ суммѣ. Напротивъ части „я“ заключаются въ немъ обособленными и раздѣленными. „Я“ есть въ одинъ и тотъ же моментъ и мыслящее такія-то и такія-то мысли, и чувствующее такія-то чувства и ощущающее такія-то ощущенія. Но, конечно, все это есть не различныя „я“, а одно и то же „я“. Итакъ, мы должны разумѣть единство „я“ въ смыслѣ *субстанціальнаго единства*, т. е., единства, свойственнаго субстанціи относительно ея акциденцій или аттрибутовъ. Единственнымъ источникомъ для познанія этого нашего субстанціальнаго бытія есть *самосознаніе* или непосредственное сознаніе о нашемъ суще-

ствѣ, о нашемъ бытіи. Поэтому о всякомъ другомъ бытіи мы заключаемъ только по своему собственному, которое служитъ для насъ типомъ всяческаго бытія.

Понятіе бытія въ его цѣломъ въ сущности *совпадаетъ* съ понятіемъ его третьей стороны и можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ. *Бытіе есть понятіе, содержаніе котораго состоитъ изъ знанія о нашей субстанціи, ея дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей въ ихъ единствѣ и отношеніи другъ къ другу.*

Теперь, опредѣливъ понятіе бытія, я сдѣлаю обѣщанное resumé въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Источникомъ для понятія бытія служитъ первоначальное, простое и непосредственное сознаніе.

2) Но однако ни одна изъ группъ этого сознанія, взятая изолированно, не есть источникъ и выраженіе понятія бытія и не служитъ его примѣромъ. Только всѣ вмѣстѣ и во взаимномъ отношеніи онѣ образуютъ понятіе бытія.

3) Три области сознанія, дающія матеріалъ для понятія бытія, обнимаютъ все первоначальное сознаніе, и представляютъ: a) сознаніе о содержаніи, b) сознаніе о дѣятельности, c) сознаніе о нашей субстанціи, или „я“.

4) Не входя ни въ одну группу первоначальнаго сознанія, но имѣя ихъ однако въ своемъ основаніи, какъ матеріалъ, понятіе бытія входитъ въ особую группу сознанія, именно, группу сознанія о *формахъ* или *способахъ отношенія* между элементами первоначальнаго сознанія. Къ этой группѣ, носящей разнообразныя названія, какъ-то: понятія разума, интеллектуальныя понятія и т. п., принадлежатъ вмѣстѣ съ понятіемъ бытія и другія, напр.: тождества, различія, дѣйствія, страданія, причины, слѣдствія и многія другія.

Худо ли, хорошо ли, но я свою задачу окончилъ и теперь считаю себѣ въ правѣ освѣжиться и отдохнуть.

Говоря это, Сократъ протянулъ руку къ бутылкѣ, но Катерина Ивановна остановила его, говоря: „погодите теперь пить, Сократъ Ивановичъ! Сперва закусите и, такъ какъ я думаю, что послѣ моей закуски вамъ захочется утолить жажду, то лучше тогда и выпьете“.

Сократъ. (Съ любопытствомъ). А чѣмъ любезная хозяйка хочетъ угостить насъ?

Карамазова. Селянкой въ двухъ родахъ: и рыбной, и мясной.

Сократъ. (Въ восхищеніи). Селянкой! любезнѣйшая Катерина Ивановна! Селянкой, которой я давно не ѣлъ и о которой нерѣдко мечталъ во снѣ и на яву. Да! господа, только Катерина Ивановна можетъ дѣлать намъ такіе вкусные сюрпризы!

И въ слѣдъ за хозяйкой, которую велъ подъ руку Сократъ, всѣ присутствующіе съ веселымъ хохотомъ направились въ столовую.

Когда всѣ приступили къ водкѣ и закускѣ, была принесена на двухъ сковородахъ шипящая и дымящаяся селянка. Сократъ положилъ себѣ на двѣ тарелки и мясной, и рыбной. Сперва онъ медленно отвѣдывалъ и смаковалъ ихъ въ перемежку, а потомъ съ хозяйкой и призванной ею кухаркой погрузился въ спеціальную сравнительную оцѣнку состава и способа приготовленія селянокъ.

Остальные присутствующіе также какъ бы разбились на группы и шумно разговаривали о происходившей вечеромъ бесѣдѣ.

Что касается до меня, то я сперва сталъ прислушиваться къ тому, о чемъ толковали въ группѣ Сократа, но скоро рѣчь о капорцахъ, лавровомъ листѣ, оливкахъ, кислой капустѣ и т. п. мнѣ наскучила; и я сталъ прислушиваться къ тому, что говорилось въ другихъ группахъ.

Вторую группу составлялъ Шугаевъ, какимъ то образомъ овладѣвшій Синайскимъ. По видимому, сойдя съ высотъ непоколебимой научной философіи, онъ съ азартомъ, болѣе приличествующимъ метафизику, даже какъ-то вскрикивалъ, оцѣнивая и разбирая сказанное Сократомъ.

„Я постоянно получаю“, говорилъ Шугаевъ, „передовые журналы европейской научной философіи и нигдѣ не встрѣчалъ того, что проповѣдуетъ Сократъ Ивановичъ. По моему, это ветошь, давно сданная наукой въ снѣдь архивнымъ мышамъ. Я убѣжденъ, что если бы это могли слышать такіе представители научной философіи, какъ Бенъ, Селли, Вундтъ и другіе, то они только развели бы руками“.

Синайскому, очевидно, хотѣлось принять участіе въ селянкѣ, на которую онъ любовно взглядывалъ, но изъ деликатности онъ потреблялъ одну духовную пищу, преподносимую Шугаевымъ. Къ счастію, ему на помощь пришелъ Карамазовъ, который, въ качествѣ хозяина, усиленно сталъ просить его выпить вина и покушать. Когда онъ съ тою же просьбою обратился къ Шугаеву, то тотъ отказался и отъ вина, и отъ селянки, отзываясь тѣмъ, что онъ вообще на ночь воздерживается отъ пищи, особенно же отъ жирной и неудобоваримой. Вѣроятно, боясь, чтобы Шугаевъ опять не оторвалъ Синайскаго отъ селянки, за которую онъ принялся съ видимымъ удовольствіемъ, Карамазовъ, какъ бы вступаясь за Сократа, возразилъ Шугаеву: „да чтожъ за бѣда, что Бенъ и Вундтъ не одобрили бы мнѣній Сократа Ивановича; вѣдь, не обязательно въ философіи непремѣнно слѣдовать за ними. Я не знаю, но, можетъ быть, онъ слѣдуетъ за другими философами, напр.: Декартомъ, Лейбницемъ, или за кѣмъ нибудь изъ новыхъ“.

Отъ этихъ словъ Шугаевъ вспыхнулъ, словно порохъ отъ искры, и началъ говорить такъ стремительно, что я не могъ понять его рѣчи въ связи и улавливалъ только отдѣльныя выраженія: „старый хламъ... сѣдая древность... Декартъ и Лейбницъ, конечно, въ свое время..... но теперь современная научная философія.... передовые мыслители зорко стоятъ на стражѣ.... я считаю своею обязанностію бороться съ реакціею“.....

Затѣмъ я сталъ прислушиваться къ третьей группѣ, которая состояла изъ Серебряковой, Калганова и Красоткина, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ ея.

Красоткинъ. Охъ, ужь эта мнѣ философія!... Всегда-то въ ней темень не проглядная! Того и гляди, что попадешь въ какую нибудь трущобу!.. Если я его понимаю, то значитъ, что, напр., красный цвѣтъ не существуетъ самъ по себѣ, а если я, или другой кто, его вижу, то онъ существуетъ. А по моему, такъ и видѣть то мы его можемъ только потому, что этотъ красный цвѣтъ, или колебаніе эфира существуетъ помимо и безъ всякихъ видящихъ.

Калгановъ. Да, удивительно какая выходитъ безсмыслица! Рѣшительно никакъ не могу понять да гдѣ же всѣ эти безчисленныя субстанціи, которыя видятъ, слышатъ, дѣйствуютъ! Вѣдь, всѣ онѣ, значитъ, собраны въ одной точкѣ! Да, нѣтъ! онъ и этой одной точки не дастъ; онъ опять скажетъ, что точка въ пространствѣ! Значитъ онѣ нигдѣ, а между тѣмъ будто бы есть цѣлый міръ субстанцій, которыя дѣйствуютъ. Просто, фантасмагорія какая-то!

Серебрякова. Да мнѣ кажется, по его мнѣнію, не должно бы существовать этихъ многихъ субстанцій! Вѣдь, онъ говоритъ, что субстанція знаетъ только о себѣ. По чемъ же она знаетъ о другихъ? Кажется, онъ долженъ признавать только существованіе самого себя.

Калгановъ. (Обращаясь къ Сократу). Слышите ли, Сократъ Ивановичъ, что говоритъ Анна Михайловна?

Въ это время Сократъ уже окончилъ свое совѣщаніе о селянкахъ и съ вожделѣніемъ смотрѣлъ на разливаемое хозяйкой въ стоявшіе на подносѣ стаканчики венгерское. Наконецъ, взявши стаканчикъ, онъ всталъ и, обращаясь къ Калганову, сказалъ: „къ сожалѣнію, я ничего не слыхалъ, что говорила Анна Михайловна и другіе. Селянка до такой степени покорила меня, что я рѣшительно не способенъ шевелить мозгами по вопросамъ, вызывающимъ на размышленіе, а потому прошу всѣхъ моихъ почтенныхъ собесѣдниковъ отложить всѣ возраженія мнѣ до слѣдующаго свиданія; и тогда уже мы систематически займемся діалектикой, возникающей изъ понятія бытія. Теперь же предлагаю выпить за источникъ

многихъ благъ, которыми мы пользовались въ пространствѣ этой комнаты, т. е., за Катерину Ивановну.

Всѣ весело выпили за хозяевъ, не исключая даже и Шугаева, который, какъ говорится, пригубилъ свой стаканчикъ. Затѣмъ начали уговариваться сойтись въ воскресенье у Сократа, но Калгановъ, объявивъ, что въ воскресенье день его рожденія, просилъ Сократа отложить на этотъ разъ свой утренній „симпозіонъ“, и пригласилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Синайскаго, собраться вечеромъ въ его квартирѣ.

Начало уже свѣтать, когда мы распростились и разошлись.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Въ разговорѣ со всѣми присутствующими порознь Сократъ защищаетъ изложенное имъ въ прошедшей бесѣдѣ понятіе бытія. Онъ отстаиваетъ непосредственную фактическую данность его элементовъ въ сознаніи и единство ихъ въ связи и отношеніи другъ къ другу. Въ концѣ бесѣды Сократъ разсматриваетъ смыслъ и значеніе различныхъ выраженій, относящихся къ понятію бытія, у нѣкоторыхъ философовъ, а также встрѣчающихся въ общемъ употребленіи языка

Проснувшись въ воскресенье часовъ въ девять утра, я хотѣлъ было поспѣшить вставать, чтобы не опоздать къ Сократу, но сейчасъ же вспомнилъ, что сегодня „симпозіона“ не будетъ и что спѣшить некуда. Я остался въ постелѣ и ощутилъ въ себѣ какое то смутное чувство недовольства. Всмотрѣвшись внимательнѣе въ это чувство, я увидалъ, что оно происходило именно отъ того, что сегодня не будетъ „симпозіона“, къ которому я уже сдѣлалъ привычку. Да и вообще я открылъ въ себѣ, что бесѣды съ Сократомъ интересуютъ меня гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было бы то предполагать при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. По крайней мѣрѣ, я чувствовалъ, что уѣхать изъ Петербурга безъ какого либо опредѣленнаго рѣшенія вопросовъ, поднятыхъ въ нашихъ бесѣдахъ, было бы для меня тяжело. Имѣя въ виду, что сегодня должны быть выяснены затрудненія и сомнѣнія, возбуждаемыя понятіемъ

бытія, и что главнымъ образомъ споры будутъ сосредоточены на вопросѣ о нашей субстанціи, или о нашемъ „я“ и его дѣятельности, я просматривалъ въ всегда находящихся при мнѣ сочиненіяхъ моего любимаго философа, Шопенгауера, разныя мѣста, въ которыхъ говорится о нашемъ „я“. При этомъ я, уже изъ прежнихъ споровъ и разговоровъ съ Сократомъ убѣдившійся, что Шопенгауеръ черезчуръ несправедливо относился къ Фихте и Шеллингу и что онъ въ постановкѣ своего основного начала, „воли“, хотя и оригинально, но все таки шелъ по проложенной уже ими дорогѣ, очень жалѣлъ, что почти не знакомъ съ ихъ сочиненіями, а въ особенности, съ сочиненіями Фихте, который весь міръ и все существующее выводитъ изъ дѣятельности „я“.

Затѣмъ я отправился повидать нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ и, отдохнувши не много послѣ обѣда дома, я часу въ 8-мъ пошелъ къ Калганову, котораго засталъ въ приготовленіи къ предстоящему вечеру.

„Когда вы позвонили“, сказалъ, поздоровавшись со мной, Калгановъ, „я думалъ, что пришелъ Сократъ, который обыкновенно приходитъ раньше другихъ, но сегодня онъ что то запоздалъ; вотъ ужь половина восьмого. Впрочемъ, вотъ и онъ“, прибавилъ Калгановъ, когда изъ передней раздался звонокъ.

И дѣйствительно въ комнату вошелъ Сократъ, который, поздоровавшись съ нами, обратился къ Калганову съ неожиданнымъ вопросомъ: „скажите, Петръ Ѳомичъ, обѣщалъ ли прійти сюда Шугаевъ? Вы, вѣдь, просили его“?

Калгановъ. Вчера я даже нарочно сдѣлалъ визиты ему, Красоткину и Синайскому, адресъ котораго я у васъ спрашивалъ. Синайскій и Шугаевъ, которыхъ я засталъ, обѣщали быть непремѣнно, а Красоткину, котораго я не засталъ, я оставилъ записку. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы были всѣ и чтобы удалось общими силами затравить васъ. А вы для чего же о Шугаевѣ спрашиваете?

Сократъ. Да такъ, чтобы знать съ какими противниками будешь имѣть дѣло. Мнѣ, признаться сказать, всего утомительнѣе вести

споры съ этими господами научными позитивистами. Конечно, не потому, чтобы ихъ возраженія особенно смущали меня, а потому что нужно пройти черезъ большую словесную околесицу для того, чтобы вполнѣ разоблачить ту неумышленную софистику, которою они улавливаютъ прежде всего себя, а потомъ и другихъ.

Я. Скажите, Сократъ Ивановичъ, почему вы, какъ я уже не въ первый разъ слышу, позитивизмъ настойчиво обвиняете въ софистикѣ?

Сократъ. Да потому что это правда, въ чемъ я убѣдился послѣ долгаго опыта и тяжелой умственной борьбы. Всю сущность этой софистики можно выразить такъ. Отрицая всяческія субстанціи и особенно нашу духовную субстанцію или то, про что мы говоримъ: „я", позитивисты берутъ назадъ все свое отрицаніе и замѣняютъ его утвержденіемъ въ, повидимому, невинныхъ и столь обычныхъ выраженіяхъ, гдѣ является словечко „мы". Выходитъ то, что эти „мы" тайкомъ пожираютъ всю дѣятельность „я" и всю его дѣйствительность. При этомъ, благодаря туману, которымъ окружаетъ насъ это яко бы невинное словечко, позитивистическое отрицаніе субстанціальности можетъ показаться состоятельнымъ логически. Эта кажущаяся состоятельность можетъ тѣмъ болѣе вводить въ заблужденіе, что въ позитивистическомъ отрицаніи субстанціи, по скольку оно касается матеріальныхъ вещей, есть и доля правды. Впрочемъ, и съ отрицаемой матеріальной субстанціей ими продѣлывается софистика, подобная совершаемой съ духовной субстанціей.

„Какъ тамъ эта субстанція тихомолкомъ вводится въ дѣло при посредствѣ словечка „мы", такъ здѣсь матеріальная субстанція вводится подъ терминами: *предметъ, объектъ, вещь*, и при постоянной ссылкѣ на естественныя науки, по слѣдамъ которыхъ идетъ будто бы позитивизмъ. Конечно, естественныя науки неизбѣжно должны принимать какой либо *субстратъ*, лежащій въ основѣ изслѣдуемыхъ ими явленій, т. е., матеріальную или эфирную субстанцію, сплошную, или же состоящую изъ атомовъ. Только при этомъ условіи естественныя науки и имѣютъ право говорить о впе-

чатлѣніяхъ, дѣлаемыхъ этимъ субстратомъ или матеріею на насъ, и сводить всѣ физико-химическія явленія на движенія частицъ этой матеріи, на ихъ толчки, удары и т. п. Любопытно было бы, какъ позитивистическая философія, не имѣющая права ни на эфиръ, ни на матерію, ни на атомы, ни на движенія, ни на толчки, ни на удары, ни на впечатлѣнія, разумѣется, если бы она была строго-послѣдовательною, какъ бы она стала объяснять, напр., процессъ познанія изъ мнимыхъ *впечатлѣній*, которыя дѣлаетъ одна *мнимая „совокупность“*, т. е., матерія, воображаемая другою *мнимою „совокупностью“*, т е. духовною субстанціею, на эту послѣднюю; или, говоря иными словами, изъ впечатлѣній, дѣлаемыхъ *однимъ ничто на другое ничто?*

„Чтобы вся *пустота* позитивизма или феноменизма сдѣлалась совершенно ясной, надобно:

1) Требовать отъ его представителей, чтобы они строго и подробно опредѣляли употребляемые ими термины, особенно же тѣ ходячія словечки, которыя всякому кажутся такъ понятными, какъ напр.: „фактъ“, „опытъ“, „мы видимъ“, или „наука говоритъ“ и множество другихъ.

2) Должно, какъ можно внимательнѣе, сопоставлять эти объясненія и опредѣленія другъ съ другомъ, чтобы ясно увидѣть ихъ дисгармонію и ошибочность. При этомъ должно оберегаться своей собственной укоренившейся привычки считать понятнымъ и яснымъ многое такое, что, на самомъ дѣлѣ, вовсе не ясно.

3) Особенно должно не позволять позитивистамъ употреблять различные термины въ томъ общепринятомъ обычномъ смыслѣ, на который они не имѣютъ права въ силу своихъ собственныхъ теорій Такъ достаточно было бы, напр., чтобы вмѣсто всѣхъ „мы“ т. е., множественнаго числа отъ я, они попробовали употреблять тѣ термины, которыми они замѣняютъ терминъ; „я“ въ своей критикѣ понятія субстанціи. Пусть, напр., говорятъ вмѣсто *„мы“— „метафизическій фантомъ“* или *„иллюзія воображенія“* или *„совокупность свойствъ“* и т. п.

„Я увѣренъ, что соблюденіе этихъ предосторожностей вывело бы на свѣтъ божій софистику позитивизма и избавило бы отъ опасности впасть въ позитивистическое заблужденіе, что будто бы „я“ есть не субстанція, а какой-то „пучокъ“ или „совокупность свойствъ“.

„Что касается до кровнаго родства позитивизма съ софистикой, то въ послѣднее время оно *прямо и открыто* признано самимъ позитивизмомъ въ лицѣ одного изъ талантливыхъ современныхъ позитивистовъ, имя котораго я желаю умолчать. Въ обширномъ сочиненіи этотъ позитивистъ всѣ направленія философіи во всѣ времена сводитъ къ двумъ враждебнымъ группамъ: *идеализму* и *позитивизму*, и родоначальниками или первыми важнѣйшими представителями этихъ двухъ направленій считаетъ знаменитыхъ эллиновъ: Платона и Протагора. Что касается до меня, то я съ удовольствіемъ принимаю дѣленіе направленій всей философіи на *двѣ* группы, а также охотно согласенъ признать праотцами этихъ направленій двухъ названныхъ мыслителей[1]). Разница только въ томъ, что вышеупомянутый позитивистъ видитъ *научную и передовую философію* въ направленіи Протагора, а я вижу *истинную философію*, по скольку она доступна человѣческой субстанціи, въ направленіи Платона.

Я. А нельзя-ли, Сократъ Ивановичъ, узнать имя этого современнаго позитивиста?

Сократъ. Ну, ужь извините меня, а объ имени я умолчу. Впрочемъ, вѣроятно наши научные, которые можетъ быть, еще до него не дошли, (что впрочемъ и понятно, ибо нужно прочесть. по крайней мѣрѣ, препочтенныхъ три тома), скоро будутъ клясться его именемъ и приводить болѣе хлесткіе отрывки изъ этихъ трехъ томовъ....

---

[1]) При этомъ случаѣ я позволю себѣ указать читателямъ на мое дѣленіе всей философіи на два направленія: *абсолютнаго бытія и абсолютной перемѣны*, (см. мою книгу: „Очерки изъ исторіи философіи“ стр. 19 и слѣд.).—Примѣч. редактора.

Въ эту минуту въ передней раздался сильный звонокъ и затѣмъ слышно было, что разомъ взошли нѣсколько человѣкъ. Калгановъ вышелъ въ переднюю встрѣчать своихъ гостей. Оказалось, что пріѣхали Карамазовы съ Серебряковой, Красоткинымъ и Шугаевымъ, которые зашли къ нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ новорожденному. Когда всѣ размѣнялись привѣтствіями, то хозяинъ просилъ Катерину Ивановну взять на себя роль хозяйки и разлить чай, на что она и согласилась съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Сократъ сидѣлъ подлѣ нея. Но прежде она пожелала осмотрѣть квартиру Калганова, такъ какъ еще не видѣла ее.

„Хочу посмотрѣть", говорила она, улыбаясь, „прилична ли будетъ ваша квартира для будущей хозяйки, которую вы имѣете въ виду, и для пріобрѣтенія которой, я, по старой дружбѣ, совѣтовала бы вамъ принести, по моему, такую легкую и пріятную жертву не спорить и соглашаться съ Сократомъ Ивановичемъ".

Калгановъ. (Смѣясь). Навѣрно, приму вашъ дружескій совѣтъ, но только не сейчасъ, а годика черезъ три, когда невѣста будетъ совсѣмъ готова и когда я буду увѣренъ, что она достанется мнѣ; а теперь жертву то, пожалуй, принесешь, а невѣсту то вдругъ подцѣпитъ кто нибудь другой. И такъ, пока буду спорить и сегодня же сдѣлаю нападеніе на вашего protegé.

Во время осмотра квартиры, который сдѣлали дамы подъ руководствомъ хозяина, прибылъ и Синайскій. Катерина Ивановна, забраковавъ квартиру Калганова, какъ негодящуюся для семейной жизни, разлила чай и поручила разнести его гостямъ слугѣ Калганова. По отсутствію большаго стола, вокругъ котораго всѣ гости могли бы разсѣсться, они сидѣли въ разсыпную и пили чай молча, вѣроятно, подъ вліяніемъ ожиданія спора съ Сократомъ. Видя это, я обратился къ нему съ вопросомъ, не разрѣшитъ ли онъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, возникшія у меня во время послѣдней бесѣды, происходившей въ четвергъ.

Сократъ. Съ удовольствіемъ! Только сперва надобно спросить у дамъ, не желаютъ ли онѣ какихъ либо разъясненій? Помнится,

что въ прошлый разъ Анна Михайловна хотѣла чѣмъ то прижать меня.

Серебрякова. Мнѣ кажется страннымъ, что по вашему какъ будто выходитъ, что мы имѣемъ право навѣрное признать существованіе только самихъ себя: существованіе же чего либо другого, даже людей, значитъ, своего отца и матери, мы можемъ признать только по предложенію или умозаключенію, которое, вѣдь, можетъ быть ложно и ошибочно. А, по моему, существованіе всѣхъ вещей, которыя я могу увидѣть, ощупать, точно также достовѣрно, какъ и меня самой. Я читала, не помню въ какой-то книгѣ, что ваша странная теорія называется... ахъ, какое мудреное имя!... не могу вспомнить.... какъ то.... со... са.... не могу! Господа, помогите кто нибудь.

Я. *Солипсизмомъ*! Если меня не обманываетъ память, то Шопенгауеръ гдѣ то говоритъ, что философія, признающая существованіе только одного „я“, можетъ скорѣе всего найти адептовъ въ больницахъ для умалишенныхъ.

Сократъ. Признаться сказать, Шопенгауеръ въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ въ билліардной игрѣ, „положилъ шара на себя“. Вообще различныя, большею частію реторическія, опроверженія солипсизма слабы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ у Канта и у Шопенгауера, рѣшающее значеніе въ вопросѣ о бытіи или дѣйствительности имѣетъ не разумъ, а чувственное воспріятіе. Дѣло въ томъ, что самые важные признаки, которыми отличаются для насъ люди отъ всѣхъ остальныхъ существъ, мы рѣшительно не можемъ знать прямымъ опытомъ, какъ, напр., то, что люди ощущаютъ, видятъ, слышатъ, что люди чувствуютъ, хотятъ, думаютъ и т. д. Все это мы не видимъ, не слышимъ, не осязаемъ и т. д., и обо всемъ этомъ мы знаемъ только по выводу, именно: на основаніи *умозаключенія по аналогіи*. Въ основѣ всѣхъ случаевъ этой аналогіи лежитъ только одинъ примѣръ, одинъ предметъ, именно: наше собственное „я“. Доступны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ только движенія или звуки, приписываемые нами людямъ, а наше толко-

ваніе этихъ звуковъ и движеній тѣмъ, что они происходятъ въ силу такихъ-то и такихъ-то мыслей, чувствъ и желаній людей, есть дѣло нашего мыслящаго и умозаключающаго „я“, обладающаго непосредственнымъ знаніемъ только самого себя и не могущаго, такъ сказать, выйти изъ своего сознанія и войти въ чужое. Если бы умозаключеніе по аналогіи мы могли оподозрить въ ошибкѣ и заблужденіи, то должны были бы отрицать всякое существованіе, исключая своего, но въ вѣрности этого умозаключенія мы не можемъ сомнѣваться, ибо такое сомнѣніе равнялось бы сомнѣнію въ своемъ разумѣ, а такое сомнѣніе вело бы къ сомнѣнію въ собственномъ бытіи и собственной дѣятельности, т. е., дало бы въ результатѣ нуль знанія!

Серебрякова. Скажите мнѣ, пожалуйста, что вы разумѣете подъ разумомъ, которому придаете такое важное значеніе?

Сократъ. Разумомъ я обозначаю особую дѣятельность нашей субстанціи, дѣятельность, посредствомъ которой мы соединяемъ и разъединяемъ элементы нашего сознанія, понимаемъ ихъ въ отдѣльности и въ связи или въ отношеніи, рѣшаемъ вопросъ о бытіи и о небытіи и т. под. и такимъ образомъ достигаемъ познанія вещей въ ихъ дѣйствительности и наконецъ въ ихъ общей взаимной связи, т. е., понимаемъ ихъ, какъ единый міръ.

Серебрякова. Да гдѣ же гарантія, что нашъ разумъ все это производитъ, какъ слѣдуетъ, и что мы тутъ ничего не выдумываемъ и не фантазируемъ?

Сократъ. Нигдѣ и никакой другой гарантіи нѣтъ, кромѣ какъ въ томъ же разумѣ и въ его дѣятельности, или мышленіи. Тотъ же разумъ, который дѣйствуетъ въ познаніи и наукѣ, обладаетъ и нормами для своей правильной познавательной дѣятельности, а также можетъ знать масштабы и границы своихъ силъ въ ней. Онъ же сознаетъ и методы своей дѣятельности и имѣетъ возможность отличить правильный методъ отъ ошибочнаго; словомъ, безъ разума и безъ мышленія мы не имѣли бы науки, хотя могли бы

имѣть вообще сознаніе и даже весьма темное и ограниченное знаніе, подобно животнымъ

Серебрякова Но, скажите, пожалуйста, какъ же мы, не смотря на этотъ разумъ, ошибаемся? Надѣюсь, вы признаете, что мы ошибаемся?

Сократъ. Конечно, признаю и думаю, что ошибки наши происходятъ отъ связи нашей мыслящей дѣятельности съ другими, ибо одна и таже субстанція не только мыслитъ, но ощущаетъ, хочетъ и т. п. Связь мышленія съ этими функціями и вліяетъ на правильность мысли. Кромѣ того, такъ какъ наша субстанція несовершенна, то и въ самомъ мышленіи есть несовершенства, состоящія въ его ограниченности, которая въ соединеніи съ первой причиной и даетъ въ результатѣ то, что мы называемъ заблужденіемъ.

Серебрякова. Эти объясненія меня далеко не удовлетворяютъ, но я боюсь какъ либо выпустить васъ, а потому попрошу Николая Ивановича возражать вамъ.

Сократъ. (Осклабляясь). Вы, Анна Михайловна, по видимому, намѣреваетесь устроить правильную облаву на меня, какъ на дикаго звѣря, но справедливость, а кромѣ того и интересъ самой охоты требуетъ, чтобы травимому звѣрю была предоставлена возможность борьбы и защиты Такъ какъ присутствующіе здѣсь, вѣроятно, будутъ участвовать въ охотѣ за мною каждый за свой счетъ, то поэтому прежнее наше правило, по которому мужчины замѣняютъ дамъ, должно быть на этотъ разъ отмѣнено. Итакъ, Николай Ивановичъ нападетъ на меня за себя и отъ себя, когда придетъ его очередь. Теперь же я просилъ бы всѣхъ моихъ собесѣдниковъ уступить право перваго нападенія на меня самому страшному для меня противнику, а именно: Ивану Антоновичу, какъ представителю *научной* философіи. Я же въ этомъ случаѣ выигрываю то, что буду имѣть болѣе шансовъ защититься отъ него, потому что нахожусь еще въ свѣжихъ силахъ и не утомленъ многими нападеніями.

Шугаевъ. (Строгимъ тономъ). Представитель научной философіи будетъ всегда говорить *одно и тоже*, что бытіе, реальность, существованіе и т. под. слова никакого особеннаго и опредѣленнаго значенія не имѣютъ, а потому употреблялись и употребляются въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ. Напр, у индусовъ въ „Ведахъ" слово: быть, употреблялось въ смыслѣ дышать; часто бытіе употребляется въ смыслѣ жизни, и быть означаетъ жить Да и нѣтъ вещи, къ которой бы мы въ какомъ нибудь отношеніи не прилагали словъ: быть, существовать. Такъ, напр, мы говоримъ, что наши мысли, чувства, даже фантазіи существуютъ. Также точно мы говоримъ о существованіи математическихъ объектовъ: точекъ, линій, окружностей, или же говоримъ, что существуютъ законы природы, законы государственные. Неужели же, по вашему, изъ этого слѣдуетъ, *что все это* субстанціи? Значитъ чтобы рѣшить вопросъ о бытіи или существованіи чего либо, надобно узнать, о чѣмъ говорятъ и въ какомъ смыслѣ употребляютъ это слово говорящіе.

Сократъ. Мнѣ кажется, что предполагаемый вами способъ насъ вовсе не приведетъ къ разрѣшенію вопроса о содержаніи *понятія* бытія и объ указаніи *критерія* для сужденія о томъ, что существуетъ и что не существуетъ. Я съ вами не спорю, что *слово*: быть, и въ древности, и теперь употребляется въ разныхъ значеніяхъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы понятіе бытія также колебалось въ своемъ содержаніи, какъ колеблется значеніе слова въ народномъ употребленіи языка. Изъ того, что въ различныя времена и теперь въ народномъ языкѣ слова: тяжесть, тяжелый, употребляются въ различныхъ значеніяхъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ наукѣ, напр., въ физикѣ, термины: тяжесть, тяжелое тѣло, не имѣли строго опредѣленнаго значенія и употреблялись бы, какъ кому вздумается. Точно также изъ того, что термины: причина, слѣдствіе, причинное отношеніе, употреблялись и употребляются до сихъ поръ въ обыкновенномъ и даже въ научномъ языкѣ въ различномъ смыслѣ,—изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобы логика или

теорія познанія не старались опредѣлить точнымъ образомъ содержаніе понятія причины и употреблять слово: причина, только въ этомъ точно установленномъ смыслѣ. По моему, если распространить ваше отрицаніе потребности въ точномъ опредѣленіи содержанія понятія бытія на томъ основаніи, что въ языкѣ слово: бытіе или существованіе, употребляется произвольно, если распространить это отрицаніе, говорю я, на другія слова, которыя также въ народномъ языкѣ употребляются не точно или же фигурально, то мы совсѣмъ не будемъ имѣть точнаго научнаго языка, а съ нимъ вмѣстѣ потеряемъ и самую науку. Возьму для поясненія своей мысли одинъ яркій примѣръ. Несомнѣнно, что слово: „жить", въ языкѣ употребляется относительно безжизненныхъ предметовъ; такъ говорятъ:—„эта вещь", (платье, посуда, и т. п.) у меня жила десять лѣтъ, а у тебя и мѣсяца не выжила". Слѣдуетъ ли изъ этого, что эти вещи живутъ въ біологическомъ смыслѣ, или слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы біологія или физіологія не старались точно опредѣлить понятіе жизни? Итакъ, по моему, наукѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ поставить преграду произвольному и неопредѣленному употребленію словъ: бытіе, существованіе, реальность, что понятіе, обозначаемое ими, весьма важно въ наукѣ, называемой философіей, и ведетъ ее къ распаденію на нѣсколько враждебныхъ направленій. Но какъ скоро было бы строго опредѣлено это понятіе, то нужно было бы тщательно наблюдать, во избѣжаніе безполезнаго спора и путаницы, чтобы слова, обозначающія это понятіе, никогда не употреблялись, по крайней мѣрѣ, въ научномъ языкѣ въ произвольномъ и не собственномъ смыслѣ. Это значитъ, что нужно стараться, напримѣръ, никогда не употреблять слово: бытіе, тамъ, гдѣ оно употребляется въ смыслѣ жизни, дыханія и т. п., а употреблять именно эти слова; слово же: бытіе, употреблять только тамъ, гдѣ подразумѣвается то особое понятіе, которое выражается этимъ словомъ.

Шугаевъ. Да я именно и не допускаю этого особаго понятія, и такъ какъ никакого бытія нѣтъ, то невозможно опредѣлить и

слово: бытіе. Слово это совершенно пустое и не соотвѣтствуетъ никакой реальности, а потому и употребляется во всевозможныхъ и разнообразныхъ значеніяхъ.

Сократъ. А я напротивъ не могу допустить, чтобы слово: бытіе, было пустое слово. Да мнѣ кажется, что и вы этого на самомъ-то дѣлѣ не допускаете, что можно заключить изъ самаго вашего отрицанія. Такъ вы говорите, что бытіе не соотвѣтствуетъ никакой реальности, значитъ, признаете какую то *реальность* и что-то ей соотвѣтствующее, но такъ какъ слово: реальность, есть синонимъ слова: бытіе, то значитъ вы и сами признаете бытіе или существованіе и нѣчто соотвѣтствующее ему.

Шугаевъ. Да для меня реальность есть тоже, что Юмъ называетъ впечатлѣніемъ.

Сократъ. Но, вѣдь, и для меня юмовы впечатлѣнія, т. е. ощущенія, хотя и не могутъ быть прямо названы реальностью или бытіемъ, но все таки принадлежатъ къ реальности. Реальность состоитъ не прямо изъ первоначальныхъ и простыхъ элементовъ сознанія, взятыхъ въ отдѣльности, но въ ихъ отношеніи другъ къ другу и въ ихъ единствѣ. Конечно, какъ я уже не разъ говорилъ, въ это единство входятъ не только юмовы впечатлѣнія, но и другіе элементы первоначальнаго и простого сознанія, а именно: сознаніе о нашихъ дѣятельностяхъ и о нашей субстанціи или „я“. Произвольное и неопредѣленное употребленіе словъ: бытіе, реальность и т. п., указываетъ вовсе не на то, что подъ ними не подразумѣвается какое нибудь особое понятіе, а на то, что это понятіе не ясно, сбивчиво, а потому и не сдерживаетъ насъ отъ произвольнаго и разнообразнаго употребленія слова: бытіе, употребленія, къ которому и безъ того живой языкъ имѣетъ склонность. Но что это понятіе все таки, хотя и въ неясномъ видѣ, существуетъ, то доказывается всей исторіей философіи, въ которой всѣ споры и разногласія именно происходятъ отъ различія въ содержаніи понятія бытія у разныхъ философскихъ школъ. Если бы не было разногласія въ существованіи субстанцій вообще и въ частности въ су-

ществованіи духовныхъ или матеріальныхъ субстанцій, или же въ существованіи высочайшей субстанціи; далѣе, если бы не было разногласія въ числѣ субстанцій, то, вѣроятно, желанный миръ въ философіи давно бы наступилъ Но, конечно, разногласія не можетъ не быть, когда у однѣхъ школъ понятіе бытія несовмѣстимо съ бытіемъ духа, у другихъ понятіе бытія несовмѣстимо съ бытіемъ множества, у третьихъ понятіе бытія несовмѣстимо съ бытіемъ непрестанно-пребывающаго единства и тождества и напротивъ, по видимому, совмѣстимо съ понятіемъ непрестаннаго возникновенія и уничтоженія. Да мнѣ кажется, что и всѣ представители *вашего* направленія, начиная съ знаменитаго Протагора и кончая моимъ уважаемымъ антагонистомъ, Иваномъ Антоновичемъ Шугаевымъ, разумѣютъ кое что особое подъ словечкомъ: бытіе. Если же вы въ самомъ дѣлѣ ничего не разумѣете подъ словомъ: бытіе, или подъ другимъ словечкомъ: я, мы, то я еще разъ попросилъ бы васъ въ серьезъ провести это мнѣніе и вмѣсто словъ: быть, я, мы, употреблять дѣйствительно ничего не значущія слова, напр., *бирибмби, брадабра.* По моему это было бы, такъ называемое въ логикѣ, argumentum ad oculos, или за то, что вы правы, т. е., что слова: я, мы, бытіе, ничего не значатъ, или за то, что я правъ и что, безъ этихъ словъ и безъ означаемыхъ ими понятій и далѣе самихъ вещей, не можетъ быть никакой философіи, никакого мнѣнія. даже никакого разговора.

Шугаевъ. Ваше предложеніе только потому неудобно, что мы такъ привыкли къ этимъ словамъ: я, мы, существовать и пр., что безъ нихъ трудно что либо сказать. Но я опять таки стою на томъ, что подобно тому, какъ бытіе есть пустое слово, не означающее никакого понятія, такъ и ваше „я“ есть чистый *метафизическій фантомъ*, которымъ обозначаются *наши* событія или явленія въ *насъ*: ощущенія, образы, воспоминанія, идеи, намѣренія и т. д. Изъ нихъ то и состоитъ наше существо, или наше „я“, не имѣющее кромѣ ихъ никакихъ элементовъ. Положимъ, напр., что я сперва вкушаю что нибудь, т. е. имѣю ощущеніе вкуса, потомъ страдаю,

чувствую боль въ ногѣ, потомъ вспоминаю слышанный концертъ. Во всѣхъ глаголахъ сказанныхъ мною сейчасъ сужденій заключается глаголъ: *быть*, а всѣ эти сужденія заключаютъ субъектъ „я“, связанный съ глаголомъ быть, посредствомъ причастія, означающаго аттрибутъ, (я есмь вкушающій, я есмь страдающій, я есмь вспоминающій). Значитъ, въ каждомъ изъ этихъ сужденій глаголомъ: быть, означается, что аттрибутъ есть элементъ или, такъ сказать, фрагментъ субъекта, что онъ включенъ въ немъ, какъ часть въ цѣломъ. Въ этомъ и состоитъ весь смыслъ и значеніе глагола: быть, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ. Или, иными словами, глаголъ: *быть*, означаетъ здѣсь, что ощущеніе вкуса, страданіе, воспоминаніе концерта суть элементы, фрагменты, составныя части „я“. Значитъ, наши послѣдовательныя состоянія, или послѣдовательныя событія въ насъ суть составныя части нашего „я“, которое поочередно сперва есть одно событіе, напр., ощущеніе вкуса. потомъ другое событіе, т. е., страданіе, потомъ третье событіе, т. е., воспоминаніе концерта.

Сократъ Извините, если я попрошу маленькаго объясненія. Сперва не могу не замѣтить, что прошлый разъ вы союзникомъ себѣ взяли Юма, а теперь, кажется, Тена, потому что, если не ошибаюсь, въ словахъ вашихъ какъ бы слышится Тенъ. Но Юмъ ли, Тенъ ли? это почти одно и тоже; только Юмъ откровеннѣе, послѣдовательнѣе, искреннѣе, а Тенъ болѣе хитритъ и весьма тонко переходитъ изъ феноменизма въ матеріализмъ. А спросить то я васъ хотѣлъ вотъ о чемъ: какъ же происходитъ это я? Значитъ, три событія въ насъ въ отдѣльности не суть „я“, а вмѣстѣ, въ суммѣ они дѣлаютъ „я“, подобно тому, какъ 2, 3 и 5 не десять въ отдѣльности, а въ суммѣ 10. Такъ что-ли?

Шугаевъ. (Сердитымъ тономъ). Не знаю, къ чему вамъ доискиваться моихъ союзниковъ?! Не они, а я съ вами разговариваю. Конечно, „я“, о которомъ говорится въ нашихъ сужденіяхъ, вовсе не есть *простой итогъ*. Это я остается однимъ и непрерывнымъ, а мы, какъ наблюдатели, для удобства изученія, отдѣляемъ событія

въ насъ одни отъ другихъ. На самомъ же дѣлѣ событія образуютъ непрерывную ткань, которую мы мысленно дѣлимъ на произвольные куски, подобно тому, какъ, для лучшаго изученія какой либо доски, мы можемъ раздѣлить ее мѣломъ на треугольники, квадраты и т. п. Значитъ, нельзя сказать, что „я“ само по себѣ есть серія своихъ [1]) событій или явленій, присоединенныхъ одно къ другому, потому что оно и раздѣлено—то на событія только ради наблюденія, а все таки, оно равняется этой серіи своихъ явленій. Отнимите ихъ и уже ничего больше не останется.

Сократъ. Чрезвычайно трудную и едва ли разрѣшимую задачу для меня составляетъ примирить и какъ либо соединить ваше „я“ съ вашими „мы“. По вашимъ словамъ и выраженіямъ, между ними лежитъ цѣлая пропасть, а по вашей теоріи, и „я“, и „мы“ должны быть однимъ и тѣмъ же. „Я“, вѣдь, по вашему *метафизическій фантомъ*, а потому и не можетъ самъ производить многихъ чудныхъ вещей, которыя производятъ у васъ „мы“. Фантомъ, по смыслу этого термина, самъ себя не изъ чего не слагаетъ и ни на что не раздѣляетъ; не принимаетъ чего либо другого за себя, т. е., не обманываетъ самъ себя. Фантомъ не заблуждается, но и не владѣетъ истиной; фантомъ не фантазируетъ и не мыслитъ. Словомъ, фантомъ не производитъ никакихъ дѣйствій, конечно, по той простой причинѣ, что фантомъ не существуетъ, а только кажется существующимъ, и притомъ кажется не фантому, т. е., не самому себѣ, а кому либо, кто существуетъ, кто дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать, кто слагаетъ и разъединяетъ, изъ отдѣльныхъ кусковъ слагаетъ ткань и, наоборотъ, непрерывную ткань раздѣляетъ на куски и дѣлаетъ это какъ на самомъ дѣлѣ, такъ и въ воображеніи, кто наконецъ можетъ ошибочно принять непрерывную ткань за сшитую изъ кусковъ и, наоборотъ, сшитую изъ кусковъ за непрерывную.

---

[1]) Здѣсь Шугаевъ, вѣроятно, переводящій съ французскаго („la série de ses évènements“), ради возможно точнѣйшаго выраженія дѣлаетъ галлицизмъ.—Примѣч. автора

„Далѣе, этотъ *не* фантомъ, а *кто либо существующій* можетъ ошибаться, заблуждаться, а также и поправлять сдѣланныя ошибки; наконецъ этотъ кто-либо можетъ *неразумно* фантазировать и *разумно*, правильно мыслить. Однимъ словомъ, фантомъ можетъ показаться не фантомомъ, но никакъ не себѣ, или другому фантому, а только „намъ“, дѣйствительно существующимъ. Такъ, напр., въ фантомѣ лѣшаго есть нѣкоторые элементы, которые не суть фантомъ, а дѣйствительность, какъ, напр., крикъ филина, трескъ сухихъ вѣтвей, ломающихся отъ вѣтра, какой нибудь прихотливой формы ель, или другое дерево, которое простой, суевѣрный человѣкъ можетъ принять за огромное живое существо и т. п. Но всѣ эти элементы не слагаютъ сами себя въ лѣшаго и ничего не знаютъ о томъ, что существо способное слышать, видѣть, чувствовать, мыслить, въ страхѣ, подъ вліяніемъ возбужденной фантазіи, *ложно относитъ* одинъ къ другому всѣ эти отдѣльные элементы, т, е., слышанный крикъ филина, видѣнную елку или другое дерево, трескъ вѣтвей и гулъ вѣтра и такимъ образомъ слагаетъ страшный для него фантомъ лѣшаго.

Шугаевъ. Я никакъ не вижу цѣли, для которой вы говорили все это.

Сократъ. Цѣль, по моему, ясна. Во первыхъ, я напоминаю вамъ, что „мы“ тоже, что и „я“, т. е., по вашей теоріи, фантомъ. Мнѣ кажется, что вы постоянно объ этомъ забываете, когда говорите: „мы“. Во вторыхъ, мнѣ хотѣлось вамъ напомнить, что въ названіи чего нибудь фантомомъ *нѣтъ смысла,* если мы тѣмъ самымъ *не противополагаемъ* это названіе не фантому, а чему либо дѣйствительно существующему. Значитъ, когда вы употребляете терминъ: фантомъ, то тѣмъ самымъ вы доказываете, что слово: бытіе, существованіе и для васъ имѣетъ опредѣленное значеніе, т. е., что вы подъ этими словами подразумѣваете нѣчто противоположное фантому, призраку, т. е., небытію, кажущемуся бытіемъ. Въ третьихъ я хотѣлъ напомнить вамъ, что всякій призракъ или фантомъ имѣетъ въ основѣ своей нѣчто какъ либо существующее. Зна-

читъ, и тотъ фантомъ, который называется „я“, имѣетъ въ основѣ своей какіе либо элементы существующаго, и я хотѣлъ попросить васъ обстоятельно *указать эти элементы, а потомъ указать, какъ* изъ этихъ *реальныхъ* элементовъ образуется фантомъ, о которомъ мы говоримъ „я“. Конечно, при этомъ объясненіи я энергически буду препятствовать вамъ ввести тихомолкомъ этотъ фантомъ уже готовымъ въ формѣ словечка: „мы“. Такъ, напримѣръ, когда вы говорили, что „я“ есть *метафизическій фантомъ*, которымъ мы обозначаемъ *наши событія* или *явленія въ насъ*, то я никакъ не могу допустить этого выраженія, ибо оно заключаетъ въ себѣ *противорѣчіе*. Здѣсь вы называете фантомомъ нѣчто такое, безъ чего невозможно опредѣлить или обозначить нѣкоторую группу событій или явленій и отличить ее отъ всевозможныхъ другихъ событій или явленій и дѣлаете это именно посредствомъ словъ: „наши“, „въ насъ“, и т. п. Это все равно, какъ я бы сказалъ: „я считаю за ничто стаканъ, въ которомъ находится это вино“. Очевидно, что стаканъ вовсе не ничто, онъ есть вмѣстилище вина, которое этимъ вмѣстилищемъ отличается отъ всякаго другаго такого-же вина. Хотя, конечно, „я“ есть вмѣстилище въ фигуральномъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе событія, для которыхъ оно служитъ вмѣстилищемъ, или, точнѣе, которыя относятся къ нему, какъ акциденціи къ субстанціи, посредствомъ этого отношенія становятся *индивидуальными*, спеціально *этими* и тѣмъ отличаются отъ всѣхъ другихъ событій, существующихъ и могущихъ существовать. Понятно, что это опредѣляющее и отличающее ихъ „я“, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ быть пустымъ фантомомъ или ничто. Далѣе когда вы указываете на серію *нашихъ* послѣдовательныхъ состояній, говоря, что они суть составныя части нашего „я“, которое поочередно есть каждое изъ этихъ событій (я вкушаю, я страдаю, я вспоминаю), то я опять таки вижу во всемъ этомъ противорѣчіе и не могу допустить, чтобъ фантомъ былъ поочередно каждымъ изъ этихъ событій или нашихъ послѣдовательныхъ состояній. Опять таки не могу допустить потому, что состоянія вкушенія, страданія, воспо-

мнанія, при посредствѣ этого „я“, индивидуализируются и дѣйствительно отличаются отъ всевозможныхъ другихъ состояній и отъ всевозможныхъ другихъ вкушеній, страданій, воспоминаній. Этого я не могу допустить точно также, какъ не могу считать за *ничто* стаканъ, который послѣдовательно есть стаканъ вина, стаканъ воды, стаканъ чаю. Стаканъ есть такая-же дѣйствительность, какъ дѣйствительны занимающія его чай, вода и вино. Какъ въ мірѣ матеріальномъ не мыслимы жидкости безъ какихъ либо вмѣстилищъ, такъ въ мірѣ психическомъ психическія состоянія или событія не мыслимы сами по себѣ, безъ субстанцій, къ которымъ эти событія относятся, какъ акциденціи. Вотъ *такимъ-то образомъ* я останавливалъ бы васъ на каждомъ изъ вашихъ словечекъ: „мы“, „насъ“, „въ насъ“ и т. п., которыя всѣ вмѣстѣ и каждое порознь суть *ничто иное, какъ petitio principii*; и я готовъ провести съ вами хоть пять дней къ ряду, требуя отъ васъ *настоящихъ, а не мнимыхъ* объясненій объ образованіи фантома нашего „я“.

Шугаевъ (сухо). Къ сожалѣнію, не только пять дней, но и сейчасъ я не могу продолжать моего спора съ вами, ибо (смотря на часы) вотъ уже одиннадцать часовъ, а я и прошлый разъ почти всю ночь просрадалъ отъ того, что засидѣлся за полночь. Что же касается до образованія иллюзіи нашего „я“, то читайте Юма или Милля и другихъ представителей научной философіи и у нихъ найдете полное объясненіе.

Сократъ Читалъ я и Юма, и Тена;
Читалъ я и Милля, и Бена;

но находилъ не объясненіе, а все тѣхъ же „мы“, „насъ“, „въ насъ“, словомъ, одинъ и тотъ же *софизмъ*, на которой я вамъ и указываю.

Но Шугаевъ уже не отвѣчалъ, а началъ прощаться съ хозяиномъ, съ Сократомъ и другими гостями.

Когда ушелъ Шугаевъ, я хотѣлъ было обратиться къ Сократу съ своими вопросами, но онъ остановилъ меня, говоря, что теперь онъ имѣетъ право и промочить горло при наслажденіи сознані-

емъ, что счастливо остался цѣлъ послѣ опасностей, которыми угрожала ему научная философія.

И взявъ одну изъ стоявшихъ на столѣ бутылокъ, онъ налилъ себѣ стаканъ вина, медленно выпилъ его и сказалъ: „извините Платонъ Михайловичъ, что я, подкрѣпившись, сперва попытаюсь выдержать нападеніе представителя *точной науки*, надѣясь, что вы, какъ свой братъ, метафизикъ, будете помягче и поблагодушнѣе нападать на меня, когда я ослабну и устану. И такъ, Николай Ивановичъ“, сказалъ онъ обращаясь къ Красоткину, „теперь ваша очередь возражать на мое опредѣленіе понятія бытія“.

Красоткинъ. У меня съ вами будетъ разговоръ, надѣюсь, не длинный, потому что я буду стоять на фактахъ, признанныхъ наукой, а въ діалектическія тонкости не пущусь. Если вы согласны, что наше „я“ есть наше тѣло, то и я готовъ подписаться подъ вашимъ утвержденіемъ, что мы свое „я“ или свою субстанцію знаемъ непосредственно, ибо мы свое тѣло можемъ каждую минуту видѣть, осязать, даже обонять, словомъ, познавать всѣми нашими чувствами. Но если вы думаете, что „*я*“ есть какой-то неосязаемый и невидимый духъ, не находящійся въ пространствѣ, то я такого „я“ не могу признать, ибо тогда для меня не существовало бы никакой науки, никакого знанія, а оставалось бы только дикое суевѣріе, время котораго, слава Богу, давно миновало. Все же то, что вы говорите о мысляхъ, желаніяхъ и чувствахъ, какъ проявленіяхъ этого духа, далѣе что вы говорите о несравнимости и полной разнородности матеріальныхъ процессовъ съ этими явленіями, наконецъ что вы говорите о несуществованіи пространства или о томъ, что наши мысли или чувства не находятся въ пространствѣ, я считаю за пустыя діалектическія ухищренія, на которыя точная наука давно уже не обращаетъ вниманія. Впрочемъ, не только наукѣ, но и всякому, кажется, достаточно извѣстенъ фактъ, что, пока мы живы, до тѣхъ поръ и существуетъ наше „я“, а когда умираемъ, т. е., когда наше тѣло начнетъ разлагаться, и „я“ исчезаетъ.

Сократъ Мудрено мнѣ разсуждать съ вами, Николай Ивановичъ, когда вы не опровергаете моихъ доказательствъ, а просто устраняете ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не принадлежатъ къ какой-то и кѣмъ-то *патентованной* точной наукѣ! Однако еще попробую указать вамъ, что наше тѣло и наше „я“ двѣ вещи разныя. Помните, что когда вы въ первый разъ были у меня, то вы сами соглашались [1]), что субстанціи, т. е., по вашему, матеріальные атомы, не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ, но тѣло наше, какъ вы сейчасъ говорите, подлежитъ имъ. Значитъ, и по вашему, выходитъ, что тѣло наше не есть наше „я“, что „я“, если оно субстанція, должно быть атомомъ. Конечно, можетъ быть, вы думаете что „я“ вовсе не субстанція, потому что тѣло ни въ какомъ случаѣ субстанціей быть не можетъ, ибо тѣло, какъ матеріальный аггрегатъ, дѣлимо и можетъ разлагаться на свои составныя части. Субстанціи-же, а также и „я“, не дѣлимы и не могутъ разлагаться или распадаться на части. Надѣюсь, что и вы нашли бы страннымъ разговоръ о половинѣ или четверти „я“, о его верхней или нижней части и т. п., между тѣмъ какъ половину тѣла при случаѣ можно демонстрировать ad oculos. Далѣе требуетъ объясненія тотъ фактъ, что мы, хотя и не всегда, но выражаемся такъ, что тѣло со всѣми его частями считаемъ принадлежностью „я“, напримѣръ, въ словахъ: „мое тѣло“, „наше тѣло“. Съ другой-же стороны мы никогда не выражаемся такъ, что „я“ есть принадлежность тѣла. Конечно, языкъ и употребленіе въ немъ словъ не можетъ служить для философіи основаніемъ для образованія ея понятій, однако и они могутъ давать для того нѣкоторое руководство, потому что какъ языкъ, такъ и философія суть созданія одного и того же разума. Разница только въ томъ, что въ языкѣ разумъ дѣйствуетъ съ меньшею степенью сознанія, а въ философіи съ наибольшею.—Такъ какъ-же, по вашему, „я“, отождествляемое вами съ тѣломъ, есть субстанція или не субстанція?

[1]) См. „Первую бесѣду съ Сократомъ“ въ 1-мъ № „Своего Слова“. Примѣчаніе редактора.

Красоткинъ. Конечно, „я“ не есть субстанція; „я“ есть только мысль, т. е., продуктъ движеній частей тѣла, а въ особенности мозга. Субстанціями, какъ я уже сказалъ прежде, могутъ быть только атомы.

Сократъ. Но тѣло-то, тѣло? Оно субстанція или не субстанція?

Красоткинъ Тѣло не субстанція, но состоитъ изъ субстанцій.

Сократъ. Ну хорошо! Позвольте и еще предложить вопросъ: тѣло наше реально, т е., дѣйствительно существуетъ, или нѣтъ?

Красоткинъ. Конечно, тѣло дѣйствительно существуетъ.

Сократъ. Значитъ, и „я“ точно также дѣйствительно существуетъ, какъ и тѣло.

Красоткинъ. Ну, „я“ существуетъ не такъ, какъ тѣло; „я“, какъ и всякая мысль, производится движеніями тѣла.

Сократъ. Значитъ „я“ уже не есть тѣло, какъ вы о томъ давеча говорили. Теперь тѣло у васъ есть причина, а „я“ слѣдствіе, продуктъ тѣла. Вѣдь, такъ выходитъ? Или говоря сравненіемъ: тѣло есть горшечникъ, а „я“ есть горшокъ. Существованіе горшка вполнѣ зависитъ отъ горшечника, а существованіе горшечника нисколько не зависитъ отъ существованія горшка. Такъ, что ли?

Красоткинъ. Э! какъ я вижу, опять пошла діалектика; опять „*я*“ и „*не я*“ и т. под. философская *шелуха!* Я уже сказалъ, что я ею не стану затруднять своего мозга. Скажите мнѣ лучше вы, если, по вашему, „я“ есть субстанція и нѣчто реальное, куда оно дѣвается послѣ смерти, когда тѣло начнетъ разлагаться?

Сократъ. Да оно никуда не дѣвается! Оно, вѣдь, не было въ тѣлѣ, когда тѣло было живымъ, оно никуда и не дѣвалось, когда тѣло стало мертвымъ. Я уже не разъ говорилъ, что я не находится въ пространствѣ, не имѣетъ мѣста, слѣдовательно, въ своемъ существованіи не зависитъ отъ тѣла, которое одно только подчинено пространству. Но такъ какъ пространство со всѣмъ, находящимся въ немъ, есть актъ мысли этого я, то тѣло, которое также есть представленіе этого я, вполнѣ зависитъ въ своемъ пространственномъ помѣщеніи отъ дѣятельности „я“.

Красоткинъ. Но скажите, пожалуйста, какъ же это ваше „я“ не есть тѣло и не зависитъ отъ тѣла, когда оно и начаться можетъ только тогда, когда началось, т. е., когда родилось тѣло, и кончается тогда, когда умираетъ, т. е., разлагается тѣло?

Сократъ. „Я“ не начинается съ рожденіемъ тѣла и не уничтожается съ его смертью по той простой причинѣ, что „я“, не существуя въ тѣлѣ и занимаемомъ имъ пространствѣ, не существуетъ также и въ то время, въ которое продолжается тѣло. Когда мы будемъ вести рѣчь о происхожденіи идей времени и пространства, то увидимъ, что и время также, какъ и пространство, полагается актомъ мысли и представленія нашей духовной субстанціи, т. е., этого самаго „я“. Отсюда слѣдуетъ, что это „я“ не зависитъ отъ времени и не находится въ немъ, ибо *полагать время и размѣщать въ немъ* различныя явленія, какъ это дѣлаемъ „мы“, можетъ только существо, по своей природѣ, не зависящее отъ времени. И такъ, не находясь во времени, мы включаемъ во время только нѣкоторый отрывокъ изъ своей дѣятельности,—отрывокъ, называемый нами нашею жизнью, при чемъ весьма важную роль какъ въ выдѣленіи и распорядкѣ этого отрывка, такъ и въ образованіи самой идеи времени играетъ та наша дѣятельность, которую мы называемъ памятью. Все это я надѣюсь, по мѣрѣ силъ, выяснить въ слѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ.

Красоткинъ. Извините, хотя я и охотно объ этомъ послушаю, но признаюсь, все это мнѣ кажется какимъ то бредомъ или болѣзненной фантазіей. (Обращаясь ко мнѣ). Такъ какъ точная наука не имѣетъ никакого дѣла съ бытіемъ, независящимъ отъ пространства и времени, то я предлагаю вести бесѣду объ этомъ предметѣ вамъ, Платонъ Михайловичъ.

Я. Мнѣ, какъ послѣдователю Шопенгауера, тоже кажется сомнительнымъ утвержденіе Сократа Ивановича, что „я“ принадлежитъ къ первоначальнымъ элементамъ сознанія и что оно непосредственно познается. Шопенгауеръ утверждаетъ, что „я“, какъ субъектъ познанія, не можетъ быть никогда представленіемъ или объектомъ,

т. е, познаваемымъ, потому что онъ, какъ необходимый *коррелятъ* всѣхъ представленій, есть ихъ условіе. Или иначе говоря, по Шопенгауеру, „познаніе познанія не можетъ состояться, потому что для этого нужно, чтобъ субъектъ отдѣлился отъ познанія и познавалъ это познаніе, что невозможно“.

Сократъ. Но однако мы не только познаемъ что либо, но и знаемъ объ этомъ своемъ познаніи, значитъ, невозможное, по Шопенгауеру, „познаніе познанія“ какъ либо осуществляется на дѣлѣ.

Я. Но это возраженіе Шопенгауеръ предвидѣлъ и въ свою очередь опровергаетъ его слѣдующимъ образомъ. По его мнѣнію. „знаніе о моемъ познаніи различается только словеснымъ выраженіемъ. Сказать: я знаю, что я познаю, все равно, что сказать: я познаю, а это все равно, что сказать просто: я. Если, „аргументируетъ Шопенгауеръ“, чье либо познаніе не есть одно и то же съ его же знаніемъ объ этомъ познаніи, но различны, то пусть онъ попробуетъ и то, и другое въ отдѣльности: разъ—познавать безъ знанія о томъ, а другой—знать о познаніи, но такъ, чтобы это знаніе не было въ то же время познаніемъ. Конечно, продолжаетъ онъ, можно отвлечься отъ всякаго особеннаго познанія и прійти къ положенію: я познаю, которое составляетъ послѣднюю возможную абстракцію. Но это положеніе тождественно съ положеніемъ: для меня есть объекты, которое, въ свою очередь, тождественно съ сужденіемъ: я есмь субъектъ, что равняется: просто я“.

Сократъ. Но мнѣ кажется, что въ приведенныхъ вами словахъ Шопенгауеръ не опровергъ, а напротивъ призналъ мое возраженіе, въ сущности представляющее ссылку на опытъ, т. е., что мы не только познаемъ, но и знаемъ о познаніи, или что мы, какъ познающіе, можемъ служить для себя объектомъ познанія. Далѣе, если Шопенгауеръ въ приведенныхъ вами словахъ хочетъ просто сказать, что познаніе имѣющее себя своимъ объектомъ, *тождественно* съ этимъ объектомъ и что, слѣдовательно, познаніе насъ самихъ, по понятію своему, не можетъ быть тѣмъ же, что мы разумѣемъ подъ познаніемъ внѣшнихъ вещей, то это совершенно вѣрно.

Но въ этомъ отношеніи можно пойдти и далѣе Шопенгауера и смѣло утверждать, что вообще нѣтъ иного познанія, какъ самого себя, такъ что *въ познаніи субъектъ* съ своимъ *объектомъ* всегда *одно и то же*.....

Я. Извините, что я перерву васъ! Значитъ, субъектъ не различенъ отъ объекта!? Значитъ они не корреляты!? Далѣе, неужели нѣтъ ничего внѣшняго для познающаго? Положимъ, что нѣтъ матеріальнаго міра, но, вѣдь, вы не отрицаете же другихъ духовныхъ субстанцій, которыя не тождественны съ нами и которыя, говоря фигурально, внѣшни по отношенію къ намъ?

Сократъ. На всѣ эти вопросы я отвѣчу, продолжая начатую мною рѣчь. Тождественность субъекта съ объектомъ въ познаніи зависитъ отъ того, что на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ формахъ познанія, а именно: въ ощущеніи, представленіи, созерцаніи, мышленіи и проч. *объектъ* есть всегда ничто иное, какъ *опредѣленное состояніе субъекта*; такъ объектъ зрѣнія—свѣтъ и цвѣта, обонянія—запахи, объектъ слуха—звуки и т. д. суть ничто иное, какъ состоянія субъекта. Ни цвѣта, ни запахи, ни звуки нигдѣ и никакъ не существуютъ, кромѣ какъ въ видѣніи, слышаніи, обоняніи субъекта. Точно также и мысль, положимъ: понятіе млекопитающаго, или представленіе этого стола, не существуетъ помимо и внѣ акта представленія и акта мышленія нашей субстанціи. Познающая дѣятельность нашей субстанціи и само познаніе, т. е., содержаніе, объектъ этой дѣятельности, суть одно и то же и если *распадаются на субъектъ и объектъ*, то только на основаніи различныхъ сторонъ этого одного и того-же, допускающихъ смотрѣть на это одно и то же съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Смотрю я на видѣніе съ точки зрѣнія дѣятельности, то оно есть субъектъ; смотрю я на него съ точки зрѣнія содержанія, то оно есть объектъ, напримѣръ, ощущаемый цвѣтъ. Имѣю я въ виду обѣ стороны вмѣстѣ, или смотрю на познаніе, какъ на аттрибутъ субстанціи, то оно можетъ быть выражено терминомъ: *субъектъ—объектъ*. Конечно, субъектъ и объектъ суть коррелятивныя понятія, подобно

понятіямъ господина и раба, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они имѣли особыя и независимыя существованія, подобно тѣмъ субстанціямъ, которыя, напр., входятъ въ отношенія господина и раба. Субъектъ и объектъ вовсе не существуютъ помимо того отношенія, которое они имѣютъ въ познаніи.

„Здѣсь позвольте мнѣ сказать о весьма распространенномъ заблужденіи, которое сильно поддерживается употребленіемъ въ языкѣ. Отрывая въ мысли объектъ отъ дѣятельности, мы субстанціируемъ этотъ объектъ, какъ нѣчто о себѣ сущее, и говоримъ въ этомъ смыслѣ и цвѣтахъ, звукахъ, гладкости, шероховатости, холодѣ и теплѣ и т. под.; даже, не будь это сказано во гнѣвъ Николаю Ивановичу, отождествляемъ цвѣта, свѣтъ, теплоту съ гипотетическими колебаніями эфира, а кислоту, сладость и соленость съ гипотетическими колебаніями матеріальныхъ молекулъ или атомовъ. Наконецъ даже боль въ рукѣ, въ ногѣ, въ пальцѣ, боль зубную мы отождествляемъ съ опухолью, нагноеніемъ, гніеніемъ, воспаленіемъ, и др. процессами и явленіями, совершающимися въ названныхъ органахъ, какъ будто зубную боль, напр., можно видѣть или пощупать, какъ мы видимъ или ощупываемъ гнилой и больной зубъ. Есть люди, и довольно образованные, которыхъ никакъ не убѣдишь, что въ книгахъ нѣтъ мыслей, напр., Шиллера, Гёте, Канта, и т. под., что книга есть ничто иное, какъ бумага съ напечатанными на ней каракульками, и что мысли Канта или Шиллера знакомы каждому только какъ его мысли, которыя онъ мысленно приписываетъ Канту или Шиллеру и иногда, вслѣдствіе своего ложнаго пониманія, навязываетъ Канту или Шиллеру такой сумбуръ, который имъ и во снѣ не грезился. Въ связи и согласіи со всѣмъ сейчасъ мною сказаннымъ я утверждаю, что даже и тогда, когда объектомъ нашего познанія служатъ дѣйствительно внѣ насъ существующія субстанціи, даже и тогда мы никогда не можемъ познавать ихъ непосредственно, а всегда познаемъ самихъ же себя, т. е., наши собственныя мысли и представленія объ этихъ субстанціяхъ.—Итакъ, *познаваемый объектъ*, и *познающій субъектъ*

суть всегда одно и тоже; различаемъ же мы ихъ въ нашей мысли и ставимъ ихъ, какъ нѣчто особое по отношенію другъ къ другу, также нашею мыслію".

„Возвращаясь опять къ Шопенгауеру, я скажу, что, если, говоря о невозможности, „чтобы субъектъ одинъ разъ познавалъ, не зная о своемъ познаніи, а другой разъ зналъ о познаніи, но такъ чтобы это знаніе не было вмѣстѣ съ тѣмъ и познаніемъ", онъ хочетъ сказать, что оба акта совпадаютъ, т. е., что знаніе о познаніи осуществляется въ то же время, въ которое что либо и познается, то я вообще могу съ этимъ согласиться, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда самосознаніе какъ бы отсутствуетъ или является въ чрезвычайно смутной и не ясной формѣ, напр., въ сновидѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ, по моему, Шопенгауеръ этими словами *самъ признаетъ*, что у насъ есть *сознаніе о своемъ „я"* и объ его дѣятельности и именно о его познавательной дѣятельности, но только что оба акта сознанія сливаются и происходятъ одновременно.

Я. Но какъ же съ этими вашими словами помирить то мнѣніе Шопенгауера, по которому онъ признаетъ, „что мы можемъ познавать себя, только какъ субъектъ воли, но не можемъ познавать себя, какъ субъектъ познанія, и что, хотя и тотъ, и другой субъектъ *необходимо* включаются въ понятіе объ „я", но что это совпаденіе совершенно необъяснимо". „Намъ, говоритъ Шопенгауеръ, понятны только отношенія объектовъ, а въ нихъ два могутъ быть однимъ только въ такомъ случаѣ, когда они суть части одного цѣлаго. По отношенію же къ субъекту законъ познанія объектовъ не имѣетъ силы; а потому дѣйствительное тождество познающаго съ тѣмъ, что познано, какъ хотящее, слѣдовательно, субъекта съ объектомъ, *дано намъ непосредственно*. Но кто подумаетъ надлежащимъ образомъ о непостижимости этого тождества, тотъ „говоритъ Шопенгауеръ, „назоветъ его, вмѣстѣ со мною, *чудомъ по преимуществу*" [1]).

[1]) Приведенныя здѣсь и раньше слова Шопенгауера взяты изъ его

Сократъ. Вашу задачу—примирить слова Шопенгауера съ моими—я считаю невыполнимою прежде всего потому, что нѣтъ возможности примирить слова Шопенгауера съ его же собственными словами. Называя тождество субъекта хотѣнія съ субъектомъ познанія *чудомъ по преимуществу*, Шопенгауеръ, по моему, прикрываетъ *красивой фразой* противорѣчіе съ самимъ собою. По Шопенгауеру, воля есть вещь сама въ себѣ или сущность міра, вѣчная, самосущая, неразрушимая и т. д., а познающій интеллектъ есть, по его ученію, не болѣе, какъ „функція мозга", который, въ свою очередь, есть часть организма и зависитъ отъ него; организмъ же есть созданіе воли. Значитъ, интеллектъ есть, по выраженію самого Шопенгауера, нѣчто *третичное* по отношенію къ волѣ и этотъ то *эффектъ эффекта* или *продуктъ продукта* оказывается у Шопенгауера тождественнымъ съ своей причиною и съ своимъ творцомъ.—Конечно, это совершенно невозможно, потому что, если въ „я" субъектъ хотящій совпадаетъ съ субъектомъ познающимъ, то не иначе, какъ въ силу того, что и хотѣніе, и познаніе, и ощущеніе, и чувствованіе суть одинаково дѣятельности одной и той же субстанціи, которая называется словечкомъ: „я". Но однако, въ приведенныхъ вами словахъ Шопенгауера есть нѣчто вѣрное, подъ чѣмъ и я подпишусь и за что ухвачусь, какъ за подкрѣпленіе моей мысли, а именно: что это „я" (по Шопенгауеру, какъ субъектъ *хотящій*, а по моему, какъ субъектъ *вообще*) *„дано непосредственно"* мнѣ же (по Шопенгауеру, какой-то „функціи мозга", а по моему,—тому же самому субъекту, дѣйствующему и въ хотѣніи, и въ познаніи). Впрочемъ, я думаю, на ученіи Шопенгауера о непостижимости тождества субъекта хотящаго и познающаго отразилось вліяніе Канта, также находившаго необъяснимымъ тождество субъекта мыслящаго и созерцающаго во времени и пространствѣ; но изслѣдованіе этого предмета отвлекло

сочиненія: „Über die vierfache Wurzel et caet" § 41 и слѣд. Примѣчаніе редактора

бы насъ далеко въ сторону и при томъ безъ всякой пользы для поднятаго вами вопроса [1]).

Я. Оставляя за собой право, обдумавши все сказанное сейчасъ Сократомъ Ивановичемъ, еще разъ возвратиться къ этому предмету, я пока считаю себя удовлетвореннымъ его объясненіемъ на счетъ Шопенгауера и уступаю мѣсто для нападенія на него другимъ. (Обращаясь къ Калганову). Нѣтъ-ли у васъ, Петръ Ѳомичъ, чего либо противъ него?

Калгановъ. Мнѣ такъ хочется подловить его, что я сдѣлаю свое возраженіе, когда онъ сильно размякнетъ послѣ выпивки, а теперь (обращаясь къ Синайскому), не угодно ли будетъ вамъ, Петръ Семеновичъ, принять звѣря на свою рогатину, которая, какъ мнѣ кажется, у васъ уже готова.

Синайскій. (Обращаясь къ Сократу). Во время изложенія вами понятія бытія мнѣ постоянно казалось, что въ вашей постановкѣ этого понятія есть большое сходство съ постановкою всей философіи Декарта. Декартъ, если я не ошибаюсь, развиваетъ всю свою систему изъ трехъ положеній. Главное и основное положеніе: „я существую“; второе—на немъ основанное и изъ него вытекающее—„Богъ существуетъ“ и третье—основанное на второмъ и изъ него вытекающее—„міръ существуетъ“. Вся остальная философія Декарта есть только раскрытіе этихъ трехъ положеній. У васъ же самое важнѣйшее философское понятіе, т. е., понятіе бытія и критерій философской истины стоитъ и вытекаетъ изъ понятія объ „я“. Ваше понятіе бытія, мнѣ кажется, можетъ быть выражено такимъ образомъ: существуетъ все то, что *сходно* съ „я“, или что можетъ быть понимаемо, какъ „я“, и въ сущности все познаніе у васъ сводится къ познанію „я“. Весь міръ познается у васъ въ „я“,

---

[1]) Здѣсь позволю себѣ указать читателю на критическія замѣчанія къ ученію Канта объ „я“, или субъектѣ познающемъ, мыслящемъ, созерцающемъ и т. под., сдѣланныя мною въ сочиненіи: „Генезисъ“ и пр. Глава 7-я и 8-я. Примѣчаніе редактора.

такъ что, мнѣ кажется, ваша теорія познанія всего ближе подходитъ къ принципу (улыбаясь) *авгинскаго* Сократа: „познай самого себя“. Точно также и философія Декарта начинаетъ съ самопознанія и съ признанія собственнаго бытія. Если я не ошибаюсь въ высказанномъ мною сходствѣ, то мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы сами подтвердили его и, если это васъ не утомитъ, опредѣленно обозначили сходство и различіе исходныхъ пунктовъ системы Декарта и вашихъ философскихъ воззрѣній.

Сократъ. Во первыхъ, совершенно согласенъ съ вашимъ взглядомъ на движеніе мысли Декарта въ основоположеніи его системы, а во вторыхъ долженъ поблагодарить васъ за вѣрное выраженіе моего понятія бытія, а теперь постараюсь дать желаемыя вами объясненія. Намъ, конечно, невозможно вдаваться въ подробное изложеніе обширныхъ и разнообразныхъ споровъ, происходившихъ у Декарта и его современниковъ, по поводу знаменитаго положенія: „я мыслю, слѣдовательно, существую“, но, по моему, изъ этихъ споровъ несомнѣнно слѣдуетъ, какъ я уже говорилъ раньше, что у Декарта не было яснаго и отчетливаго понятія бытія. Еслибъ оно у него было, то навѣрно Декартъ не далъ бы своему положенію: „я существую“, которое должно было быть, по его мнѣнію. не доступно ни малѣйшему сомнѣнію и которое должно было лечь въ основу всей его философской системы, не далъ бы, говорю я, форму заключенія *энтимемы* [1]), которой пропущенная большая посылка, т. е., всѣ мыслящіе существуютъ, могла казаться сомнительною, „предразсудкомъ“, по выраженію его противника, и во всякомъ случаѣ не была доказана самимъ Декартомъ. Далѣе если бы Декартъ приступилъ къ доказательству этой посылки, то ему сейчасъ же было бы ясно, что „я существую“ не могло быть выводимо изъ мысли о существованіи всѣхъ мыслящихъ, а что на-

[1]) Такъ называется силлогизмомъ, въ которомъ не высказана одна изъ посылокъ.—Примѣчаніе редактора.

противъ должно было быть основаніемъ для этого послѣдняго. Но, когда противники Декарта—и обстоятельнѣе всѣхъ Гассенди—потребовали у него отчета въ его силлогическомъ выводѣ, то Декартъ, такъ сказать, *опомнился отъ своей беззаботности* и сталъ отрицать, чтобы его положеніе было энтимемой, утверждая, что оно есть просто частное сужденіе, которое не могло быть выведено силлогически изъ общаго: всѣ мыслящіе существуютъ, а что напротивъ само должно было быть основаніемъ для этого общаго положенія, такъ какъ вообще, защищается Декартъ: „общія сужденія происходятъ изъ частныхъ“. По моему, и такая постановка дѣла не удовлетворительна, потому что въ этомъ случаѣ общее сужденіе былобы продуктомъ не полной индукціи, слѣдовательно, не заключало бы въ себѣ *всеобщности и безусловной достовѣрности*, а потому и не могло быть *основоначаломъ* философской системы. При томъ же я могу еще и съ другой точки зрѣнія упрекнуть Декарта въ неясности его основоначала, зависѣвшей отъ неясности понятія бытія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій и споровъ съ противниками Декартъ высказываетъ довольно обыкновенную мысль, что „прежде чѣмъ мыслить, надобно быть“; и эта мысль, въ сущности вѣрная, можетъ однако въ постановкѣ Декарта возбуждать сомнѣнія и возраженія. Во первыхъ, спрашивается служатъ ли здѣсь слова: прежде и послѣ, выраженіемъ отношенія времени? или же одно прежде другого понимается не въ смыслѣ времени, а по понятію, какъ, напримѣръ, посылки въ силлогизмѣ прежде заключенія не по времени, а по понятію? Если взять отношеніе времени, то, по моему, бытіе и мышленіе просто невозможно ставить въ отношеніе времени. Бытіе и мышленіе ни прежде, ни послѣ другъ друга во времени, ибо они вовсе не составляютъ напр., развивающихся одна изъ другой стадій, или фазисовъ чего либо и т. под. Во всякомъ случаѣ эта постановка совершенно противорѣчила-бы ученію Декарта о мыслящей субстанціи, ибо бытіе этой субстанціи выражается у него въ дѣятельности мышленія; значитъ, какъ либо существовать и еще не мыслить она не можетъ. Если же бытіе

предшествуетъ мышленію только по понятію, то и тогда положеніе Декарта, по отсутствію опредѣленности въ отношеніяхъ между понятіями бытія и мышленія, можетъ возбуждать сомнѣнія. Наконецъ, неясность въ понятіи бытія у Декарта выражается особенно въ томъ, что онъ не указалъ на тѣ пункты или элементы сознанія, которые служатъ основою для этого понятія, ибо еслибъ необходимость такого указанія была имъ сознана, то онъ никогда бы не призналъ бытія матеріальныхъ субстанцій, ибо непосредственно намъ дано только сознаніе о духовной субстанціи и именно единственно объ собственной нашей. Отъ этой ошибки возникла масса затрудненій во всей его философіи, какъ, напримѣръ, необъяснимость взаимодѣйствія матеріальныхъ субстанцій съ духовными, отсюда невозможность взаимодѣйствія спеціально между душою и тѣломъ и наконецъ не выдерживающее никакой критики мнѣніе, что животныя суть машины и т. под.

„Результатъ всего сказаннаго мною объ исходныхъ пунктахъ Декартовой философіи можетъ быть выраженъ такъ: Декартъ повиненъ въ неясномъ сознаніи понятія бытія и въ неудовлетворительной постановкѣ и выраженіи своихъ основоначалъ, а потому они необходимо должны были вызвать споры и вообще дальнѣйшее движеніе философской мысли и преобразованіе системы Декарта. Но однако отсутствіе яснаго и отчетливаго понятія бытія не мѣшало ему инстинктивно руководиться этимъ понятіемъ въ неясной формѣ и вообще идти въ направленіи настоящаго пути, хотя и сбиваясь и уклоняясь въ сторону отъ него. Поэтому Декартъ справедливо занимаетъ такое же положеніе въ новой философіи, какое аѳинскій мудрецъ занималъ въ древней. Подобно ему Декартъ указалъ на самопознаніе, какъ на естественную путеводную звѣзду, ведущую къ истинно-сущему, составляющему вѣчный предметъ философіи и вообще науки. Только въ своемъ „я“ можемъ мы, по Декарту, найти и *критерій*, и, такъ сказать, самый *оригиналъ бытія*, или безусловно достовѣрный примѣръ его. „Я существую“, не есть слѣдствіе или выводъ изъ положеній: всѣ мыслящіе существуютъ,

или я мыслю и т. под.; напротивъ оно скрытно уже включаетъ ихъ въ себѣ. Кромѣ того въ сужденіи: „я существую“, субъектъ также скрытно уже заключаетъ въ себѣ предикатъ. Но однако слово: существую, не есть простая *тавтологія слова:* „я“, а *раскрытіе, объясненіе* и болѣе полное выраженіе того, что заключается въ „я“. Конечно, по понятію своему, сужденіе: я существую, предшествуетъ сужденію: я мыслю, потому что, какъ и самъ Декартъ хорошо сознавалъ это и выразилъ въ своихъ „Principia“, или въ „Письмахъ“, — не помню хорошенько — существованіе „я“ могло бы быть выражено и посредствомъ другихъ аттрибутовъ „я“, какъ-то: я хочу, я чувствую, я ощущаю и проч. „Я существую“ заключаетъ въ себѣ: „я мыслю“ только потому, что „я“ включаетъ въ себѣ и мыслю, и хочу, и ощущаю. Отношеніе же и единство „я“ съ его дѣятельностями и содержаніемъ этихъ дѣятельностей и есть то, что выражается словами: „я существую“. Но это-то истинное значеніе понятія бытія и было не ясно у Декарта, что, по моему, всего ярче вытекаетъ изъ постановки этимъ философомъ онтологическаго доказательства, которое мы разсматривали прошлое воскресенье. Очевидно, что Декарту въ не ясной формѣ представлялось, что бытіе есть какое то *состояніе* субъекта въ родѣ мышленія, чувствованія и т. под., только состояніе, включающее въ себѣ другія и самое первоначальное сравнительно съ ними, предшествующее имъ и по времени...

Я. Извините, Сократъ Ивановичъ, если я остановлю и напомню вамъ, что, вѣдь, и Кантъ, говоря, что бытіе не есть „реальное опредѣленіе“ вещи, кажется, хотѣлъ выразить тоже самое, что теперь вы говорите, т. е, что бытіе не есть какое либо состояніе или дѣятельность субъекта.

Сократъ. Совершенно вѣрно, что въ запутанной терминологіи Канта выражена и та мысль, что бытіе, выражаясь моими терминами, не есть дѣятельность или состояніе, но, опровергая Декарта и его онтологическое доказательство, Кантъ самъ впадаетъ въ еще горшее заблужденіе, чѣмъ Декартъ, ибо вмѣстѣ съ сенсуалистами

переноситъ бытіе исключительно на объекты или содержаніе нашей чувственно воспринимающей дѣятельности. Въ заключеніе постараюсь, по желанію Петра Семеновича, возможно кратко выразить различіе понятіе бытія и исходныхъ пунктовъ философіи Декарта и высказанныхъ мною мнѣній.

„По Декарту, мы имѣемъ вполнѣ *ясную идею* о дѣятельностяхъ и состояніяхъ, которыя у него всѣ сводятся къ мышленію, собственной субстанціи и черезъ эту идею познаемъ и признаемъ свое собственное существованіе, а что значитъ существовать, то всякому извѣстно. Въ содержаніи нашей дѣятельности или мышленія находится также *ясная идея* о Богѣ, изъ которой съ безусловной необходимостію слѣдуетъ Его существованіе; изъ существованія же Бога необходимо слѣдуетъ признаніе бытія субстанцій духовныхъ и тѣлесныхъ, составляющихъ міръ".

„По недостойному ученику Декарта и другихъ философовъ древнихъ, новыхъ и новѣйшихъ, мы имѣемъ *непосредственное и первоначальное* сознаніе (=ясная идея Декарта) о собственной субстанціи, о ея различныхъ дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей.—Приводя посредствомъ дѣятельности мышленія это сознаніе въ отношеніе и единство, мы *мыслимъ необходимость* этого отношенія и единства въ понятіи бытія, которое и выражаетъ сознаніе: что я безъ дѣятельности и содержанія немыслимо и есть ничто;—дѣятельности безъ содержанія и безъ ихъ единства въ „я" немыслимы и суть ничто;—содержаніе безъ дѣятельностей, которыхъ оно есть объектъ, немыслимо и есть ничто. Что же касается до обосновки и признанія бытія другихъ субстанцій различныхъ ступеней, а также высочайшей субстанціи, то этотъ пунктъ придется мнѣ излагать въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ, а потому я теперь о немъ и не высказываюсь....

Калгановъ. (Обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ). Теперь я попрошу моихъ дорогихъ гостей закусить и извинить меня, что я, какъ холостой человѣкъ, могу имъ предложить только холодную пищу, надѣясь, что, когда со временемъ обзаведусь хозяйкой и хо-

зяйствомъ, буду угощать ихъ болѣе основательнымъ образомъ Еще позвольте просить васъ, дорогіе гости, быть свидѣтелемъ того, что сейчасъ скажетъ мой многоуважаемый другъ, Сократъ Ивановичъ. (Обращаясь къ Сократу). Говорили вы, Сократъ Ивановичъ, что, подобно вѣрному слугѣ, всегда готовому пойти на зовъ излюбленнаго господина, вы считаете своею обязанностію во всякій моментъ вашего существованія служить признанному вами господину, т. е., исповѣдуемому вами философскому ученію? Говорили вы это?

Сократъ. Ну, говорилъ! Что же изъ того?

Калгановъ. Господа, прислушайтесь; онъ говорилъ это! А что изъ того, то увидимъ послѣ.

Карамазова. Пожалуйста, будьте осторожны, Сократъ Ивановичъ! онъ хочетъ подпоить, а потомъ и напасть на васъ. (Подавая ему руку). Пойдемте и сядемте со мной рядомъ!

Сократъ. (Улыбаясь). Значитъ, я буду подъ вашей охраной отъ угрожающей опасности!

Всѣ гости перешли въ другую компату, гдѣ на письменномъ и другихъ столахъ были обильно разставлены вина и холодныя закуски.

За ужиномъ происходили забавныя сцены, гдѣ Калгановъ и Карамазова напоминали борьбу театральныхъ демона и добраго духа за Тамару. И здѣсь также, какъ и на театрѣ, побѣда несомнѣнно осталась на сторонѣ злого начала, по той простой причинѣ, что и сѣдобородая Тамара ничего больше не желала, какъ пасть. Когда Сократъ, по обыкновенію, передъ закуской уже выпилъ водки, то Калгановъ принесъ изъ своей спальни какую-то особаго вида и формы бутылку, говоря, что это—*старка*, но не та старка, которую можно купить въ погребкахъ и милютиныхъ лавкахъ, а настоящая польская столѣтняя старка, которую онъ пріобрѣлъ въ даръ отъ одного знакомаго польскаго помѣщика. „Хватите-ка, вотъ еще этой старочки для возбужденія духа, Сократъ Ивановичъ“! угощалъ его Калгановъ, ставя передъ нимъ бутылку.

„Не пейте, не пейте!“ уговаривала Карамазова, „говорятъ, что съ одной рюмки польской старки человѣкъ сильно пьянѣетъ. Не

пейте теперь; я вамъ обѣщаю послѣ найти такой же и еще лучшей старки и угощу васъ".

„Не бойтесь, Катерина Ивановна", убѣждалъ ее съ своей стороны Сократъ, „я попробую только одну, единственную капельку и покажу Петру Ѳомичу, что его злобныя намѣренія разлетятся прахомъ".

„Не бойся, въ самомъ дѣлѣ", успокоивалъ свою жену Карамазовъ, „я по опыту знаю, что Сократъ Ивановичъ можетъ безнаказанно выпить цѣлое море".

„Вѣрно, вѣрно, Алексѣй Ѳедоровичъ"! поддакивалъ Сократъ и, наливши большую рюмку старки, сталъ медленно пить ее.

„Удивительно, какъ мягка, словно масло, а между тѣмъ чрезвычайно крѣпка!" восклицалъ онъ, смакуя каждый глотокъ и закусывая его пикулями.

Когда гости закусили и выпили тостъ за новорожденнаго, Калгановъ обратился къ Сократу съ слѣдующимъ вопросомъ: „ну, теперь, Сократъ Ивановичъ, скажите мнѣ вотъ что: Гегель великій философъ или нѣтъ"?

Сократъ. (Съ удивленіемъ). Да на что это вамъ? Какая цѣль этого вопроса.

Калгановъ. Это ужь мое дѣло; а ваше дѣло отвѣчать на мой вопросъ!

Сократъ. Да какъ же я буду отвѣчать, когда не знаю, для чего вы спрашиваете? Вопросъ то странный!

Калгановъ. Ну, я вижу, что *старка* подѣйствовала, и мнѣ придется вамъ напомнить, что, когда мы разъ съ вами вмѣстѣ были въ банѣ и, не помню объ чёмъ, заспорили, то вы, лежа на полкѣ и потирая себя намыленнымъ вѣникомъ, ничего не хотѣли отъ меня выслушивать и только повторяли одно и тоже: „А или не А; по закону исключеннаго третьяго, tertium non datur". Такъ, вотъ, и я теперь, безъ всякихъ разговоровъ, прошу отвѣчать: великій философъ Гегель или нѣтъ? по закону исключеннаго третьяго, tertium non datur.

При этихъ словахъ Калганова послѣдовалъ всеобщій взрывъ хохота.

Сократъ. (Наливъ стаканъ содовой воды изъ сифона и выпивъ). Ну, пусть будетъ по вашему! Пусть tertium non datur! Отвѣчаю: Гегель не великій философъ, потому что вся его философія не есть нѣчто оригинальное, а представляетъ, въ сущности, подражаніе и видоизмѣненіе Платона. Но если Гегель и не великій, то все таки замѣчательный философъ, котораго никакъ нельзя третировать, какъ то позволяютъ себѣ наши передовые.

Калгановъ. Будьте такъ добры, отвѣчайте только на мои вопросы. Мнѣ этихъ добавленій не нужно, ибо я философіи ни Платона, ни Гегеля совсѣмъ не знаю. Теперь я спрашиваю васъ далѣе: говорилъ ли Гегель *ерунду*, или не говорилъ?

Сократъ. Да вы скажите, что говорилъ и какую ерунду?

Калгановъ. Да вотъ въ родѣ той, которую, по вашимъ словамъ, говоритъ, не знаю, какой-то тамъ отечественный мыслитель или публицистъ, при чтеніи статей котораго у васъ въ ушахъ раздается: *трень-дрень, трень-дрень, трень-дрень* [1])....

Въ это время Карамазова налила содовой воды изъ сифона и подала Сократу.

Сократъ. (Выпивъ воду). Ну, этого съ Гегелемъ не случалось. Гегель ошибался, впадалъ въ противорѣчія, доходилъ до абсурдовъ, но въ ерундѣ отечественнаго мыслителя не повиненъ. *Трень-дрень* само по себѣ не абсурдъ, а невинное упражненіе на балалайкѣ. Но когда оно одними выдается, а другими принимается за философское мышленіе, то дѣйствительно происходитъ совершенно *спеціальная разновидность* ерунды, которую изрѣдка можно встрѣтить и въ европейской словесности, но которая особенно роскошно произрастаетъ на поляхъ россійской.

Калгановъ. Значитъ, и по вашему, Гегель говорилъ абсурды,

---

[1]) Звукъ балалайки.—Примѣчаніе автора.

т. е. безсмыслицы. Не зная философіи Гегеля, я все таки навѣрное знаю, что онъ сказалъ, „что бытіе и ничто есть одно и тоже“. Сказалъ ли это Гегель? и если сказалъ, то что это такое, по вашему: *трень-дрень* или нѣтъ?

Сократъ. Вѣрно, Гегель сказалъ это! вѣрно также и то, что это абсурдъ, но не *трень-дрень*. Отечественный мыслитель *тренькаетъ* наивно и не вѣдая, что творитъ; Гегель же былъ человѣкъ системы, человѣкъ смѣлой и послѣдовательной мысли, а потому не наивно, а съ полнымъ сознаніемъ договаривается до абсурдовъ, которые были необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ изъ исходныхъ пунктовъ его системы. Поэтому Гегель, смѣло высказывая абсурдное для его противниковъ положеніе, самъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они слишкомъ *мелко плаваютъ*, чтобы понять истину его точки зрѣнія, и только поэтому и находятъ ее нелѣпою.

Калгановъ. (Обращаясь ко всѣмъ). Видите, господа, какъ онъ, что называется, *зубы заговариваетъ*! Но я теперь крѣпко вцѣплюсь въ него и не выпущу. (Обращаясь къ Сократу). Теперь я попрошу васъ, не виляя въ стороны, объяснить намъ, какъ же это вашъ *„замѣчательный философъ“* дошелъ до абсурда въ понятіи бытія, которымъ какъ вы давеча говорили, инстинктивно, въ не ясной формѣ владѣетъ каждый —Потомъ объясните, что это за философская система, представляющая, по вашему, подражаніе великому философу, Платону, въ которой „бытіе и ничто одно и тоже“. Наконецъ объясните, какъ этотъ *вздоръ* можетъ быть логическимъ послѣдствіемъ какихъ то тамъ началъ, изъ которыхъ будто бы выходилъ Гегель. Объясните намъ это, а мы послушаемъ.

Сократъ. Хорошо, только сперва вы слушайте терпѣливо, а потомъ уже и задавайте ваши вопросы.

„Гегель, какъ извѣстно, идеалистъ, т. е., философъ, не признающій никакой иной дѣйствительности, никакого бытія, кромѣ познанія. Такъ какъ полную и совершенную форму и ступень познанія представляютъ понятія, то, по Гегелю, и существуютъ только понятія. Значитъ, понятія у него играютъ ту же роль, какую въ

другихъ системахъ играютъ субстанціи или существа духовныя, матеріальныя или же смѣшанныя. По Гегелю, понятія эти *объективны*, т. е., не суть случайная, субъективная принадлежность того или другого человѣка, или результатъ того или другого частнаго мышленія или индивидуальнаго разума, но суть *вѣчныя мысли или идеи*, которыя дѣйствительны или существуютъ сами по себѣ и нисколько не нуждаются въ „насъ“, или какихъ либо другихъ существахъ для этой своей дѣйствительности. Пресловутые же „мы“, по Гегелю, не суть субстанціи, существующія сами по себѣ, а только *случайныя явленія* или *нечистыя отображенія* вѣчнаго понятія, которое имѣетъ своимъ содержаніемъ человѣка съ различныхъ его сторонъ, какъ существа природы, какъ существа разумнаго, какъ явленія общественнаго и т. п. Для содержанія этого понятія нисколько не важно неисчислимое множество этихъ явленій, подобно тому какъ многочисленные фотографическіе снимки суть ничто для бытія и свойствъ оригинала, съ котораго они сняты, и напротивъ много ли, мало ли, но непремѣнно искажаютъ его. Во всемъ сейчасъ изложенномъ Гегель, очевидно, повторяетъ Платона. Реальныя или самосущія понятія Гегеля суть идеи Платона, а міръ ихъ тѣней, по выраженію Платона, или чувственныхъ вещей есть тоже, что міръ индивидуальныхъ явленій Гегеля. Небольшая разница обоихъ философовъ состоитъ въ томъ, что Гегель *систематичнѣе и послѣдовательнѣе* провелъ въ своей философіи платоновъ идеализмъ. У Платона его идеи относятся другъ къ другу, какъ *роды* и *виды* и однѣ идеи, такъ сказать, заключаютъ въ себѣ или обнимаютъ другія; у Гегеля же объективныя понятія относятся другъ къ другу, какъ, *фазы* или *ступени* развитія одного и того же понятія. Хотя у Платона міръ идей и имѣетъ свое основаніе и единство въ верховной идеѣ блага, но однако платоновъ *монизмъ* выраженъ не строго, а потому впадаетъ въ плюрализмъ; Гегель же болѣе строгій монистъ, чѣмъ Платонъ. Наконецъ къ платоновой системѣ примѣшиваются, особенно въ формѣ миѳовъ, такія черты, которыя несвойственны идеализму и которыя въ его системѣ яв-

ляются въ качествѣ противорѣчій и непослѣдовательностей; но эти черты составляли своего рода богатство платоновой системы и тѣмъ повышали ея значеніе и вліяніе во всей послѣдующей философіи. Отъ этого и происходитъ то явленіе, что и въ древней философіи, и въ новой даже противоположныя направленія одинаково примыкали къ Платону въ тѣхъ или другихъ пунктахъ его философіи или считали его своимъ родоначальникомъ. Такъ, напр., въ новой философіи можно назвать учениками Платона одинаково какъ *реалистовъ* и *индивидуалистовъ*, каковы, положимъ, Лейбницъ и Гербартъ, такъ и *идеалистовъ* и *пантеистовъ*, каковы Спиноза и Гегель".

„Теперь обращусь къ объясненію, какимъ образомъ изъ системы Гегеля вытекаетъ положеніе о тождествѣ бытія и ничто. Какъ извѣстно, въ системѣ Гегеля одна и таже идея или понятіе, переходя со ступени на ступень, *движется* въ трехъ областяхъ и становится *абсолютною* только по завершеніи этого процесса развитія. Всякое отдѣльное понятіе, т е., идея на той или другой ступени развитія, не заключаетъ въ себѣ полной истины; въ ней есть недостатокъ, а именно, противорѣчіе, которое и понуждаетъ ее неустанно двигаться Чтобы *снять* это противорѣчіе идея переходитъ на слѣдующую ступень развитія, гдѣ становится богаче содержаніемъ, пополняется новыми признаками и получаетъ новое опредѣленіе. Процессъ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока идея не достигнетъ абсолютнаго богатства и полноты по содержанію, такъ что уже дальнѣйшее развитіе немыслимо и невозможно. .

Серебрякова. Извините, Сократъ Ивановичъ! Я рѣшительно ничего тутъ не понимаю! Какимъ образомъ идея двигается, останавливается, переходитъ на разныя ступени обогащается содержаніемъ, и гдѣ она беретъ это содержаніе? Извините! но неужели же всѣ эти слова имѣютъ какой либо удобопонятный смыслъ?

Сократъ. Что дѣлать то, Анна Михайловна! Я уже не разъ говорилъ, что у философіи, какъ и у другихъ наукъ, есть свой техническій языкъ который нужно узнать. Кромѣ того я объяснялъ

вамъ и то, что она для выраженія своего ученія должна необходимо прибѣгать къ не точнымъ, метафорическимъ или иносказательнымъ выраженіямъ. Говорилъ я также и о томъ, что противъ этого неудобства есть только одно средство: это, на сколько возможно, избѣгать фигуральныхъ выраженій въ философскихъ сочиненіяхъ, а гдѣ нельзя обойтись безъ нихъ, тамъ *опредѣлять* смыслъ, въ какомъ они употребляются для того, чтобы они не повели къ недоразумѣніямъ. Что касается до философіи Гегеля, то она такъ много *злоупотребляетъ* метафорою и не точнымъ, иносказательнымъ словоупотребленіемъ, что не уступитъ въ этомъ отношеніи позитивизму или феноменизму. Такъ выраженія, приводящія васъ въ затрудненіе, нужно понимать совсѣмъ иносказательно. Про движеніе понятій по ступенямъ Гегель говоритъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ можно, напр., говорить про движеніе чиселъ, которыя, начиная отъ единицъ, переходятъ постепенно въ десятки, сотни, тысячи и т. д., при чемъ они, такъ сказать, дѣлаются полнѣе, *богаче величиною*. Что касается до того, откуда берется пополненіе содержанія понятія признаками, то Гегель претендуетъ, что мысль или понятіе развиваетъ или добываетъ это новое дополненіе изъ самой себя, подобно тому, какъ всякое число in abstracto можетъ быть пополнено одной, двумя, тремя и, сколькими угодно, единицами на основаніи самого понятія числа. Конечно, долженъ я замѣтить при этомъ, такое развитіе понятія изъ самого себя въ системѣ Гегеля происходитъ только на словахъ; на дѣлѣ же оно у него совершается при помощи фактовъ или того, что мы называемъ опытомъ, при помощи содержанія наукъ, вообще мышленія и пр. Очевидно, что, на основаніи этой точки зрѣнія, у Гегеля въ каждой изъ *трехъ* областей развитія идеи, т. е., въ области *абстрактно-логической*, въ области *природы* и въ области *духа*, движеніе ея начинается съ самыхъ общихъ и бѣдныхъ, по содержанію, понятій. Эти первоначальныя понятія или исходные пункты всяческаго развитія и дальнѣйшія ихъ ступени Гегель находитъ весьма просто, при помощи двухъ извѣстныхъ изъ формальной логики *процессовъ* перехода понятій изъ болѣе об-

щихъ въ менѣе общія, или изъ родовыхъ въ видовыя, и обратно. Одинъ изъ нихъ, процессъ *детерминаціи* состоитъ въ томъ, что къ понятію родовому прибавляются признаки, которые переводятъ его въ частное или видовое. Другой процессъ *абстракціи* состоитъ въ томъ, что отъ частнаго понятія отнимаются признаки, отчего оно становится болѣе общимъ и абстрактнымъ. Руководясь процессомъ абстракціи и отвлекаясь отъ всякаго особаго содержанія мысли или понятія вообще, Гегель находитъ исходный пунктъ абстрактно-логической области въ понятіи *„чистаго бытія“*, въ которомъ уже нѣтъ ничего, отъ чего можно было бы отвлечься. Всѣ объясненія и опредѣленія которые Гегель давалъ своему понятію чистаго бытія, какъ напр., „что оно непосредственная неопредѣленность или чистая неопредѣленность, чистое отвлеченіе, слѣдовательно, абсолютное отрицаніе, пустота, безразличіе, въ которомъ ничего не различено и отъ котораго ничто не отличается и т. п.“—всѣ эти опредѣленія [1]) ясно указываютъ, что это чистое бытіе не есть понятіе или мысль, а пустое слово, подъ которымъ вообще ничего нельзя разумѣть и подъ которымъ самъ Гегель ничего не разумѣлъ. Поэтому совершенно справедливо Гегель отождествляетъ это *„бытіе“* съ *„ничто“*, говоря, что ихъ мнимое абсолютное различіе есть только одно *мнѣніе*, „по которому ничего нѣтъ легче, какъ отличить ничто отъ бытія“. Но на самомъ дѣлѣ, думаетъ Гегель, это различіе „невозможно и невыразимо“, а потому онъ и вызываетъ насмѣшливо послѣдователей ходячаго мнѣнія объ абсолютномъ различіи бытія и ничто попытаться сдѣлать ихъ опредѣленіе и указать на это различіе. Причину этого безразличія бытія и ничто Гегель видитъ въ томъ, что какъ для того, такъ и для другого, нѣтъ болѣе общаго понятія, на которомъ они могли бы различаться и, слѣдовательно, подъ которое они бы подходили. Конечно, это

---

[1]) Всѣ приведенныя здѣсь подлинныя слова, положенія и ученіе Гегеля можно найти въ его „Логикѣ“ (полной и сокращенной), переводъ которой есть и на русскомъ языкѣ.—Примѣчаніе редактора.

совершенно справедливо, потому что, когда мы отвлечемся отъ всѣхъ признаковъ понятія о какой либо опредѣленной вещи, то несомнѣнно останется гегелево „чистое бытіе“ или, еще вѣрнѣе, гегелево-же „ничто“. Очевидно, что этотъ результатъ всего гибельнѣе для самой системы Гегеля, ибо, если „бытіе и ничто одно и тоже“, то вовсе *не можетъ быть и нѣтъ перехода* отъ одного къ другому, а *есть* только, говоря фигурально, *безплодное топтанье* въ абсолютно пустомъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ перехода понятія бытія въ свою мнимую противуположность, или ничто нѣтъ и третьяго понятія: *возникновеніе* (по нѣмецки Werden), которое должно, по системѣ, составлять „синтезъ бытія и ничто“ и дальнѣйшій пунктъ развитія идеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ вообще діалектическаго движенія понятій; а съ этимъ распадается и вся система Гегеля. Конечно, Гегель не могъ этого замѣтить, ибо въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы совершенно отказаться отъ своей философской системы.

„Теперь я подведу *итогъ* всему сказанному о Гегелѣ.

1) Упрекая ходячее мнѣніе въ его заблужденіяхъ относительно понятія бытія, Гегель самъ во многомъ раздѣляетъ ихъ. Такъ, вмѣстѣ съ этимъ ходячимъ мнѣніемъ, Гегель считаетъ весь пространственно-временный міръ за существующій. Конечно, можно возразить, что между ними большая разница въ томъ, что ходячее мнѣніе, стоя на почвѣ *наивнаго реализма*, считаетъ существующими отдѣльныя представленія вещей и явленій, а Гегель, какъ *философъ-идеалистъ*, считаетъ сущимъ не явленія, а общія понятія, которыя образуются посредствомъ абстракціи и соединенія признаковъ, принадлежащихъ какой либо группѣ однородныхъ вещей. Но разница эта велика только по видимости, а въ сущности не важна, потому что, вѣдь, общія понятія образуются на основаніи отвлеченія признаковъ отъ этихъ отдѣльныхъ представленій или образовъ вещей. Въ этомъ отношеніи Гегель раздѣляетъ ошибку Платона и другихъ идеалистовъ, которые, называя матерію ничто или пустымъ явленіемъ, въ сущности и тихомолкомъ признаютъ

это мнимое ничто такимъ же реальнымъ и дѣятельнымъ принципомъ, какъ и идеи Платона или понятія Гегеля [1]). Эта ошибка Гегеля приводитъ его къ другой, что онъ видѣлъ бытіе только въ одной изъ сторонъ его, а именно: въ *объектахъ* или въ *содержаніи*. Изъ дѣятельностей же признаваема имъ была одна—именно мышленіе—да и то весьма не ясно; самый-же главный элементъ бытія, индивидуальную субстанцію или „я", Гегель вовсе не признавалъ и видѣлъ въ немъ источникъ противорѣчій.

2) Далѣе ошибочно признавая *бытіе за признакъ* объекта и полагая, что и понятіе бытія образуется также, какъ вообще образуются понятія о содержаніи или объектахъ, т. е., путемъ отвлеченія или абстракціи, Гегель послѣдовательно пришелъ къ утвержденію, что опредѣленіе этого понятія невозможно, къ утвержденію, которое, конечно, было бы справедливо, если бы дѣйствительно понятіе и опредѣленіе бытія можно было найти путемъ абстракціи. Но, какъ мы уже видѣли въ прошедшей бесѣдѣ, понятіе бытія получается *не абстракціей*, *а* приведеніемъ въ отношеніе и единство тѣхъ простыхъ и первоначальныхъ пунктовъ сознанія, на основаніи которыхъ возникаетъ и образуется *новый* пунктъ сознанія, именно *сознаніе безусловно-необходимой связи этихъ простыхъ и первоначальныхъ элементовъ*, или то, что мы называемъ понятіемъ бытія.

3) Не признавая реальности или бытія за субстанціей и дѣятельностями, Гегель *не могъ замѣтить*, что отвлеченіе отъ содержанія продуктовъ или отъ объектовъ нашей познавательной дѣятельности вообще и въ частности отъ объектовъ мышленія вовсе не ведетъ къ ничто. Пусть я отвлекаюсь отъ содержанія представленій всѣхъ вещей временно-пространственнаго міра, или, говоря точнѣе, пусть я не мыслю всего содержанія такъ называемаго объектив-

---

[1]) Позволю себѣ указать на отношеніе Платона къ матеріи въ моемъ сочиненіи: „Методъ и направленіе философіи Платона" стран. 162 и слѣд.—Примѣчаніе редактора.

наго міра, у меня все таки необходимо *остается сознаніе* прежде всего о своемъ „я“, которое *не мыслитъ* это содержаніе; и не мыслитъ, потому что преднамѣренно не хочетъ мыслить, совершая такимъ образомъ *внутренній экспериментъ*. Значитъ, къ сознанію объ „я“ присоединяется и сознаніе о его дѣятельностяхъ, напр., о дѣятельности хотѣнія. Но даже не уничтожается и не превращается въ ничто и сама познавательная вообще и въ частности мыслительная дѣятельность, ибо и самое это мое *отвлеченіе* есть, вѣдь, тоже *актъ мышленія*. Наконецъ, если не исчезаетъ дѣятельность мышленія, то, конечно, не исчезаетъ и содержаніе или объектъ этой дѣятельности. Является въ сознаніи *мысль о ничто*, по отношенію къ содержанію, т. е., мысль о томъ, что устранены въ сознаніи мышленіемъ-же множество продуктовъ этого мышленія, т. е , множество объектовъ его, или въ данномъ случаѣ понятій, имѣющихъ своимъ содержаніемъ временно-пространственный міръ. Итакъ, не только никогда бытіе, по самому его понятію, не можетъ отождествляться съ ничто, не можетъ переходить въ ничто, но оно есть *единственное условіе* для самой мысли о ничто, такъ что, говоря образно, мы отъ бытія никуда не скроемся. Все это было уже давно высказано однимъ изъ *величайшихъ мыслителей* человѣчества, эллиномъ Парменидомъ, въ нѣсколько не ясномъ, по формѣ, но истинномъ, по сущности, положеніи: *только бытіе есть, небытіе же* (т. е. ничто) *не есть*.

4) Идя по ложному пути и доходя до абсурда въ отождествленіи бытія и ничто, Гегель былъ, конечно, послѣдовательнѣе ходячаго мнѣнія, которое, *однако*, руководясь вѣрнымъ инстинктомъ, *вполнѣ право* въ томъ, что ничто противоположно бытію. Отрицая эту, хотя и инстинктивно признаваемую ходячимъ мнѣніемъ, истину, Гегель въ своей послѣдовательности дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ, а именно: онъ *реализировалъ* ничто и придалъ ему положительный и дѣятельный характеръ. Ничто есть всегда *только отрицаніе*, мыслимое относительно положительнаго бытія въ *какой либо* изъ трехъ вышеизложенныхъ мною его сторонъ. У Гегеля же ни-

что не только вообще представляетъ какую-то реальность, но даже есть множество этихъ *реальныхъ ничто*. Въ сущности, *антитезы* [1]) гегелевыхъ *тріадъ*, которыя, по основному его принципу, должны бы быть только отрицаніемъ, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь тихомолкомъ понимаются, какъ нѣчто положительное и реальное, ибо иначе не могло бы быть никакой рѣчи о движеніи и процессѣ. Такъ, напр., *антитезисъ всей системы* Гегеля въ ея цѣломъ, т. е., природа, есть несомнѣнно нѣчто реальное. Конечно, долженъ я, во избѣжаніе недоразумѣнія, замѣтить, вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ эту реальность разумѣетъ ходячее мнѣніе или *наивный реализмъ*, а также *философскій матеріализмъ*, т. е, что вещи, занимающія пространство, суть субстанціи, или что они состоятъ изъ субстанцій въ родѣ атомовъ. Матеріальная природа есть нѣчто реальное *въ томъ смыслѣ*, что всѣ элементы ея суть выраженія и продукты различныхъ дѣятельностей подлинныхъ субстанцій, которыя понимаютъ себя, какъ „я“, а именно: дѣятельности ощущенія (цвѣта, звука и проч.), дѣятельности представленія (образы вещей) дѣятельности мышленія (понятія вещей, силъ, процессовъ) и т. под. Изъ сказаннаго сейчасъ можно было бы весьма легко вывести возможность перехода идеализма Гегеля въ сенсуализмъ и матеріализмъ, что и случилось въ дѣйствительности, когда такъ называемая *лѣвая сторона* гегелевой школы, въ лицѣ Фейербаха и другихъ, перешла въ эти направленія.

„Гегелево „ничто“ представляетъ намъ поводъ къ изслѣдованію этого понятія, которое состоитъ изъ столькихъ же сторонъ, изъ сколькихъ состоитъ и понятіе бытія и которое представляетъ простое отрицаніе или содержанія, или дѣятельностей, или субстанціи.

---

[1]) Движеніе понятія въ Гегелевской системѣ идетъ тріадами. Во всѣхъ сферахъ понятіе сперва является *тезисомъ*, потомъ *антитезисомъ* (т. е. отрицаніемъ, противорѣчіемъ тезиса) и наконецъ *синтезисомъ* (и въ то же время новымъ тезисомъ), или соединеніемъ тезиса съ антитезисомъ.—Примѣчаніе редактора.

Но такъ какъ это изслѣдованіе потребовало бы цѣлой спеціальной бесѣды, то мы и отложимъ его до какого нибудь другого случая, тѣмъ болѣе, что оно теперь не особенно нужно. Сегодня же твердо *пребудемъ* въ бытіи, не бросаясь изъ него въ ничто.... (Обращаясь къ Калганову). Ну, теперь, Петръ Ѳомичъ, нѣтъ ли у васъ еще какого либо вопроса?..

Калгановъ. Ну, ужь я вижу, что вы едва дышите, а потому не только не стану васъ болѣе преслѣдовать, но угощу отличнымъ лянсиномъ. Я знаю, что подъ утро вы любите побаловаться чайкомъ и сейчасъ велѣлъ подать самоваръ.

Карамазовъ. Хотя вы и устали, Сократъ Ивановичъ, но я ужь попрошу, чтобы вы посвятили и мнѣ минутъ десятокъ, другой. Во время вашего разговора мнѣ приходила въ голову мысль, которую я и хочу провѣрить при вашей помощи. Если эта мысль состоятельна, то тогда я могу быть увѣренъ, что понялъ вашу точку зрѣнія на понятіе бытія.

Сократъ (взявши стаканъ чаю отъ Карамазовой, которая его разливала.) Съ удовольствіемъ готовъ служить вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ! (Пробуя чай). Нѣсколько глотковъ этого душистаго напитка пробудятъ во мнѣ должную для того энергію. Излагайте-же вашу мысль.

Карамазовъ. Мнѣ казалось, что, по вашему, слово: бытіе, за исключеніемъ тѣхъ многочисленныхъ выраженій, гдѣ оно употребляется иносказательно и вмѣсто многихъ другихъ словъ, выражаетъ сознаніе и мысль о безусловно-необходимомъ отношеніи субстанцій къ ихъ дѣятельностямъ и содержаніямъ этихъ дѣятельностей. Или, иначе говоря, словами: бытіе, существованіе, всѣ люди и образованные, и необразованные, и философы, и не философы выражаютъ свое сознаніе и знаніе о субстанціяхъ и о томъ, что къ нимъ относится или имъ принадлежитъ. Это сознаніе, какъ бы смутно и не ясно оно ни было, всѣ люди понимаютъ, а многіе могутъ и выразить, въ положеніи: *существуютъ только субстанціи* Съ этимъ положеніемъ будутъ согласны всѣ люди, если

имъ какимъ либо образомъ объяснить смыслъ терминовъ, входящихъ въ него. Затѣмъ между ними уже начнется разногласіе прежде всего въ *характерѣ* и *природѣ* этихъ субстанцій. Матеріалисты признаютъ только матеріальныя субстанціи, занимающія пространство; вы, вмѣстѣ съ тѣми философами, которымъ вы слѣдуете, признаете только духовныя субстанціи, третьи признаютъ смѣшанныя субстанціи. Далѣе идетъ разногласіе въ *числѣ* и *свойствахъ* субстанцій. Одни признаютъ только одну субстанцію, другіе—многія; одни видятъ дѣятельность субстанцій въ одной только перемѣнѣ ихъ мѣстъ въ пространствѣ, другіе въ одномъ только познаніи, или только въ мышленіи, третьи въ одномъ только хотѣніи или чувствованіи и т. д. Вы, по видимому, признаете у субстанцій разнообразную дѣятельность. Такъ ли я это понимаю?

Сократъ. Совершенно вѣрно! *Общій пунктъ* утвержденія бытія за субстанціями дѣйствительно принадлежитъ всему роду человѣческому и, по моему, по той простой причинѣ, что весь родъ человѣческій образуетъ съ большею или меньшею ясностію идею субстанціи и акциденцій, а также и идею бытія на основаніи непосредственнаго, первоначальнаго и простого сознанія своей собственной субстанціи и ея дѣятельности.

Карамазовъ. Исключеніемъ изъ сказаннаго и въ то же время *возраженіемъ* на него могутъ, по видимому, служить позитивисты и скептики, но изъ нашихъ бесѣдъ я убѣдился, что все ихъ отрицаніе субстанцій происходитъ только на словахъ. Отрицаемую духовную субстанцію они на дѣлѣ утверждаютъ въ словечкѣ: „мы“, а еще болѣе и яснѣе они утверждаютъ матеріальныя субстанціи или атомы физики и химіи, когда вмѣстѣ съ матеріалистами ставятъ отъ нихъ въ зависимость всѣ біологическія и психическія явленія.

Сократъ. И это совершенно вѣрно! Скептицизмъ, феноменизмъ или позитивизмъ, гдѣ ни появлялся, какъ напр., въ философскихъ школахъ Греціи и даже Индіи, вездѣ подавалъ руку матеріализму и болѣе или менѣе открыто переходилъ въ него или же въ наив-

ный реализмъ. Вообще я позволю себѣ еще разъ настоятельно совѣтовать моимъ собесѣдникамъ, при встрѣчѣ съ позитивистами, сильно остерегаться ихъ словесной софистики и требовать опредѣленія употребляемыхъ ими словъ и именно словъ, которые кажутся такъ понятными, такъ простыми. Таковы, напримѣръ, слова: *фактъ*, *опытъ*, которыми, повидимому, прекращаются всевозможные споры и затрудненія. „Это фактъ, это опытъ, это дано въ опытѣ, это извѣстно изъ опыта, для этого есть фактическое доказательство", такъ говоримъ мы, предполагая устранить всѣ возраженія и сомнѣнія по отношенію къ какому нибудь положенію или понятію. Но, по моему, мало словъ, которые бы употреблялись въ столь же *различномъ* и столь *неопредѣленномъ* смыслѣ, какъ слова: фактъ и опытъ. Можно было бы составить цѣлую диссертацію о неопредѣленности и различіи смысла въ употребленіи этихъ словъ. Но мы коснемся этого предмета уже какъ нибудь въ другое время.

Карамазовъ. Послушайте еще, вѣрно ли я вхожу въ вашу мысль, когда думаю, что прежде всего вамъ, въ союзѣ съ идеалистами, спиритуалистами и даже съ матеріалистами, должно бороться съ позитивизмомъ и скептицизмомъ. Затѣмъ на второмъ планѣ стоитъ борьба съ матеріализмомъ, а потомъ уже приходится разбираться, такъ сказать, какъ бы въ единоплеменной семьѣ съ разными теченіями и оттѣнками въ томъ или другомъ отношеніи родственными вашему.

Сократъ. И съ этимъ я съ вами согласенъ, только сдѣлалъ бы маленькую *поправку* въ вашемъ планѣ. Во первыхъ, вами пропущенъ самый упорный и, къ несчастію, *почти необоримый* для меня врагъ, а именно: *наивный реализмъ*—или безотчетное, смутно сознаваемое, а потому всецѣло переплетенное съ продуктами фантазіи, мышленіе. Говорю: „почти необоримый врагъ", потому что наивный реализмъ также мало доступенъ единственному оружію философіи, отчетливому, строго-логическому мышленію, хотя бы самому глубокому и проницательному, какъ не доступенъ кисель ножу, какъ бы остеръ онъ ни былъ. Конечно, съ этимъ врагомъ

должны, пожалуй, бороться и всѣ направленія философіи, за исключеніемъ однако матеріализма, для котораго наивный реализмъ служитъ въ настоящее время въ родѣ приготовительнаго класса. Какъ скоро наивные реалисты получаютъ нѣкоторое научное образованіе и особенно нѣсколько знакомятся съ естествовѣденіемъ, то сейчасъ же и переходятъ въ философскій матеріализмъ, все болѣе и болѣе присвояющій себѣ привиллегію (улыбается, смотря на Красоткина) быть какъ бы представителемъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ. Позитивизмъ же опасенъ только тѣмъ, что, *подъ предлогомъ научности*, онъ болѣе или менѣе тонко, но постоянно переходитъ въ тотъ же матеріализмъ. Но въ болѣе чистой и строгой формѣ, въ которой онъ являлся, правда, у очень немногихъ философовъ, какъ, напр., у Юма, скептицизмъ или позитивизмъ не можетъ имѣть широкаго распространенія и вліянія. Въ этой формѣ я даже считаю его до извѣстной степени своимъ союзникомъ, а потому всякому, конечно не начинающему, а уже нѣсколько искусившемуся въ философіи, я охотно посовѣтую, для лучшей очистки ума отъ разныхъ наивностей, изучить Юма, или Милля, или Тена и другихъ. Разумѣется, я посовѣтую *дѣйствительно изучать* ихъ, серьезно и критически вдумываясь въ ихъ ученіе, *а не хватать* изъ ихъ сочиненій слова, фразы и цѣлые отрывки, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши позитивисты, для того, чтобы угощать ими русскаго читателя въ томъ же сыромъ видѣ, но подъ этикеткой заграничныхъ примѣровъ и новостей.—Итакъ, въ концѣ концовъ, изъ всѣхъ философскихъ направленій, съ которыми приходится бороться тому направленію, къ которому я себя причисляю, самымъ сильнымъ врагомъ является матеріализмъ, какъ въ собственной, явной его формѣ, такъ и въ прикрытомъ видѣ, а именно: въ видѣ наивнаго реализма, въ видѣ позитивизма и даже въ видѣ естествовѣденія, когда оно *изъ условнаго* знанія произвольно переходитъ *въ абсолютное*.

Карамазовъ. Еще предложу вамъ одинъ и послѣдній вопросъ. Хотя, по вашему, подъ бытіемъ разумѣется первоначальная и не-

посредственная данность и дѣйствительность субстанцій съ ихъ дѣятельностями и содержаніемъ; но нельзя ли это понятіе и слово прилагать и къ *каждой изъ трехъ* сторонъ понятія бытія, взятой отдѣльно или о себѣ. Такъ нельзя-ли говорить, что цвѣта, звуки, запахи, представляемые образы, картины воображенія, мысли или понятія, чувства, хотѣнія суть или существуютъ? Далѣе, нельзя ли утверждать, что зрѣніе, слухъ, мышленіе, представленіе, хотѣніе, въ смыслѣ дѣятельностей, суть или существуютъ? Наконецъ точно также нельзя-ли вообще выражаться въ такомъ же родѣ и о субстанціяхъ, какъ напр.: въ мірѣ существуютъ существа или субстанціи различныхъ свойствъ и силъ? Такое употребленіе словъ: бытіе, существованіе, несомнѣнно совпадало бы съ общимъ употребленіемъ ихъ, господствующимъ въ языкѣ, что, конечно, имѣло бы свою выгоду, потому что бороться съ установившимся языкомъ чрезвычайно трудно. По моему, вмѣсто тяжкой и сомнительной борьбы съ господствующимъ употребленіемъ языка, нельзя ли войти въ какой нибудь *компромиссъ* съ нимъ, но такъ чтобы отъ того не пострадала философская истина?

Сократъ. Вполнѣ согласенъ съ вами въ томъ, чтобы вообще избѣгать борьбы съ словоупотребленіемъ въ языкѣ. Пусть оно видоизмѣняется и развивается само собою вмѣстѣ съ развитіемъ народа и общества! Точно такъ же я не вижу ничего неправильнаго и ошибочнаго въ приложеніи термина: бытіе, къ каждой изъ трехъ сторонъ этого понятія, потому что, вѣдь, всѣ онѣ относятся къ бытію, къ реальности, къ дѣйствительности. Однако это употребленіе законно и не ведетъ къ заблужденію только тамъ, гдѣ можно допустить, что при утвержденіи бытія за одной изъ сторонъ, *молчаливо подразумѣваются* и двѣ остальныя. Но если есть поводъ оподозрить, что, при помощи обычнаго словоупотребленія, проводится та или другая ошибочная или односторонняя философская система, то тутъ *необходимо* протестовать, входить въ объясненія и въ споръ не съ языкомъ, конечно, а съ системою. Такъ, напр., когда идеалисты утверждаютъ, что однѣ только идеи существуютъ, то необ-

ходимо это отрицать и утверждать, что идеи, или мысли, или понятія, конечно, существуютъ, но не сами по себѣ, а въ актѣ мышленія мыслящихъ существъ, или когда какая либо философская школа утверждаетъ, что существуетъ воля или хотѣніе или какая нибудь другая дѣятельность, но отрицаетъ субстанціи, которыя хотятъ или дѣйствуютъ, онять таки необходимо протестовать и противъ этого. Или, когда, напр., кантіанизмъ утверждаетъ, что существуетъ что-то („вещь сама въ себѣ или субстанція"), объ чёмъ ничего нельзя знать, потому что это что-то ни въ чемъ не проявляетъ намъ своего существованія, то мы смѣло можемъ считать такую субстанцію за ничто.

„Этимъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ мы и закончимъ сегодняшнюю нашу бесѣду. Конечно, въ ней мы не исчерпали всѣхъ недоумѣній и вопросовъ, которые можетъ возбуждать изложенное мною понятіе бытія, но все таки наиболѣе важное объ этомъ предметѣ было сказано. Впрочемъ, съ каждой новой бесѣдой все ярче будетъ выясняться и мое понятіе бытія по той простой причинѣ, что оно составляетъ *сущность* и какъ бы *экстрактъ* цѣлой системы, которой я слѣдую. Въ этомъ отношеніи *панпсихизмъ* подчиняется общему закону философскаго знанія, который можно выразить такъ: *каково понятіе бытія, такова и философская система, и наоборотъ*. Въ слѣдующихъ бесѣдахъ мы послѣдовательно займемся понятіями времени, пространства, движенія и въ нихъ, такъ сказать, заложимъ *фундаментъ* для возведенія *метафизическаго зданія*, въ которомъ, по моему, для разума будетъ легче и привольнѣе, чѣмъ всякіе наиновѣйшіе и наинаучнѣйшіе позитивизмы, феноменизмы, эволюціонизмы и, въ концѣ концовъ, матеріализмы.

Затѣмъ между присутствующими поднялся вопросъ, когда, гдѣ и какъ сойтись для слѣдующей бесѣды. Наконецъ всѣми было принято предложеніе Карамазовыхъ, въ слѣдующую пятницу, въ которую былъ праздничный день, ѣхать всѣмъ въ Царское Село, осматривать вмѣстѣ съ Карамазовыми дачу, которую они хотѣли

нанять тамъ себѣ на лѣто. Было условлено, чтобы всѣ прибыли къ 11-ти часовому поѣзду на вокзалъ Царско-сельской дороги.

Солнце уже давно взошло, когда мы распростились и разошлись [1]).

Платонъ Калужскій.

---

[1]) Авторъ этой статьи обѣщалъ и къ слѣдующей книжкѣ нашего сборника составить еще нѣсколько записанныхъ имъ бесѣдъ. А пока я возобновляю свое приглашеніе читателямъ сдѣлать свои заявленія въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній, возбуждаемыхъ въ нихъ содержаніемъ уже напечатанныхъ „Бесѣдъ“. По мѣрѣ силъ, мы въ слѣдующей книжкѣ „Своего Слова“ дадимъ надлежащія въ этомъ отношеніи объясненія.——Примѣчаніе редактора.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Прежде нежели начну вышеозначенную рубрику, я считаю необходимымъ объяснить читателямъ цѣль, которую я имѣю въ виду, при помѣщеніи этихъ замѣтокъ въ „Своемъ Словѣ“.

Какъ я уже заявлялъ имъ, по ограниченному количеству силъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, я предполагаю посвятить ихъ на *постановку* и *рѣшеніе*, съ моей точки зрѣнія, существеннѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ философіи. По этому я, конечно, не имѣю времени и возможности не только вести какую либо систематическую библіографію, но даже ограничиться обзоромъ хотя бы и замѣчательнѣйшихъ сочиненій по философскимъ наукамъ, выходящихъ за границей или въ Россіи.

„Библіографическія замѣтки“ мои будутъ имѣть въ виду исключительно тѣ потребности моихъ читателей, объ которыхъ я имѣю или буду имѣть отъ нихъ заявленія;—или же указанія на такія сочиненія, которыя могутъ служить или для подкрѣпленія, или для обосновки тѣхъ воззрѣній, которыя я провожу въ своемъ изданіи. При каждомъ сочиненіи, будетъ ли то книга, или статья журнала, которое я позволю себѣ рекомендовать своимъ читателямъ, я всегда буду указывать, какая потребность можетъ быть ею удовлетворена, или на сколько и въ какомъ отношеніи она можетъ быть этимъ читателямъ полезна. Надѣюсь при этомъ, что они имѣютъ на столько ко мнѣ довѣрія, что не будутъ требовать подробныхъ и систематическихъ рецензій, полнаго изложенія содержанія рекомендуемыхъ

сочиненій, длинныхъ цитатъ и ссылокъ для подтвержденія моихъ мнѣній и т. под., а удовольствуются весьма краткими указаніями на содержаніе книги и общею ея оцѣнкою.

Послѣ этого краткаго предисловія къ вышеозначенной рубрикѣ—я и приступлю къ самому дѣлу.

I) Leçons de philosophie par Élie Rabier. I. Psychologie. Paris 1884 г.

Мнѣ не разъ случалось приходить въ затруднительное положеніе, когда разныя лица, вообще образованныя, но въ тоже время почти не знакомыя систематически съ философскими науками, обращались съ просьбою рекомендовать имъ какое либо сочиненіе, изъ котораго они могли бы познакомиться съ *психологіей* или *наукою о душѣ*. Если случалось мнѣ какъ либо обнаруживать передъ такими спрашивающими свое затрудненіе, то имъ казалось чрезвычайно *страннымъ*, какимъ образомъ университетскій преподаватель науки затрудняется указать удовлетворительное руководство или сочиненіе по своему предмету.

И дѣйствительно это было бы странно по отношенію къ какой нибудь другой наукѣ, напр., магематической, естественной, даже исторической или филологической, но нисколько не странно, а напротивъ весьма естественно по отношенію къ какой либо философской наукѣ, какъ напр., психологіи, логикѣ, теоріи познанія или метафизикѣ, этикѣ и т. п. Происходитъ это вслѣдствіе того, что философскія науки, по ихъ вообще трудному предмету и по ихъ высшему значенію въ системѣ знанія, болѣе всѣхъ другихъ подлежатъ зависимости отъ индивидуальныхъ различій въ волѣ, чувствахъ, настроеніи и умственныхъ силахъ научныхъ дѣятелей [1]). По этому философскія науки представляютъ, такъ сказать, арену,

[1]) Объ этомъ мнѣ не разъ приходилось говорить въ различныхъ сочиненіяхъ, но особенно позволю себѣ указать читателямъ на одно изъ послѣднихъ сочиненій: „Очерки изъ исторіи философіи“. Смотри стр. 19 и слѣд.

на которой эти индивидуальныя различія сталкиваются, борятся, входятъ въ компромиссъ и группируются, образуя разныя, по направленію, философскія школы и системы. Психологія также, какъ и другія философскія науки, подвержена вышеозначенной зависимости, а потому и не можетъ представлять нѣчто однообразное по содержанію, подобно математикѣ и физикѣ, а отражаетъ отличія той школы и направленія, къ которой принадлежитъ психологъ.

Главное и основное различіе въ сочиненіяхъ по психологіи зависитъ отъ того, принадлежатъ ли эти сочиненія къ направленію, признающему или же отрицающему душу, какъ *особую субстанцію,* что отражается какъ въ составѣ и тонѣ сочиненія по психологіи, такъ и въ существенныхъ пунктахъ содержанія. Точно также отражается въ психологическомъ сочиненіи и то, принадлежитъ ли его авторъ, отрицающій духовную субстанцію, къ школѣ позитивизма или феноменизма, т. е., къ системѣ, отрицающей субстанцію вообще, а слѣдовательно и духовную; или же къ матеріалистической системѣ, которая видитъ въ душѣ функцію матеріи. Съ другой стороны, если психологъ и признаетъ душу, какъ субстанцію, то и тутъ является значительное различіе, смотря по тому, смотритъ ли онъ на душу, какъ на индивидуальную субстанцію, самостоятельно существующую среди многихъ таковыхъ же субстанцій, или же только какъ на одну единственную субстанцію, являющуюся во множествѣ модификацій и видоизмѣненій, которыя и суть то, что мы называемъ индивидуальными душами. Кромѣ этихъ главныхъ различій есть еще второстепенныя и частныя, которыхъ касаться теперь я не считаю нужнымъ.

Но здѣсь кто либо мнѣ можетъ возразить, что уже давненько началось (конечно, сперва въ Англіи), а въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается и распространяется *эмпирическая* или *положительная* или *научная* (на это послѣднее названіе особенно ударяютъ позитивисты) психологія, имѣющая въ основѣ своей одни только (якобы!?) *факты* или *явленія,* которыя она и обрабатываетъ (якобы!?) индуктивнымъ методомъ, т. е., собираетъ, провѣ-

ряетъ и обобщаетъ въ законы. Эта положительная психологія разсужденіями и спорами о существованіи и не существованіи души съ ея свойствами не занимается и, какъ прибавляютъ часто для пущей важности позитивисты, предоставляетъ эти безплодныя упражненія метафизикамъ.

Я не стану, конечно, оспоривать, что такая эмпирическая психологія существуетъ и что она даже начинаетъ преобладать, не стану также оспоривать и того, что она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказалась весьма полезною, но я не могу не указать и на важные невыгоды, сопряженныя съ этой *„психологіей безъ души“*. Для всякаго, сколько нибудь серьезно мыслящаго и способнаго жить и дѣйствовать по принципу, человѣка не можетъ быть *индифферентнымъ* вопросъ о существованіи или о несуществованіи духовной субстанціи и о ея свойствахъ, а потому у него непремѣнно съ большею или меньшею степенью основательности порѣшенъ этотъ вопросъ въ ту или другую сторону. Отсюда слѣдуетъ, что эта quasi-научная психологія, будто бы устраняющаяся отъ метафизическихъ вопросовъ о душѣ, въ строгомъ смыслѣ никогда не выполняется, да едва ли и можетъ быть выполнена, потому что такъ или иначе, прямо или косвенно, но психологъ непремѣнно выскажетъ то, въ какую сторону у него порѣшенъ этотъ вопросъ. Это рѣшеніе и сочувствіе психолога той или другой сторонѣ никогда не можетъ укрыться отъ опытнаго читателя, какъ бы авторъ не увѣрялъ на словахъ, что онъ *принципіально* исключаетъ вопросъ о душѣ изъ области психологической науки и считаетъ ея задачею изслѣдованіе психологическихъ явленій и ихъ законовъ. Но за то съ другой стороны неопытный читатель, могущій принять въ серьезъ *якобы* научную психологію, впадаетъ въ невыгодныя для него недоразумѣнія, о которыхъ я скажу ниже. Повидимому, направленіе психологіи, имѣющей въ виду одни только факты, всего выполнимѣе для *безпринципныхъ* психологовъ—бываютъ, вѣдь, и такіе—которые могутъ и признавать, и отрицать душу, смотря потому, что для нихъ *выгоднѣе* съ житейской точки зрѣнія въ дан-

ную минуту, по преобладанію тѣхъ или другихъ теченій въ общественной жизни. Но, къ сожалѣнію, отъ такихъ *положительныхъ* психологовъ не бываетъ никакого проку ни для эмпирической, ни для метафизической психологіи, какъ науки. Что же касается до *косвенныхъ пріемовъ*, въ которыхъ психологъ можетъ обнаружить свое отношеніе къ метафизическимъ вопросамъ о душѣ и ея свойствахъ, то они весьма многочисленны и разнообразны и состоятъ, во первыхъ, въ *различіи по отношенію къ признаваемымъ фактамъ* —что одни признаютъ за фактъ, то другіе отрицаютъ,—во вторыхъ, въ различной *группировкѣ* и въ различномъ *освѣщеніи* этихъ фактовъ и въ третьихъ, главнымъ образомъ, въ *причинномъ объясненіи* этихъ фактовъ. Такъ, напр., въ психологіи, являющейся подъ именами: „физіологическая психологія“, или „физіологія духа“, „физіологія ума“ и т. под., всегда психологическая жизнь и перемѣны въ ней ставятся въ причинную зависимость отъ перемѣнъ въ тѣлѣ или спеціально въ нервной системѣ. Въ такой психологіи, чтобы ни говорили ея представители о своей научности и благочестивомъ намѣреніи не вдаваться въ метафизическіе вопросы о душѣ и ея свойствахъ, а руководиться одними фактами и обобщеніемъ ихъ въ законы, мы всегда найдемъ уже готовое предрѣшеніе вопроса о душѣ въ сторону матеріализма, потому что, въ силу причинной зависимости психической жизни отъ тѣла и мозга, душа *неизбѣжно окажется простою ихъ функціею*. Иначе говоря, этою психологіею совершается вольный или невольный грѣхъ *подмѣна* отношенія параллелизма и соотвѣтствія явленій и состояній психическихъ и тѣлесныхъ, утверждать которое мы имѣемъ основаніе, подмѣна отношеніемъ причины и слѣдствія, на которое мы никакого права не имѣемъ.

Теперь я и скажу нѣсколько словъ о томъ незаконномъ ущербѣ, который терпитъ всякій желающій систематически познакомиться съ психологіей читатель отъ этой (якобы?!) научной или положительной психологіи и о той значительной, но также не законной выгодѣ, которую она даетъ представителямъ направленія, отрица-

ющаго душу, относительно представителей направленія, признающаго ее.

Для начинающаго изучать психологію *самый важный вопросъ* и заключается именно въ томъ, существуетъ или нѣтъ душа, какъ особая субстанція, и какія есть данныя и соображенія *за* и *противъ* этого существованія. Между тѣмъ такъ называемая научная психологія объявляетъ ему, что именно этотъ настоятельнѣйшій для него вопросъ и стоитъ *внѣ науки*, что научная психологія не занимается имъ и что, если она и употребляетъ слово: душа, то оно, съ научной точки зрѣнія, есть не болѣе, какъ *терминъ*, которымъ обозначаются особаго рода явленія въ организмѣ или, какъ нѣкоторые выражаются, „*надъорганическія*“ явленія.

Выпроводивши со сцены такимъ вѣжливымъ образомъ самый интересный и безпокойный для начинающаго вопросъ, научная психологія начинаетъ солидно *исчислять* и описывать психическія явленія, *классифицировать* или дѣлить ихъ на роды и виды, *приводить* ихъ *въ* взаимную *связь* и т. д. При этомъ, по распространившемуся теперь обыкновенію, включаются въ психологію значительныя выдержки, а иногда и цѣлыя главы изъ физіологіи о строеніи мозга и нервной системы, объ ихъ нормальныхъ или патологическихъ отправленіяхъ и т. под. Всѣ эти извлеченія приводятся, конечно, для того, чтобы объяснить происхожденіе психическихъ явленій и перемѣны въ нихъ въ полной зависимости отъ перемѣнъ въ тѣлѣ или нервной системѣ. Конечно, при этомъ объясненіи таже самая научная психологія, которая потребность въ рѣшеніи вопроса о существованіи души, какъ субстанціи, иронически отсылаетъ къ метафизикѣ—мимоходомъ объявляя оную метафизику складочнымъ мѣстомъ разныхъ *не научныхъ* фантазій—таже самая психологія ни однимъ словечкомъ *не обмолвится* о томъ, что и вопросъ о существованіи или несуществованіи тѣла и мозга, какъ субстанцій, о себѣ сущихъ, точно также не научный и относится къ той же метафизикѣ, т. е., складочному мѣсту фантазій.

Я увѣренъ, что если бы кто либо и дерзнулъ робко замѣтить этой научной психологіи, что, вѣдь, тѣло, мозгъ, вообще матеріальныя вещи, съ точки зрѣнія позитивизма, суть также не болѣе, какъ *слова* или *термины* для обозначенія особыхъ группъ явленій и что, слѣдовательно, едва ли будетъ научно группу явленій, называемую словомъ: душа, ставить въ причинную зависимость отъ группы явленій, называемыхъ словами: тѣло или мозгъ, то я увѣренъ, что такой дерзкій услышалъ бы строгую и преисполненную упрековъ въ отсталости и невѣжествѣ *нотацію* съ указаніями и ссылками на авторитетъ уже не психологіи, а точныхъ наукъ: физіологіи, химіи, физики, въ которыхъ твердо поставленъ *матеріальный субстратъ* явленій въ видѣ клѣточекъ, молекулъ, атомовъ; въ видѣ кислорода, водорода и т. под. простыхъ тѣлъ: ибо безъ движенія этого субстрата въ пространствѣ этѣ науки не могли бы обойтись и потеряли бы все свое значеніе наукъ точныхъ

Печальнымъ результатомъ такой постановки дѣла для начинающаго будетъ то, что онъ такъ таки и останется *безъ всякаго законнаго удовлетворенія* законно-возникшей потребности, разрѣшить безпокойный вопросъ о душѣ, и совершенно незаконнымъ образомъ мало-по-малу *забываетъ* о своей потребности и *привыкаетъ* считать душу за пустое слово, которымъ условились обозначать извѣстную группу явленій, привыкаетъ тѣмъ болѣе, что научная психологія несомнѣнно сообщитъ ему не мало интересныхъ знаній объ ассоціаціи психическихъ явленій и ея законахъ, о связи этихъ явленій между собою и съ тѣлесными явленіями и т. под. Что же касается до представителей философскихъ теорій позитивизма и матеріализма, то эта научная психологія, какъ нельзя лучше, помогаетъ имъ

Совсѣмъ безъ драки
Попасть въ большіе забіяки,

т. е., безъ спора и борьбы съ представителями противоположнаго направленія, слѣдовательно, *безъ всякихъ хлопотъ и труда, завоевывать* господствующее положеніе и всеобщее признаніе.

Но что-же дѣлать, спроситъ кто либо, направленію, признающему душу, и какъ ему бороться противъ вышеозначеннаго преимущества, которымъ пользуется враждебное направленіе, совсѣмъ отрицающее душу или признающее ее за функцію матеріи или мозга?

Конечно, отвѣчаю я, для этого противодѣйствія вовсе не нужно измышлять какихъ либо *внѣшнихъ мѣропріятій* въ родѣ обращенія съ жалобой къ мировому судьѣ, а бороться тѣмъ же оружіемъ, которое единственно надежно и которымъ *всегда* боролась *истина съ заблужденіемъ* или односторонностью, т. е., оружіемъ мысли и ея главнаго выраженія,—слова! Не входя въ подробное изложеніе и описаніе борьбы этимъ оружіемъ съ господствующимъ направленіемъ, я кратко обозначу *общія правила*, которыхъ, по моему, должно держаться въ этой борьбѣ направленіе, признающее духовную субстанцію.

1) Прежде всего никогда не должно отрицать заслугъ „психологіи безъ души“ и признавать то, что она правильно сдѣлала въ изслѣдованіи фактовъ, ихъ обобщеніи, постановкѣ законовъ и т. под.

2) Постоянно энергически напоминать какъ этой самой психологіи, такъ и вообще обществу или публикѣ, что кромѣ фактовъ, обобщенныхъ въ законы, существуетъ метафизическій вопросъ о существованіи или несуществованіи духовной субстанціи; вопросъ, въ которомъ психологія, какъ и всякая другая спеціальная наука, сходитъ съ своей *частной и условной* почвы и входитъ въ философію, въ которую въ сущности впадаютъ всѣ науки, когда рѣчь отъ явленій переходитъ къ являющемуся и когда вообще поднимается вопросъ о сущемъ и объ основныхъ его свойствахъ.

3) Когда трактатъ по психологіи принадлежитъ къ направленію, признающему духовную субстанцію, то должно, чтобы онъ, не взирая на нѣкоторыя невыгоды, не *подчинялся* начинающему господствовать обычаю и не исключалъ изъ своего содержанія метафизическій вопросъ о душѣ. Конечно, этотъ вопросъ можно вы-

дѣлить въ особую главу или въ особый отдѣлъ, не соединяя его очень тѣсно съ остальнымъ содержаніемъ трактата.

4) Вообще въ борьбѣ съ противоположнымъ направленіемъ такой трактатъ долженъ соблюдать *полное безпристрастіе*, стараясь въ изложеніи мнѣній и основаній противниковъ выставлять самые сильные и наиболѣе серьезные ихъ аргументы и опровергать ихъ на основаніи безстрастныхъ логическихъ доводовъ, не прибѣгая не только къ софизмамъ, но и къ аргументамъ, дѣйствующимъ на чувство, предразсудки и т. под.

5) Наконецъ должно быть крайне осмотрительнымъ и внимательнымъ въ *обосновкѣ и защитѣ* существованія духовной субстанціи. Факты, которые полагаются въ основу этого существованія, должны быть строго и точно установлены; выводы изъ фактовъ должны быть ясны и отличаться характеромъ логической необходимости. Никогда не нужно забывать, что самымъ лучшимъ союзникомъ направленія, отрицающаго духовную субстанцію, служитъ *не* самое *существо* вещей, которое говоритъ за ея признаніе, *а* наивность, отсталость и иногда безсмысліе ея защитниковъ. Разумный представитель направленія, признающаго духовную субстанцію, долженъ постоянно держать въ умѣ извѣстную поговорку: „избави меня, Господи, отъ ложныхъ или безтолковыхъ друзей, а съ врагами я и самъ справлюсь“.

Такъ какъ все наилучшее рѣдко, то рѣдки и сочиненія, удовлетворяющія высказаннымъ сейчасъ требованіямъ, а по сему уже безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно затрудненіе, о которомъ я говорилъ, когда начинающій и желающій познакомиться съ психологіей обращался съ вопросомъ, указать ему на лучшее сочиненіе или руководство по психологіи. Сочиненій, которыя вообще можно похвалить, т. е., которыя хороши въ томъ или другомъ отношеніи, не мало, но удовлетворяющихъ со всѣхъ сторонъ приходится отъискивать съ величайшимъ трудомъ.

Къ счастію, эти поиски не всегда остаются безплодными; и на книгу Рабье, заглавіе которой приведено выше, я, съ спокойною

совѣстью, могу указать всякому, желающему познакомиться съ методомъ и содержаніемъ психологической науки, и при томъ на ея современной ступени развитія, какъ на сочиненіе, въ высокой степени удовлетворяющее этой цѣли. Авторъ его состоитъ преподавателемъ, или профессоромъ одного изъ парижскихъ лицеевъ, которые, какъ извѣстно, соотвѣтствуютъ нашимъ среднеучебнымъ заведеніямъ, но въ которыхъ, по моему, совершенно *основательно* проходится въ извѣстномъ объемѣ курсъ философскихъ наукъ, а именно: психологіи, логики и даже метафизики. Но какъ то обстоятельство, что Рабье преподаватель лицея, такъ и самое заглавіе приведеннаго выше сочиненія, могутъ навести читателя на мысль, что это сочиненіе есть просто курсъ, приспособленный къ преподаванію психологіи въ лицеѣ. Однако такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Психологія Рабье, по сущности дѣла, вовсе *не есть краткое руководство* по психологіи, ни по формѣ, ни по содержанію, а весьма *обширный ученый трактатъ*, стоящій на высотѣ современной науки и по точкѣ зрѣнія на предметъ, и по вопросамъ, которые авторъ ставитъ себѣ для разрѣшенія и, что главное, по обработкѣ и рѣшенію этихъ вопросовъ.

Но моею высокою оцѣнкою книги Рабье я вовсе не хочу сказать, что я *подпишусь* подъ всѣми рѣшеніями поставленныхъ имъ вопросовъ и что я ни въ чемъ не буду съ нимъ разногласить. Во всякомъ случаѣ, это разногласіе нисколько не уменьшило бы въ моихъ глазахъ цѣны и достоинства какъ цѣлаго труда Рабье, такъ даже и тѣхъ частей его, въ отношеніи къ которымъ выразилось бы это разногласіе, потому что ошибочное, по моему мнѣнію, у Рабье рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ зависитъ ни подъ какимъ видомъ отъ невнимательности, или отсталости, или неспособности автора, но отъ того, что въ психологіи есть на столько сложные и не ясные пункты, что въ нихъ естественно и возможно, даже и для основательнаго человѣка, сдѣлать ложный шагъ и сбиться съ надлежащаго пути.

Относительно главнаго вопроса, раздѣляющаго психологовъ

Рабье ясно обнаруживаетъ свою принадлежность къ направленію, признающему духовную субстанцію, но было бы крайне ошибочно думать, что онъ слѣдуетъ по стопамъ традиціоннаго во Франціи спиритуализма, господствовавшаго въ школѣ Кузена. Далѣе, склоняясь къ *спиритуализму*, Рабье въ этомъ курсѣ психологіи вовсе не рѣшаетъ метафизическаго вопроса о существованіи души, какъ субстанціи. По его воззрѣніямъ на систему наукъ, этотъ вопросъ относится не къ психологіи, а *къ метафизикѣ*, (въ чемъ, въ сущности, и я съ нимъ согласенъ) курсомъ которой, вѣроятно, Рабье и закончитъ свою систему философскаго знанія [1]).

Что касается до метафизики, то я позволю себѣ привести читателю взглядъ Рабье на содержаніе этой науки. Въ своемъ „введеніи“ къ психологіи онъ дѣлаетъ опредѣленіе понятія науки и его классификацію. По этой классификаціи науки распадаются: на 1) **космогоническія** или науки о природѣ матеріальной; 2) науки **ноологическія** или науки о духѣ человѣческомъ, являющемся въ видѣ предмета природы, т. е., о духѣ, проявляющемся въ матеріи (къ этому отдѣлу принадлежатъ *филологическія, общественныя, и историческія науки*). 3) Науки **психологическія** или науки о духѣ, не какъ о предметѣ природы въ его матеріальномъ, внѣшнемъ проявленіи, но о духѣ, доступномъ только внутреннему наблюденію (психологія, логика и ученіе о нравственности) и наконецъ 4) науки **метафизическія** (или первая философія, или метафизика, или онтологія).

„Метафизика, говоритъ Рабье, естественно распадается на три части: 1) метафизика природы или **раціональная космологія**, разсматривающая вопросы: что такое матерія, сила, пространство и пр.? 2) метафизика духа или **раціональная психологія** въ противо-

---

[1]) Къ 1884 г. появился курсъ „Психологіи“, а въ 1887 г. вышла въ свѣтъ и „Логика“ Рабье, о которой я скажу въ слѣдующихъ книжкахъ „Своего Слова“.

положность психологіи въ собственномъ (тѣсномъ) смыслѣ, которая занимается только духовными *фактами* или *явленіями* и которую называютъ *опытною психологіею,* рѣшаетъ вопросы: что такое душа? Отлична ли она отъ тѣла? Безсмертна ли она и пр.? 3) Метафизика абсолютнаго или **раціональная теологія,** занимающаяся вопросами: есть ли первая причина? Какова она? Находится ли она въ мірѣ или внѣ его? Какія отношенія ея къ міру" (стр. 1—10).

Отдѣляя изслѣдованіе вопросовъ о существованія души и ея природѣ къ метафизикѣ, Рабье въ своемъ сочиненіи, составляющемъ предметъ этой замѣтки, занимается „опытною психологіей" или, какъ онъ выражается, „психологіей фактовъ", изъ которыхъ состоитъ психическая жизнь и которые изслѣдуются и обрабатываются подобно фактамъ наукъ естественныхъ Въ этомъ трудѣ Рабье занимается *установкою* психическихъ фактовъ, ихъ отличіемъ отъ фактовъ матеріальныхъ и спеціально физіологическихъ. Отличіе это, замѣчу мимоходомъ, состоитъ по Рабье въ томъ, что психическіе факты не суть *„функціи,* т. е, *движенія органовъ"* тѣла или мозга, а также не могутъ быть „локализированы", потому что *не имѣютъ мѣста* въ пространствѣ, а посему не *„подлежатъ прямому изслѣдованію"* и *„познаются не чувствами, а непосредственно"* во внутреннемъ опытѣ.

Далѣе Рабье изслѣдуетъ *„общую форму"* психическихъ фактовъ (сознаніе) и занимается *исчисленіемъ* и *классификаціею* этихъ фактовъ. По этой классификаціи Рабье все содержаніе своей книги посвящаетъ разсмотрѣнію во первыхъ *ума или познанія,* гдѣ изслѣдуются ощущенія, память, воображеніе и функціи ума въ тѣсномъ смыслѣ, или сужденія, понятія и пр., общіе принципы познанія (идея тождества, идея внѣшняго міра, идея „я", идея субстанціи, идея абсолютнаго и т. под.). Во вторыхъ изслѣдуется *чувствованіе* (удовольствіе, боль, влеченіе, страсти) въ третьихъ *воля* въ различныхъ ея проявленіяхъ. Затѣмъ послѣдній отдѣлъ сочиненія составляютъ *частные или спеціальные вопросы,* какъ напр.: о привычкѣ, о языкѣ, о прекрасномъ, о спеціальной психологіи.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ Рабье черпаетъ свой матеріалъ изъ *разнообразныхъ источниковъ*, у философовъ и писателей самыхъ различныхъ философскихъ направленій и доктринъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ, отдавая каждому должное, онъ пользуется какъ *позитивистами* (напр., Юмомъ, Миллемъ, Бэномъ, Теномъ, Рибо и друг.), такъ и *метафизиками* (напр. Кантомъ, Шопенгауеромъ, Ренувье, Секретаномъ, Равессономъ, Полемъ Жане, Лашелье и друг.). Точно также онъ заимствуетъ свой матеріалъ у физіологовъ, естествовѣдовъ, даже математиковъ; словомъ, онъ беретъ все нужное ему всюду, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, но однако это пользованіе разнообразнымъ матеріаломъ, ни подъ какимъ видомъ, *не есть простая компиляція* или только повтореніе и присоединеніе одного къ другому чужихъ воззрѣній. Всюду и вездѣ авторъ самостоятельно и отчетливо *выбираетъ* свой матеріалъ, опровергая и отвергая ошибочное, поправляя или дополняя недостаточное и усвоивая только то, что выдерживаетъ строгую и обстоятельную критику. Къ сдѣланной мною оцѣнкѣ психологіи Рабье я, для большаго ознакомленія читателя съ его манерой изслѣдованія и изложенія, позволю себѣ прямо перевести нѣсколько страничекъ изъ этого сочиненія. Для образчика беру отрывокъ изъ изслѣдованія о сознаніи, а именно, критику нѣкоторыхъ отвергаемыхъ имъ теорій сознанія (см. главу VII, стр. 72 и слѣд.).

„**Есть ли сознаніе чувство отношенія?**—Говорятъ, что всякій фактъ сознанія есть *сознаніе отношенія* между двумя терминами; или иначе, всякое сознаніе двойственно. Это положеніе можетъ быть понимаемо двояко. Одни говорятъ: „всякое сознаніе есть **чувство различія**, контраста между двумя состояніями“—Другіе, понимая эту двойственность иначе, говорятъ: „всякое сознаніе предполагаетъ или включаетъ въ себѣ представляющее и представляемое; оно есть **чувство отношенія** между субъектомъ и объектомъ“. Разсмотримъ же вкратцѣ эти два опредѣленія.

§ I.

„Есть ли всякое сознаніе чувство различія?—По утвержденію многихъ современныхъ психологовъ всякое сознаніе есть чувство различія. Бенъ пишетъ (См. Sens et intelligence, trad franç. p 279):

Сознаніе вовсе не наступаетъ, если нѣтъ сознанія перехода, перемѣны. Въ этомъ и состоитъ то, что мы называемъ *закономъ относительности* (la loi de relativité). Или въ другомъ мѣстѣ (l'Esprit et le Corps, p. 83): „наше сознаніе начинается, такъ сказать, различіемъ; мы никакой вещи не познаемъ *въ ней самой*, мы познаемъ только *различіе*, которое существуетъ между этою и тою вещью Ощущеніе тепла, которое мы имѣемъ въ какой либо данный моментъ, есть, въ сущности, контрастъ съ холодомъ, предшествовавшимъ этому теплу".—Мансель и Спенсеръ говорятъ тоже, но въ другихъ выраженіяхъ. „Самая идея сознанія, говоритъ Мансель, включаетъ различіе между однимъ предметомъ и другимъ" (см. Spencer: Premiers principes, trad. franc. p. 67 и 81).

Основаніе, приводимое въ пользу этой теоріи. - Въ чемъ состоитъ основаніе, приводимое въ пользу этой теоріи?

„Всякое познаніе двойственно, говоритъ Бенъ (Sens et intelligence, p. 7), потому что сознаніе имѣетъ необходимымъ условіемъ перемѣну впечатлѣнія. Всегда замѣчали и признавали слѣдствія этого закона. Первый моментъ перехода отъ одного состоянія къ другому чувствуется всего живѣе, и память объ первомъ состояніи ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ возбужденіе, произведенное перемѣною. Постоянныя требованія перемѣны, новаго, прогресса въ познаніяхъ, въ богатствахъ, въ политическихъ учрежденіяхъ представляютъ массу примѣровъ закона относительности въ приложеніи къ удовольствію".—Спенсеръ говоритъ въ томъ же смыслѣ: „однообразное состояніе сознанія есть, на самомъ дѣлѣ, отсутствіе сознанія (non conscience). Когда прекращаются перемѣны въ сознаніи, то прекращается и сознаніе. Значитъ, если постоянная перемѣна есть истинное условіе, при которомъ только и можетъ продолжаться сознаніе, то отсюда вытекаетъ необходимое слѣдствіе, что различныя явленія сознанія всѣ сводятся къ перемѣнамъ, что перемѣны суть основные элементы всякой мысли.... Пока продолжается

какое либо состояніе: А, мыслящаго субъекта, то нѣтъ сознанія. Точно также пока продолжается другое состояніе: В, то также нѣтъ сознанія. Но какъ скоро есть переходъ изъ состоянія: А, въ состояніе: В, то именно этотъ переходъ и образуетъ явленіе въ сознаніи.... Итакъ, сознаніе должно быть *непрерывной дифференціаціей* (différenciation continue) производящихъ его состояній". (Principes de psychologie trad. franç. t. II, p. 303, 304, 305, 313, 314).

Критика: А) **Приводимый фактъ преувеличенъ.** — Приводимый аргументъ основанъ на достовѣрномъ, но чрезвычайно преувеличенномъ фактѣ. Достовѣренъ тотъ фактъ, что когда продолжается какое либо одно впечатлѣніе, то сознаніе все ослабѣваетъ и, при дальнѣйшемъ продолженіи, совсѣмъ исчезаетъ. Значитъ, перемѣна есть, до извѣстной степени, условіе для поддержки *тона* (tonalité) сознанія. Но, дѣлая изъ этого условія *абсолютный законъ* самаго существованія сознанія, говоря, что перемѣна должна быть непрерывною для этого существованія, сильно преувеличиваютъ значеніе этого факта. Вѣдь, еслибъ это было такъ, то всѣ состоянія сознанія были бы мгновенны: одно и то же состояніе не могло бы продолжаться двухъ мгновеній сряду. Между тѣмъ одинъ и тотъ же запахъ можетъ быть обоняемъ въ теченіи извѣстнаго времени точно такъ же, какъ въ теченіи нѣкотораго времени можетъ быть слышенъ одинъ и тотъ же звукъ. Въ музыкѣ не однѣ только тройныя или четверныя ноты: есть и цѣлыя ноты, и половины. Мы не только имѣемъ сознаніе о противуположности въ нашихъ состояніяхъ сознанія, но также и о пребываніи, тождествѣ нѣкоторыхъ состояній сознанія въ теченіи извѣстнаго времени. И такъ, пусть говорятъ: „при отсутствіи перемѣны сознаніе *ослабѣваетъ* и склоняется къ исчезновенію", но и только! Но пусть не говорятъ: „при отсутствіи перемѣны сознаніе *абсолютно не можетъ быть*".

В) **Смѣшиваютъ условіе существованія съ его содержаніемъ.** Но есть болѣе важное критическое возраженіе. Пусть перемѣна будетъ закономъ и, если хотятъ, абсолютнымъ закономъ сознанія; изъ того нисколько не слѣдуетъ, что сознаніе есть чувство или *познаніе*

этой перемѣны, этого различія! Здѣсь есть существенная разница, которую Спенсеръ, по видимому, иногда не замѣчаетъ, но которую онъ, какъ кажется, отмѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]). Бэнъ же, кажется, нигдѣ не отмѣтилъ этой разницы. Между тѣмъ вполнѣ ясно, что *реальное* или *данное* различіе вовсе не есть тоже самое, что различіе *воспринятое* (difference perçue). Напр., предположимъ, что два различныя ощущенія даны, каждое въ особомъ индивидуумѣ. Различіе въ этихъ двухъ ощущеніяхъ, конечно, дано; оно *реально*. Но, однако, оно не есть различіе *воспринятое*, потому что ни одинъ изъ двухъ индивидуумовъ не имѣетъ о немъ сознанія. Теперь предположимъ эти два различныя ощущенія осуществившимися въ одномъ и томъ же сознаніи. Различіе опять таки *дано* въ этомъ сознаніи, но изъ того вовсе не слѣдуетъ, что оно *воспринято* этимъ самымъ сознаніемъ. Можно весьма легко предположить сознаніе, въ которомъ слѣдовали бы безпрерывно другъ за другомъ различныя состоянія, но которое однако было бы навсегда лишено *чувства различія*. Для этого достаточно предположить, что такое сознаніе было бы абсолютно лишено памяти. Не отличать различіе данное или *различіе фактическое* (difference de fait) отъ чувства различія, это значитъ смѣшивать точку зрѣнія *онтологическую* или *метафизическую* съ точкою зрѣнія *знанія*, съ точкою зрѣнія *внутреннею* или съ точкою зрѣнія *психологическою*. Однимъ словомъ, если бы вышеизложенный законъ и былъ *условіемъ существованія* факта сознанія, то онъ все таки отъ того не былъ бы *выраженіемъ существенной* природы *содержанія* факта сознанія.

C) **Тезисъ опровергается фактами**—Кромѣ того этому тезису *противорѣчатъ факты*. Конечно, никто не отрицаетъ, что мы имѣемъ сознаніе о синемъ, красномъ, холодномъ, тепломъ и проч. Но ни одно изъ этихъ состояній не можетъ быть опредѣлено, какъ

---

[1]) Principes de psychologie, T. II, analyse speciale, ch. XXVI.

чувство различія [1]), потому что различіе ни синé, ни красно, ни холодно, ни тепло, и что, слѣдовательно, имѣя сознаніе синяго, краснаго, и пр., мы вовсе не познаемъ никакого различія.

D) **Тезисъ заключаетъ противорѣчіе въ себѣ самомъ.**—Не только эта теорія находится въ противорѣчіи съ фактами, но она противорѣчива и внутри себя самой. Сознаніе не есть и не можетъ быть первоначально, существенно и прежде всего чувствомъ различія, потому что чувство различія предполагаетъ предварительное чувство *самихъ тѣхъ терминовъ*, различіе между которыми почувствовано. Различіе не существуетъ само по себѣ. Различіе есть *отношеніе*; чувство различія есть чувство *) *отношенія*. Но отношеніе существуетъ только посредствомъ терминовъ и не воспринимается, не понимается иначе, какъ чрезъ посредство терминовъ. Слѣдовательно, чувство различія не можетъ быть—какъ намъ объ этомъ говорятъ—первою ступенью сознанія. Оно можетъ быть только второю. Напр., мы можемъ чувствовать красное различнымъ съ другою вещью не иначе, какъ если мы имѣемъ сознаніе объ этой другой вещи и объ самомъ красномъ. Отнимите чувство (сознаніе) этихъ двухъ терминовъ и необходимо исчезаетъ чувство ихъ различія [2])

---

[1]) Это все равно, какъ еслибы кто либо опредѣлилъ сознаніе музыкальной ноты чувствомъ интервала. Такое опредѣленіе ноты нелѣпо, ибо сознаніе ноты существуетъ тогда, когда эта нота дана изолированно. Если же нота дана вмѣстѣ съ другими, тогда къ ощущенію самой ноты можетъ присоединяться чувство интерваловъ, которые отдѣляютъ ее отъ этихъ другихъ нотъ.

*) Рабье употребляетъ терминъ: чувство, въ смыслѣ *отмѣты*, сознанія. А. К

[2]) Значитъ ошибочно сказать, какъ это дѣлаетъ Мансель, что самый актъ сознанія необходимо включаетъ въ себѣ (предполагаетъ) *отличіе между однимъ объектомъ и другимъ*. Напротивъ, это отличіе включаетъ въ себѣ предварительное сознаніе объектовъ. Ничто не мѣшаетъ намъ предположить такое сознаніе, которое останавливалось бы на сознаніи объектовъ и не доходило бы до сознанія ихъ различія.

Е) **Тезисъ дѣлалъ бы невозможнымъ возникновеніе сознанія.**— Наконецъ если бы сознаніе было чувствомъ различія, то спрашивается, какъ произошло бы *первое* состояніе сознанія? Оно никогда не произошло бы, потому что, будучи, по предположенію, первымъ, оно не могло бы отъ чего либо отличаться.— Правда на это можно отвѣтить, что сознаніе могло бы начаться разомъ въ видѣ одновременнаго множества, которое и дало бы матеріалъ для различія, но Бэнъ и Спенсеръ заградили себѣ этотъ отвѣтъ, отрицая то, чтобы въ сознаніи могла осуществиться совершенная одновременность.— Итакъ мы заключаемъ: всякое состояніе сознанія, хотя бы оно даже и предполагало различіе, какъ условіе своего бытія, все таки не есть чувство различія Это чувство есть познаніе *абстрактное*, а интеллектъ начинается *конкретнымъ*, а не абстрактнымъ.

§ II.

Есть ли сознаніе чувство отношенія?—Но, какъ мы сказали, первоначальную двойственность, предполагаемую всякимъ фактомъ сознанія, разумѣютъ еще иначе, а именно говорятъ: всякое сознаніе есть представляющее, а всякое представленіе обнаруживается для себя включающимъ субъектъ и объектъ, представляющее и представляемое. Всякое сознаніе исчезаетъ, если отвлечься отъ одного изъ этихъ двухъ терминовъ. Этотъ тезисъ поддерживается Гамильтономъ [1]), Манселемъ [2]), Спенсеромъ [3]), во Франціи Ренувье [4]).

Сознаніе, говоритъ Мансель, иначе не возможно, какъ въ формѣ отношенія. Не можетъ быть сознанія безъ соединенія двухъ факторовъ, и въ этомъ соединеніи каждый изъ нихъ существуетъ только *такимъ, каковъ онъ по отношенію къ другому*.—„Всякая мысль, говоритъ Спенсеръ, включаетъ отношеніе и различіе. Все, что не имѣетъ этого характера, не доступно познанію“.

---

[1]) Spencer, Principes, p. 79—80.

[2]) Ibid , p. 81—82.

[3]) Ibid., p. 79—89.

[4]) Essais de critique, 1-er essai, ch. III.

Тезисъ этотъ произволенъ: въ немъ смѣшивается первоначальное сознаніе съ рефлексіей.—Этотъ тезисъ не заключаетъ, конечно, внутренняго противорѣчія, подобно предыдущему, но онъ кажется намъ совершенно произвольнымъ. Здѣсь смѣшивается *первоначальное* сознаніе, сознаніе чистое и простое, съ сознаніемъ развитымъ, съ сознаніемъ уже взрослаго человѣка, съ сознаніемъ, которое есть результатъ ассоціаціи идей, памяти, рефлексіи. Вѣрно, что развитое сознаніе не можетъ сознавать, чего бы то ни было, безъ того, что бы въ немъ не было различія вещи, о которой есть сознаніе, и субъекта, который имѣетъ это сознаніе. Идея этой двойственности представляется намъ не только тогда, когда мы помѣщаемъ одно изъ нашихъ психологическихъ состояній внѣ насъ, напр., цвѣтъ; но и когда мы приписываемъ самимъ себѣ какое либо психологическое состояніе, напр., боль. Даже и тогда для сознанія есть субъектъ и объектъ. Но на какомъ же основаніи хотятъ, чтобы такъ было и сначала? Конечно, идея субъекта, *разъ образовавшись*, входитъ во всѣ наши представленія; и съ тѣхъ поръ во всякомъ состояніи сознаніи оказывается явная двойственность. Но первоначально нѣтъ ни представляющаго, ни представляемаго; есть ощущенія, представленія, факты сознанія—вотъ и все. Нѣтъ ничего справедливѣе, по нашему, какъ слѣдующее воззрѣніе Кондильяка:

„Первоначально одушевленная статуя есть все то ощущеніе, которое она чувствуетъ; она есть сама для себя вся—запахъ или вся—вкусъ; и ничего болѣе. Это ощущеніе не заключаетъ для сознанія никакой двойственности; оно абсолютно просто“.

Вѣроятно, такъ и стоитъ дѣло у низшихъ животныхъ, которыя не имѣютъ памяти и которыя не могутъ изъ всего ихъ прошедшаго образовать коллективнаго воспоминанія, которое установило бы для нихъ какое либо „я“. Въ высокой степени вѣроятно, что ощущенія улитки или устрицы не заключаютъ никакого различія субъекта отъ объекта. Таковы же должны быть ощущенія человѣческаго зародыша или новорожденнаго ребенка“....

Далѣе, Рабье переходитъ къ разсмотрѣнію *скептическихъ* и

релятивистскихъ выводовъ изъ подвергнутыхъ имъ критикѣ теорій сознанія и противополагаетъ этимъ выводамъ свою теорію сознанія и заключенія изъ нея. Но такъ какъ я, въ сейчасъ приведенномъ мною отрывкѣ, имѣю въ виду не изложеніе книги или теорій Рабье, а только *ознакомленіе* съ его манерой изслѣдованія и аргументаціи, то я на этомъ и заканчиваю свою замѣтку о сочиненіи этого почтеннаго представителя философской науки во Франціи и обращу вниманіе читателей „Своего Слова“ на другое сочиненіе, принадлежащее къ отечественной литературѣ.

II) **Опытъ построенія теоріи матеріи.** Часть первая. **А. Введенскаго.** С.-Петербургъ. 1888 г.

Такъ какъ сочиненіе это еще не кончено и представляетъ только одну первую часть, то я и отлагаю болѣе полную и обстоятельную оцѣнку его до окончанія. Если при этой оцѣнкѣ мнѣ и пришлось бы болѣе или менѣе разойтись съ философскими воззрѣніями Г. Введенскаго, то я все таки и теперь могу сказать рѣшительно, что, во всякомъ случаѣ, сочиненіе его представляетъ трудъ серьезный и самостоятельный и даетъ весьма цѣнный вкладъ въ не богатую русскую философскую литературу.

Но есть *одно* отношеніе, въ которомъ я и сейчасъ считаю должнымъ обратить вниманіе читателей „Своего Слова“ на сочиненіе Г. Введенскаго.

Въ моей книжкѣ: „Очерки изъ исторіи философіи“, на страницѣ 7-ой я говорю, „что во всякой философской системѣ къ основному составу ея изъ теоріи познанія, метафизики и этики, принадлежатъ въ видѣ развѣтвленій особыя *дисциплины*, въ которыхъ предметы всѣхъ другихъ наукъ могутъ быть разсматриваемы съ философской точки зрѣнія. Эти дисциплины извѣстны въ наукѣ подъ различными именами, напр., философіи природы, философіи исторіи, философіи права, философіи математики, философіи физики или химіи, философіи языка и т. под. Возможность ихъ обосновывается на томъ обстоятельствѣ, что въ каждой наукѣ есть *высшій*

вопросъ, который она не можетъ рѣшить собственными силами, а именно: вопросъ о ея собственныхъ основныхъ началахъ и понятіяхъ. Таковы въ математикѣ вопросы о величинѣ, числѣ, пространствѣ, времени, движеніи, въ физикѣ вопросы о силѣ, причинѣ, явленіи, матеріи; въ наукахъ историческихъ вопросы о перемѣнѣ, процессѣ, развитіи; въ юридическихъ вопросъ о правѣ и т. д.“.

Существенное отличіе этихъ дисциплинъ отъ тѣхъ частныхъ наукъ, къ которымъ онѣ относятся, состоитъ въ тѣхъ же особенностяхъ, которыми вообще отличается философія отъ каждой частной науки. Важнѣйшая изъ этихъ особенностей заключается въ томъ, что каждая частная наука въ каждое время состоитъ или представляетъ въ значительной степени однообразное содержаніе изъ фактовъ, а также и изъ ихъ обобщеній въ законы, содержаніе, безспорно признаваемое всѣми представителями науки. Съ своей стороны философія отличается отъ частныхъ наукъ тѣмъ, что ея содержаніе или всѣ ея положенія лишены этого однообразія; а потому относительно ихъ между представителями философіи происходятъ разногласія и споры, вслѣдствіе которыхъ философія и распадается на нѣсколько системъ. На причины этого явленія я уже не разъ указывалъ, даже указывалъ и въ той книжкѣ, на которую сдѣлалъ сейчасъ ссылку [1]), а потому теперь и не стану повторять сказаннаго. Тому же недостатку подчиняются и философскія дисциплины, разсматривающія *основныя начала и понятія* частныхъ наукъ. Эти основныя понятія находятся въ неразрывной связи съ основами и характеромъ цѣлыхъ философскихъ системъ, а потому и въ полной отъ нихъ зависимости. Основныя понятія и положенія о матеріи, пространствѣ, времени, движеніи, о правѣ, о благѣ или добрѣ, объ обществѣ, о значеніи и смыслѣ исторіи и т. под. будутъ необходимо различны у представителей различныхъ философскихъ направленій: у матеріалистовъ они будутъ одни, у спи-

[1]) См. стр. 19 и слѣд.

ритуалистовъ другіе, у идеалистовъ третьи, у реалистовъ четвертыя и т. д. Это различіе основныхъ понятій непремѣнно отражается въ различіи точекъ зрѣнія на явленія или факты частныхъ наукъ: на явленія, напр., матеріи, права, морали, исторіи и т. д.; отражается также и на толкованіи этихъ явленій или фактовъ, ихъ группировкѣ и т. под.

Книга Г. Введенскаго о матеріи и принадлежитъ къ той философской дисциплинѣ, которая всего чаще носитъ названіе философіи природы, а въ послѣднее время иногда называется философіей физики или химіи; она посвящена критическому разсмотрѣнію различныхъ ученій о матеріи. Изъ нея читатели всего лучше увидятъ разногласіе, или „полнѣйшій хаосъ мнѣній“, по выраженію Г. Введенскаго [1]), господствующій между учеными относительно всѣхъ понятій, связанныхъ съ понятіемъ матеріи, каковы понятія силы, движенія, инерціи, массы, энергіи, непроницаемости и проч.

Главное *разногласіе* въ понятіи матеріи выражается двумя теоріями: *механической* и *динамической*. По одной теоріи матерія состоитъ изъ вещества, занимающаго пространство и производящаго матеріальныя явленія *механически*, т. е., путемъ непосредственнаго воздѣйствія частицъ вещества другъ на друга, посредствомъ взаимныхъ ударовъ или толчковъ. По другой теоріи не вещество занимаетъ пространство и производитъ прямымъ толчкомъ явленія матеріальныя, а занимаютъ пространство ефекты силъ, дѣйствующихъ въ немъ. Сами силы эти не занимаютъ пространства и имѣютъ въ немъ только положеніе; или онѣ суть центры, изъ которыхъ исходитъ ихъ дѣйствіе. По динамической теоріи вовсе не нужно ни толчковъ, ни непосредственнаго прикосновенія; силы могутъ дѣйствовать и производить матеріальныя явленія (напр., явленія тяготѣнія) на разстояніи.

Кромѣ этого основного различія въ теоріяхъ матеріи есть, конечно, различія и, такъ сказать, внутри какъ той, такъ и дру-

[1]) См. „предисловіе“ стр. Ш.

гой теоріи. Такъ, напр., въ механической теоріи возникаетъ разногласіе въ зависимости отъ того, понимается ли вещество сплошнымъ, занимающимъ пространство безъ промежутковъ, или же оно понимается состоящимъ изъ дискретныхъ частицъ, раздѣленныхъ пустымъ пространствомъ. Эта теорія атомистическаго механизма, преобладающая въ наше время надъ первою, видитъ главное свойство матеріи въ непроницаемости, тогда какъ теорія сплошной матеріи видѣла его въ пространственности.

Въ большей или меньшей связи съ этимъ основнымъ разногласіемъ ученыхъ въ понятіи матеріи находится разногласіе и относительно другихъ понятій философіи природы. Такъ, напр., инерцію одни понимаютъ какъ силу, другіе такъ законъ дѣйствія силы; одни выводятъ её, какъ слѣдствіе изъ закона причинности, другіе видятъ въ ней условіе для дѣйствія причины. Понятіе энергіи одни смѣшиваютъ съ понятіемъ силы, другіе различаютъ эти понятія; точно также энергія то различается, то смѣшивается съ понятіемъ движенія. Тоже самое разногласіе и въ пониманіи массы: „одни, говоритъ Г. Введенскій въ предисловіи къ своей книгѣ, ее считаютъ какимъ то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе разсматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ количество объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣетъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы, какъ коэффиціента, соопредѣляющаго вмѣстѣ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“.

Все это разногласіе ученыхъ въ важнѣйшихъ вопросахъ натуръ—философіи Г. Введенскій указываетъ и излагаетъ на основаніи сочиненій самыхъ авторитетныхъ философовъ и ученыхъ, по преимуществу современныхъ. Декартъ, Лейбницъ, Ньютонъ, Кантъ, Томсонъ, Тетъ, Гельмгольцъ, Кирхгофъ, Махъ, Моръ, Секки, Вундтъ, Деллинсгаузенъ, Изенкраге и другія имена служатъ представителями этихъ разногласящихъ теорій и понятій, съ которыми знакомитъ

читателей почтенный авторъ въ своемъ „Опытѣ построенія теоріи матеріи“. Излагаемыя теоріи Г. Введенскій сопровождаетъ критикой ихъ, но я надѣюсь обстоятельно коснуться этого предмета тогда, когда авторъ вполнѣ и окончательно выскажетъ свои возрѣнія на матерію, которыя, конечно, служатъ критеріемъ, руководящимъ его въ его критическихъ замѣчаніяхъ.

Искреннимъ желаніемъ, чтобы Г. Введенскій успѣшно докончилъ начатый имъ трудъ, я и заключу свою замѣтку о его книгѣ.

А. Козловъ [1]).

---

[1]) Обѣщанную мною въ № 1 статью о Шопенгауерѣ, по поводу книги, изданной къ его юбилею „Московскимъ Психологическимъ Обществомъ“, я отлагаю до другаго раза, а пока позволю себѣ обратить вниманіе читателей на замѣчаніе, сдѣланное нашимъ сотрудникомъ, г. Калужскимъ, объ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ философіи Шопенгауера, замѣчаніе, съ которымъ я вполнѣ согласенъ.

ОПЯТЬ НѢЧТО О „НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ“ И ТАКОВОМЪ ЖЕ ФИЛОСОФѢ.

Послѣ перерыва въ прошломъ 1888-мъ году статей г. Лесевича о „научной философіи“ въ „Русской Мысли“, перерыва, о которомъ было сказано мною въ № 1 „Своего Слова“, съ августа, кажется, началось продолженіе этихъ статей и перенесено на текущій годъ. Продолжалъ г. Лесевичъ свои статьи въ томъ же порядкѣ, духѣ и тонѣ, въ какомъ и началъ. Одинъ за другимъ *выкозыривалъ* (sit venia verbo) г. Лесевичъ свои *онёры*, начиная съ *десятки* (пусть это будетъ Геффдингъ) и кончая *тузомъ* (пусть это будетъ Лаасъ). По прежнему, онъ дѣлаетъ выписки изъ этихъ философовъ и потомъ разбавляетъ ихъ, quantum satis, остроуміемъ, восхищающимъ *передовыхъ подростковъ*, съ надлежащими нотаціями въ назиданіе „мистикамъ, метафизикамъ и химеро-созидателямъ“.

Не смотря на массу этихъ выписокъ, я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что то, что выдаетъ г. Лесевичъ за „научную философію“ не есть что либо новое, а старое направленіе, извѣстное подъ именемъ сенсуализма и скептицизма при постоянномъ переходѣ ихъ въ матеріализмъ.—Новые дѣятели, указываемые г. Лесевичемъ, представляютъ только новыя модификаціи этого направленія, которое, какъ и все другое въ мірѣ, не остается стаціонарнымъ, а нѣсколько видоизмѣняется въ своихъ формахъ, сообразно съ общимъ видоизмѣненіемъ міра, подлежащаго формѣ времени. Вообще и относительно продолженія статей г. Лесевича о „научной философіи“ я, слово въ слово, повторилъ бы тоже, что мною было сказано на стр. 112 и слѣд. № 1 „Своего Слова“.

Но возможенъ со стороны читателя *одинъ вопросъ*, на который я считаю нужнымъ отвѣтить заранѣе. Положимъ, скажетъ кто нибудь, въ статьяхъ г. Лесевича нѣтъ яснаго выраженія того, что такое „научная философія“ и какъ она рѣшаетъ философскіе вопросы, интересующіе философствующій умъ издавна и до сихъ поръ. Но, вѣдь, все таки въ выпискахъ, сдѣланныхъ г. Лесевичемъ, есть нѣкоторое содержаніе и содержаніе это принадлежитъ все-таки ученымъ и знающимъ философамъ, хотя и принадлежащимъ къ міросозерцанію, не раздѣляемому редакціей „Своего Слова“! Почему же эта редакція не озаботится обстоятельнымъ разборомъ отрывковъ или выписокъ, сдѣланныхъ г. Лесевичемъ, и не постарается опровергнуть то, что она находитъ ложнымъ въ этихъ отрывкахъ, и тѣмъ предохранить русскихъ читателей отъ заблужденія?—На этотъ или подобный ему вопросъ, я отвѣтилъ бы слѣдующее:

1) Я вовсе не сознаю ни обязанности, ни охоты сопричислиться къ сонму охранителей русскаго читателя отъ заблужденій вообще и отъ философскихъ въ частности. Конечно, я становлюсь въ критическое отношеніе къ тѣмъ или другимъ философскимъ воззрѣніямъ, но только въ такой мѣрѣ, въ какой считаю это неизбѣжнымъ и необходимымъ для проведенія своихъ собственныхъ воззрѣній. Къ сожалѣнію, въ области философской мысли почти всякое утвержденіе соединено съ какимъ либо соотвѣтствующимъ ему отрицаніемъ. Поэтому, напр., проведеніе моихъ воззрѣній требуетъ почти постоянной борьбы съ позитивизмомъ или скептицизмомъ, а также и съ матеріализмомъ, и постояннаго критическаго къ нимъ отношенія.

2) По мѣрѣ силъ и на сколько это нужно, по вышеуказаннымъ мотивамъ, подвергая критикѣ позитивизмъ, я вовсе не вижу никакой надобности въ спеціальномъ разборѣ отрывковъ, приводимыхъ г. Лесевичемъ въ его статьѣ о „научной философіи“. Отрывки эти, по моему, не представляютъ ни малѣйшей опасности, чтобы сколько нибудь серьезный русскій читатель могъ, на осно-

ваніи ихъ, увлечься позитивизмомъ. Какъ я уже говорилъ въ 1 № „Своего Слова“ выписки эти сдѣланы такъ спутанно и безсвязно, что рѣшительно не могутъ дать яснаго и отчетливаго понятія о позитивизмѣ, какъ философской системѣ: о ея задачахъ, ея исходныхъ пунктахъ и основныхъ принципахъ, ея методѣ, ея критеріяхъ истины и наконецъ ея „міроразумѣніи“, по терминологіи г. Лесевича. Я глубоко убѣжденъ, что сколько нибудь серьезно мыслящій читатель, если онъ попытается составить себѣ удовлетворительное понятіе о всѣхъ этихъ предметахъ по выпискамъ въ статьяхъ г-на Лесевича, не только убѣдится въ полной невозможности этого, но отмѣтитъ еще тотъ фактъ, который, вѣроятно, совершенно не сознается самимъ г. Лесевичемъ, что цитируемые имъ писатели болѣе или менѣе, но все таки разнорѣчатъ во всѣхъ вышеозначенныхъ капитальныхъ пунктахъ. Даже и въ томъ пунктѣ, который, по видимому, общій у этихъ писателей, а именно: въ отрицаніи метафизики, ихъ нельзя соединить, потому что каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ отрицаемой метафизикой нѣчто особое и каждый отрицаетъ ее на основаніи болѣе или менѣе различныхъ мотивовъ. И такъ, нисколько не опасаясь какого либо ущерба для своихъ философскихъ воззрѣній отъ выписокъ г. Лесевича, я спокойно ожидаю, какъ онъ будетъ *плодить* ихъ и въ текущемъ году, и, можетъ быть, даже и въ слѣдующемъ и т. д., потому что не только вообще европейская, но и одна нѣмецкая литература можетъ снабдить для того г. Лесевича неизсякаемою массою матеріала, такъ какъ будутъ появляться все новые и новые представители его „научной философіи“.

3) Впрочемъ, возможенъ одинъ случай, что выписки г. Лесевича могутъ не прямо, а косвенно вывести меня изъ состоянія покоя и ввергнуть въ состояніе борьбы. Случай этотъ представился бы, если бы кто либо изъ читателей г. Лесевича, не видя толку въ его выпискахъ, вздумалъ самостоятельно ознакомиться съ кѣмъ либо изъ представителей позитивизма, цитируемыхъ г. Лесевичемъ, и, положимъ, выбралъ бы для того, напр., Лааса Предполагаю да-

лѣе, что таковой читатель увлекся бы философіею Лааса, что весьма возможно, ибо Лаасъ ученый и талантливый человѣкъ, и въ этомъ увлеченіи основательно изучилъ главное и послѣднее обширное сочиненіе Лааса: „Idealismus und Positivismus“. Наконецъ предполагаю, что это изученіе онъ предпринялъ бы именно для того, чтобы познакомить русскую публику съ философіей нѣмецкаго позитивиста, и что цѣлесообразно выполнилъ бы это предпріятіе, т. е., напримѣръ, выдѣлилъ систему Лааса изъ почти неразрывно соединенной съ нею критики противуположныхъ системъ и за тѣмъ уже отъ себя изложилъ ее въ строго систематическомъ порядкѣ съ присоединеніемъ собственныхъ дѣльныхъ толкованій на воззрѣнія Лааса [1]). Разъ такой предполагаемый мною трудъ появился бы въ русской печати, то, навѣрное, если бы не воспрепятствовала тому ограниченность силъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, я попытался бы написать критическій разборъ этого изложенія философіи Лааса, причёмъ и постарался бы отдѣлить въ ней то, что, по моему, состоятельно и съ чѣмъ я согласенъ (ибо таковое несомнѣнно есть въ ней) отъ того, что, по моему, ошибочно и, по мѣрѣ силъ, опровергнуть это ошибочное.

4) Но, пока такое мое предположеніе не осуществилось (да и вообще мало вѣроятно, чтобы оно осуществилось), я могу коснуться выписокъ, дѣлаемыхъ г. Лесевичемъ, только въ такомъ случаѣ, если кто либо изъ читателей „Своего Слова“ заявитъ мнѣ, что выписки изъ того или другого философа (Бена, Милля, Гёффдинга, Лааса, Гёринга и т. д.) препятствуютъ ему принять то

---

[1]) Кто читалъ указанное сочиненіе Лааса, тотъ согласится со мной, что передача его воззрѣній весьма затруднительна, именно потому, что они вездѣ переплетены съ полемикой противъ противоположныхъ философскихъ воззрѣній, и что, слѣдовательно, въ ихъ изложеніи необходимъ самостоятельный трудъ со стороны того, кто хотѣлъ бы пропагандировать систему Лааса, и что особенно этотъ трудъ необходимъ для ознакомленія съ нею русской публики.

или другое воззрѣніе изъ проводимыхъ въ „Своемъ Словѣ“. При этомъ я прошу желающихъ сдѣлать такое заявленіе *точно и обстоятельно* обозначить, какое именно положеніе „Своего Слова“ опровергается или устраняется, по ихъ мнѣнію, и какимъ именно воззрѣніемъ изъ цитированныхъ г. Лесевичемъ. Далѣе, къ этому я прошу присоединить и указаніе на основанія, которыя побуждаютъ читателя признать положенія „Своего Слова“ ошибочными, а воззрѣнія выписки вѣрными. На такое обстоятельное заявленіе я постараюсь дать посильный отвѣтъ. За симъ мнѣ остается только пожелать, чтобы г. Лесевичъ благополучно довелъ до намѣченнаго имъ конца свои статьи о „научной философіи“ и свои выписки изъ корифеевъ этой философіи.

А. Козловъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ СЪ П. Е. АСТАФЬЕВЫМЪ.

Въ номерѣ отъ 7 октября 1888 г. „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщена рецензія П. Е. Астафьева на № 1 „Своего Слова“. Прежде всего я долженъ принести глубокую благодарность г. Астафьеву за его сочувственное отношеніе ко мнѣ и къ моему изданію. Ободряющее слово со стороны человѣка, серьезно мыслящаго и серьезно относящагося къ философскому знанію, въ высокой степени цѣнно для меня, дѣйствующаго въ той же области изолированно, въ сторонѣ отъ литературныхъ кружковъ и партій того или другого лагеря, въ духѣ и направленіи, никакъ не могущемъ разсчитывать на многихъ читателей.

Поблагодаривши П. Е. Астафьева за его вниманіе къ моему сборнику и за доброе слово, я считаю не безполезнымъ вступить съ нимъ въ нѣкоторое объясненіе, по поводу высказанныхъ въ его статьѣ критическихъ замѣчаній.

Кромѣ возможности, что мы съ г. Астафьевымъ принадлежимъ къ болѣе или менѣе различнымъ философскимъ системамъ, я усматриваю еще *два* мотива, которые могли повести и повели его къ разногласію со мною и критическимъ замѣчаніямъ, имъ противъ меня направленнымъ. Одинъ мотивъ болѣе *общаго свойства* заключается въ неустановленности смысла терминовъ, употребляемыхъ представителями философскаго знанія. Сплошь да рядомъ случается, что въ этой области два ученыхъ употребляютъ одинъ и тотъ же терминъ, но соединяя съ нимъ болѣе или менѣе различное понятіе.

Противъ этого мотива разногласія только одно средство—надо договориться въ терминахъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что едвали мы съ г. Астафьевымъ употребляемъ термины: опытъ, опытный, условія опыта и т. д. въ одномъ и томъ же смыслѣ. Другой мотивъ разногласія и возраженій, которыя предъявляетъ мнѣ мой почтенный критикъ, вытекаетъ, по моему, изъ нѣкоторой *поспѣшности,* съ которою г. Астафьевъ, не подождавъ болѣе полнаго выраженія и изложенія воззрѣній, которымъ едва, едва положено только начало въ первомъ номерѣ „Своего Слова", такъ сказать, *антиципируетъ* это выраженіе, какъ бы угадывая и дополняя его отъ себя, и, принимая это дополненіе за мое мнѣніе, спѣшитъ оспоривать его.

Такъ, напримѣръ, подводя итогъ сказанному мною[1]) о субстанціи г. Астафьевъ говоритъ, что субстанція, по моему „должна быть бытіемъ внѣ условій пространства, времени и причинности, т. е., *внѣ условій опыта,* быть трансцендентною и, наконецъ, сообразно своей природѣ *дѣйствующею* (34) и своею дѣятельностью производящею весь міръ *явленій* въ пространствѣ и времени и притомъ явленій не только матеріальныхъ, но и *явленій сознанія*".

Выписанныя мною въ кавычкахъ слова изъ статьи П. Е. Астафьева съ ссылкою на 34 стр. „Своего Слова" долженствуютъ означать, если не точно мои выраженія, то, по крайней мѣрѣ, *мою мысль,* между тѣмъ въ нихъ я рѣшительно *не могу признать* ни своихъ словъ, ни своей мысли. Но сперва посмотримъ, что дѣйствительно сказано на показанной 34-й стр. Тамъ сказано отъ лица Сократа.

---

[1]) Г. Астафьевъ полагаетъ, что подъ именемъ Платона Калужскаго скрываюсь я самъ. Хотя это и не точно, но, вслѣдствіе моей солидарности съ авторомъ „Бесѣдъ съ петербургскимъ Сократомъ", эта неточность не наноситъ мнѣ никакого ущерба, и я вполнѣ беру на себя отвѣтственность за воззрѣнія, выраженныя авторомъ „Бесѣдъ", или точнѣе однимъ изъ выведенныхъ имъ лицъ, именно: „Сократомъ" съ Песковъ.

„Существовать, по моему, прежде всего значитъ быть субстанціей, т. е., вѣчно имѣть свою неизмѣнную и индивидуальную природу, не зависящую отъ пространства, времени, причинности и т. п. и далѣе, сообразно этой природѣ, дѣйствовать“ (стр. 34).

Значитъ, единственная мысль, которую выразилъ тамъ Сократъ, заключается въ томъ, что субстанція вѣчно имѣетъ свою неизмѣнную, индивидуальную природу, независящую отъ пространства, времени и причинности и что она сообразно этой природѣ дѣйствуетъ. Только, и больше ничего! Значитъ, положенія выписки изъ статьи г. Астафьева, а именно: 1) что субстанція должна быть „бытіемъ внѣ условій пространства, времени и причинности“, 2) что „пространство, время и причинность суть условія опыта“, 3) что субстанція „должна быть трансцендентною“, и 4) что она своею дѣятельностью „производитъ весь міръ явленій въ пространствѣ и времени, и при томъ явленій не только матеріальныхъ, но и явленій сознанія“;—всѣ эти положенія, говорю я, мною не были высказаны и никакой отвѣтственности я за нихъ взять не могу. Не высказаны они были по той простой причинѣ, что я еще не приступалъ къ разъясненію своихъ воззрѣній на то, что такое опытъ, условія опыта и проч., а также и на то, суть ли пространство, время и причинность условія опыта, или не суть [1]). Не приступалъ же я къ разъясненію потому, что предварительно мнѣ нужно было сказать о томъ, что такое пространство, время и причинность и указать на источникъ нашего сознанія объ нихъ. Точно также я ни разу не употребилъ терминовъ: *трансцендентный* и (соотвѣтственный ему) *имманентный*. Да едва ли и вообще понадобятся мнѣ, для выраженія моихъ понятій и воззрѣній, эти термины, впро-

[1]) Что пространство, время и причинность суть условія опыта,—это капитальное положеніе теоріи познанія Канта, но изъ моей книги („Генезисъ и пр.“) вышедшей уже пять лѣтъ тому назадъ, книги, извѣстной и П. Е. Астафьеву, ясно видно, что я вполнѣ освободился отъ кантовой теоріи познанія.

чемъ, довольно часто встрѣчающіеся въ философіи Наконецъ, съ моей точки зрѣнія, было бы не точно сказать, что „субстанціи производятъ міръ явленій въ пространствѣ и времени, явленій матеріальныхъ и явленій сознанія“. И такъ, всѣ возраженія, которыя дѣлаетъ или можетъ сдѣлать П. Е. Астафьевъ противъ вышеозначенныхъ положеній, я на свой счетъ не принимаю и по поводу ихъ никакихъ объясненій давать не могу.

Все, къ чему меня могутъ побудить эти возраженія, ограничивается тѣмъ, что, для избѣжанія въ послѣдствіи дальнѣйшихъ недоразумѣній, я буду ихъ имѣть въ виду во время изложенія моихъ теорій пространства, времени и причинности и отношенія этихъ началъ къ дѣятельности нашей субстанціи.

Теперь возьму еще другой примѣръ, изъ котораго также будетъ видно, что возраженія П. Е. Астафьева касаются не высказанныхъ мною мнѣній, а его предположеній о моихъ мнѣніяхъ. Такъ онъ, на основаніи утверждаемой мною *неизмѣнности природы* субстанціи, полагаетъ, что, по моему, невозможна самостоятельная дѣятельность субстанціи.

Предположеніе свое г. Астафьевъ основываетъ на моемъ „давнемъ пристрастіи къ Шопенгауеру и Гартману“, слѣдуя которымъ я будто бы духовную субстанцію долженъ считать „безсознательною, пребывающею во мракѣ и молчаніи“ и т. под. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, считаютъ ли Шопенгауеръ и Гартманъ свою духовную субстанцію бездѣятельною, пребывающею во мракѣ и молчаніи, я опять таки стою на томъ, что нигдѣ въ „Своемъ Словѣ“ ни отъ моего лица, ни отъ лица Сократа не сказано, что духовная субстанція, о которой тамъ идетъ рѣчь, одинакова съ „метафизическими началами Шопенгауера и Гартмана“. Оставляя также въ сторонѣ вопросъ о томъ, имѣлъ ли и на сколько я имѣлъ пристрастіе къ Шопенгауеру и Гартману, я все таки вообще могъ отъ этого пристрастія отрѣшиться, а главное, ничемъ не заявилъ его въ № 1 „Своего Слова“, которое составляло предметъ рецензіи П. Е. Астафьева. Отсюда слѣдуетъ, что я опять таки не могу быть

отвѣтственнымъ за то, что, по мнѣнію моего почтеннаго критика, слѣдовало бы изъ моего „давняго пристрастія“.

Но отклоняя отъ себя на этомъ основаніи объясненіе относительно многихъ замѣчаній, сдѣланныхъ моимъ почтеннымъ критикомъ, я не могу уклониться отъ объясненія съ нимъ въ *двухъ* пунктахъ. *Первый пунктъ* состоитъ въ томъ, что для него кажутся несовмѣстимыми мои положенія о томъ, что „субстанція по своей природѣ неизмѣнна“ и что „она дѣятельна“. По этому, когда я утверждаю, что эта неизмѣнная субстанція подлежитъ усовершенствованію посредствомъ большей ясности сознанія, то это кажется ему противорѣчіемъ. Я же, напротивъ, не только не вижу въ этомъ никакого противорѣчія, какъ не видятъ его и другіе весьма авторитетные философы, но напротивъ считаю эту неизмѣнность природы субстанціи *необходимымъ условіемъ* мыслимости того, что называется процессомъ развитія или усовершенствованія.

Дѣло въ томъ, что два акта или два состоянія, которыя, по отношенію другъ къ другу, составляютъ то, что называется развитіемъ или усовершенствованіемъ, составляютъ это только тогда, когда оба акта или оба состоянія принадлежатъ одному и тому же предмету или одной и той же вещи, которая переходитъ изъ одного въ другое. Конечно, этотъ одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть какимъ либо дѣломъ, учрежденіемъ и наконецъ существомъ или субстанціей. Значитъ, только *одна* и *та же*, т. е., *неизмѣнная въ своей природѣ* субстанція, можетъ совершать акты или быть въ состояніяхъ, которыя составляютъ процессъ развитія. Два состоянія, въ которыхъ находятся два различные, по своей природѣ, предмета, какъ бы и на сколько бы эти состоянія ни разнились, по совершенству, другъ отъ друга, вовсе еще *не составляютъ* развитія или усовершенствованія ни того, ни другого предмета.

Теперь я свое мнѣніе подкрѣплю примѣрами изъ исторіи философіи. Гегель нисколько не смущался тѣмъ, что его *одна и та же, т. е., по природѣ неизмѣнная идея* развивается, переходя со ступени на ступень и принимая все новыя формы въ трехъ раз-

личныхъ сферахъ: сферѣ абстрактно-логической, сферѣ природы и сферѣ духа. Лейбницъ нисколько не смущается тѣмъ, что каждая изъ его *монадъ*, оставаясь *одной и той же*, т. е., *неизмѣнной*, по своей сущности и по своей природѣ, субстанціею, проходитъ черезъ непрерывный процессъ перемѣны и развитія. Далѣе, онъ ни сколько не смущается тѣмъ, что эта монада, *дѣйствуя* въ своемъ развитіи *собственною силою*, непрерывно, каждый моментъ выражаетъ *одно и тоже*, а именно: во первыхъ, свою собственную индивидуальную сущность и, во вторыхъ, представляетъ всю вселенную, т. е., одинъ и тотъ же объектъ и представляетъ каждый моментъ все *съ большею и большею ясностью* [1]).

Наконецъ, даже матеріалисты нисколько не смущаются тѣмъ, что ихъ субстанціи, напр., атомы кислорода, или желѣза, или сѣры и т. п., оставаясь по своей природѣ неизмѣнными, въ то же время разнообразно и различно дѣйствуютъ въ различныхъ соединеніяхъ съ атомами другихъ простыхъ тѣлъ.

Сказаннаго сейчасъ я считаю достаточнымъ для объясненія совмѣстимости неизмѣнной природы субстанціи съ ея дѣятельностью и развитіемъ, и если это мое объясненіе не удовлетворило бы г. Астафьева, то мы можемъ еще разъ возвратиться къ этому пред-

---

[1]) Мнѣ очень пріятно было встрѣтить заявленіе П. Е. Астафьева, что ему „симпатиченъ Лейбницъ“, такъ какъ и я считаю Лейбница однимъ изъ главныхъ своихъ руководителей въ той метафизической системѣ, которую надѣюсь, если позволятъ силы, по немногу изложить въ „Своемъ Словѣ“. Не могу не замѣтить здѣсь кстати, что если П. Е. Астафьевъ примыкаетъ въ своихъ воззрѣніяхъ къ Фихте -- отцу, то, къ сожалѣнію, я думаю, что мы съ нимъ будемъ болѣе или менѣе разногласить, но если онъ больше слѣдуетъ Лейбницу, то разногласіе наше будетъ стоять главнымъ образомъ на недоразумѣніяхъ и, слѣдовательно, послѣ достаточнаго объясненія можетъ и исчезнуть. Конечно, я считаю невозможнымъ слѣдовать Лейбницу безъ нѣкоторыхъ поправокъ, оговорокъ, вообще безъ преобразованія его системы.

мету тогда, когда будетъ излагаться въ „Своемъ Словѣ“ метафизическое ученіе о *родѣ и способѣ* дѣятельности субстанцій.

Второй пунктъ, по которому я считаю нужнымъ войти въ объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ, заключается въ слѣдующихъ его словахъ:

„Если г. Козловъ дѣйствительно думаетъ, что мы себя *сознаемъ* болѣе или менѣе ясно индивидуальною и самостоятельною *субстанціею* (стр. 109) то онъ глубоко заблуждается. Субстанціей (или душой) никто себя *непосредственно* не сознавалъ и не сознаетъ; мы только *заключаемъ* изъ сознаваемой смѣны состояній этого нашего сознанія, что въ ихъ основѣ лежитъ субстратъ (душа, субстанція). Заключеніе это можетъ быть и вѣрно, можетъ быть и ошибочно, но во всякомъ случаѣ подлежитъ спору и доказательству; *внѣ* спора и доказательства остается единственно *непосредственно* данный внутреннему опыту *актъ* этого же внутренняго опыта, актъ, въ которомъ познающее и познаваемое *тождественны и который по этому нельзя считать явленіемъ*. Этому *акту* и должно бы повидимому придать метафизическое значеніе *начала*, а не *явленія* чего то инаго, какимъ г. Козловъ почитаетъ сознаніе“.

Въ приведенной сейчасъ выпискѣ затронутъ такой капитальный вопросъ, что потребовалась бы цѣлая статья, чтобы вполнѣ въ немъ разобраться. Но я постараюсь кратко выразить свое мнѣніе только въ самомъ существенномъ, т. е., что я дѣйствительно считаю наше сознаніе о своей субстанціи, или о своемъ я, непосредственнымъ [1]), а не заключеніемъ изъ „смѣны состояній“, или изъ чего нибудь другого.

Объясненіе мое съ г. Астафьевымъ, по этому пункту, значительно облегчается тѣмъ, что онъ, по видимому, такъ же, какъ и

---

[1]) По солидарности моей съ авторомъ „Бесѣдъ“, я прошу читателей „Своего Слова“ разсматривать сказанное мною сейчасъ, какъ дополненіе къ тому, что сказано объ этомъ же предметѣ въ настоящемъ № 2, въ „Бесѣдахъ 5 и 6“.

я, принимаетъ за непосредственное сознаніе о нашей дѣятельности или ея актахъ. И такъ, мы оба признаемъ непосредственно данными *акты*! Но здѣсь необходимо является вопросъ: при непосредственномъ сознаніи акта, имѣемъ ли мы также непосредственное сознаніе о томъ, къ кому относится актъ, или иначе о томъ, чей это актъ, кто субъектъ, совершающій этотъ актъ? Этотъ вопросъ вслѣдъ за выписанными мною словами *задаетъ себѣ* и самъ г. Астафьевъ, но отвѣтъ, который онъ на него даетъ, я не совсѣмъ понимаю. Такъ, мнѣ кажется, что въ первомъ абзацѣ, слѣдующемъ за поставленнымъ имъ вопросомъ, онъ признаетъ, что „мы *непосредственно* и безспорно *достовѣрно* знаемъ“ этотъ субъектъ въ нашемъ я: но въ слѣдующемъ далѣе абзацѣ г. Астафьевъ опять утверждаетъ, что мы о какомъ либо „субъектѣ или субстратѣ этого акта, лежащемъ въ его основѣ только гадаемъ, умозаключаемъ“.

Но какъ бы ни рѣшалъ этотъ вопросъ г. Астафьевъ, я съ своей стороны сильно сомнѣваюсь, чтобы объ актѣ или дѣятельности мы владѣли прямымъ и непосредственнымъ сознаніемъ, а дѣятеля, который необходимъ для акта, должны искать путемъ умозаключенія, такъ сказать, отгадывать, при чемъ, конечно, подвергаемся возможности ошибки. Уже à priori какъ то не хочется съ этимъ согласиться, ибо, въ такомъ случаѣ, оказалась бы странная *дисгармонія* въ составѣ и строеніи того, что мы называемъ сознаніемъ.

Но, спрашивается, какъ я могу убѣдить г. Астафьева въ справедливости своего мнѣнія, или, ставя вопросъ общѣе, какъ можно удостовѣриться, или убѣдиться въ томъ, что мы можемъ имѣть о чемъ либо *первоначальное*, *непосредственное* сознаніе? Никакими силлогизмами или дедукціями убѣдиться или убѣдить въ этомъ нельзя; сомнѣвающемуся можно только указать на *первичный*, *прямо доступный ему фактъ!* Какъ, напр., убѣдить кого нибудь въ томъ, что мы непосредственно знаемъ цвѣта, звуки, непосредственно чувствуемъ боль и тому подобное? Очевидно, что другого средства нѣтъ, какъ пригласить сомнѣвающагося посмотрѣть на тотъ или

другой цвѣтъ, прислушаться къ тому или другому звуку, наконецъ ущипнуть, уколоть его, чтобы онъ почувствовалъ боль и т. п. Но что дѣлать, если, по сложности и запутанности обстоятельствъ, которыми окруженъ фактъ, какъ, напримѣръ, въ нашемъ случаѣ, нельзя сдѣлать указанія на него? Тогда какъ убѣдить сомнѣвающагося?

Тогда остается только одно средство: это—косвенное доказательство, *доказательство отъ противнаго*, къ которому я и долженъ прибѣгнутъ, чтобы отстоять мое положеніе и убѣдить моего критика.

Итакъ, допустимъ же, что мы непосредственно не знаемъ о своемъ я, но примышляемъ его къ нашимъ дѣятельностямъ на основаніи умозаключенія или догадки! Но въ такомъ случаѣ естественно возникаетъ вопросъ, *какой мотивъ* побуждалъ бы насъ, такъ сказать, пріискивать къ сознаваемому акту дѣятеля и пускаться въ разныя умозаключенія? Казалось бы, что можно остаться при сознаніи дѣятельности и дѣйствія, не чувствуя никакой надобности въ дѣятелѣ, въ субъектѣ дѣятельности! Но тутъ предварительно нужно поставить *другой* вопросъ: существуетъ или не существуетъ этотъ дѣятель независимо отъ того, можемъ или не можемъ мы знать его непосредственно?

Если онъ не существуетъ, то мы не только не имѣемъ о немъ непосредственнаго сознанія, но и посредственное-то есть ничто иное, какъ *иллюзія* и *фикція*. Фикціей оказывается при этомъ также и непосредственное сознаніе о дѣятельности этого несуществующаго дѣятеля. Однимъ словомъ, при этомъ предположеніи мы впадаемъ въ сенсуализмъ и скептицизмъ, на что я думаю не согласится и г. Астафьевъ. Если же дѣятель существуетъ, то выходитъ нѣчто странное и неудобомыслимое, а именно, что мы непосредственно знаемъ о своей дѣятельности и ея актахъ, но объ себѣ самихъ непосредственнаго знанія не имѣемъ, а должны прибѣгать для того къ умозаключенію и догадкѣ. И такъ, при предположеніи существованія дѣятеля, болѣе естественнымъ и удобомыслимымъ является положеніе о томъ, что этотъ существующій дѣятель также

непосредственно знаетъ о самомъ себѣ, какъ непосредственно онъ знаетъ о своей дѣятельности.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ на другія слѣдствія изъ предположенія, что мы къ непосредственному сознанію о дѣятельности примышляемъ догадку о дѣятелѣ.

Какимъ бы процессомъ и когда бы ни образовалась у насъ эта догадка, во всякомъ случаѣ мы разумѣемъ, что субъектъ всѣхъ нашихъ дѣятельностей есть *одно и то же существо*. Но образованіе такого мнѣнія, на основаніи умозаключенія, мнѣ кажется совершенно невозможнымъ въ виду крайняго различія и несходства другъ съ другомъ нашихъ дѣятельностей. Дѣятельности наши, по ихъ неразрывной связи или единству съ ихъ же продуктами или объектами, также различны, какъ и эти объекты или продукты. Если мы возьмемъ только одну *чувственно-познавательную* дѣятельность, то и тутъ мы встрѣчаемся съ предметами, не имѣющими ни малѣйшаго между собою сходства. Что можетъ быть различнѣе актовъ, состоящихъ въ видѣніи цвѣтовъ, въ слышаніи звуковъ и въ обоняніи запаховъ? Далѣе, если взять различные роды вообще *познавательной дѣятельности*, то что можетъ быть различнѣе конкретнаго мышленія образами и абстрактнаго мышленія понятіями? Далѣе, въ другихъ областяхъ нашей дѣятельности, что можетъ быть различнѣе, напр., чувства любви и довѣрія и чувства ненависти и страха? Или въ области воли, что можетъ быть различнѣе между собою, какъ *эгоистическая* воля—совершить то, что нравится и что согласно съ импульсами отъ сладостнаго чувства ожидаемаго наслажденія; и *моральная* воля—совершить дѣйствіе, соединенное съ самопожертвованіемъ, добровольно идя на встрѣчу страданіямъ, а иногда вѣрной и мучительной смерти, и также добровольно убѣгая отъ манящаго, въ случаѣ неповиновенія этой моральной волѣ, наслажденія, и совершить это только въ силу мысли о нравственной обязанности? Всѣ эти различія, по моему, всего естественнѣе должны бы были привести насъ къ догадкѣ и заключенію о томъ, что въ основѣ нашихъ различныхъ дѣятельностей лежитъ не одинъ и тотъ же субъ-

ектъ или дѣятель (душа, субстанція), а нѣсколько, даже множество дѣятелей, подобно тому какъ матеріалисты логически принуждены были бы, если бы, конечно, они были послѣдовательны своимъ началамъ, къ признанію множества душъ въ видѣ клѣточекъ, молекулъ или атомовъ (это ужь ихъ дѣло!). Но и матеріалисты, не смотря на это логическое принужденіе, de facto признаютъ одного дѣятеля такъ же, какъ признаемъ и мы вмѣстѣ со всѣмъ родомъ человѣческимъ.

Итакъ, заключаю я, если бы мы руководились только догадкой въ примышленіи къ непосредственно сознаваемымъ дѣятельностямъ дѣятеля, то вѣрнѣе всего придумали бы не одного, а многихъ, къ каждой дѣятельности—особаго дѣятеля. Если же дѣло въ этомъ случаѣ вышло иначе, т. е., что мы признаемъ только одинъ субъектъ, то, мнѣ кажется, только по тому, что и *существуетъ* одна субстанція, которая разнообразно и многоразлично дѣйствуетъ, т. е., видитъ, слышитъ, осязаетъ, представляетъ, мыслитъ, хочетъ, чувствуетъ и т. д. и т. д., и *непосредственно сознаетъ* себя, какъ одну и ту же субстанцію, въ разнообразныхъ дѣятельностяхъ и состояніяхъ (акциденціяхъ).

Но опять возвращаюсь къ нашему послѣднему предположенію и еще укажу на все болѣе обозначающіяся его странности. По этому предположенію непосредственно сознаются акты или состоянія. Но чьи они? Неизвѣстно! Однако, кому-то нужно знать, чьи они: этотъ кто-то, не имѣя о томъ непосредственнаго сознанія, ищетъ, отгадываетъ, умозаключаетъ. Но, вѣдь, отгадываніе, умозаключеніе есть тоже *актъ*; точно также и желаніе найдти, отгадать дѣятеля есть тоже *актъ*. Спрашивается, кто же совершаетъ эти акты? Очевидно, иного отвѣта быть не можетъ, какъ: я, ты, онъ или вообще „мы“. Такъ, неужели мы, совершающіе актъ, прямо не знаемъ, что это мы, а не какой то неизвѣстный дѣятель совершаетъ его, и далѣе неужели не знаемъ, что совершаемъ мы этотъ актъ преднамѣренно съ опредѣленною цѣлью найдти совершающаго?! Я не знаю, какъ мой почтенный критикъ вышелъ бы изъ этого

затрудненія, но для меня иного пути нѣтъ, какъ допустить, что, если мы знаемъ непосредственно объ актѣ, то ео ipso знаемъ, что именно мы, а не другой кто, совершаетъ актъ, т. е., знаемъ непосредственно не только о дѣйствіи или актѣ, но и о субъектѣ, дѣятелѣ, т. е., о себѣ, совершающемъ актъ или дѣйствіе.

Теперь обратимся къ вопросу о томъ, *какъ* умозаключаетъ или отгадываетъ себя субъектъ актовъ. Г. Астафьевъ говоритъ, что это умозаключеніе происходитъ на основаніи „сознаваемой смѣны состояній нашего сознанія“, хотя и не объясняетъ, какъ совершается это умозаключеніе. Во всякомъ случаѣ, пока еще этого умозаключенія не сдѣлано, смѣна объективно совершается, но тотъ, къ чьему сознанію относится эта смѣна, еще не извѣстенъ. Вѣдь, смѣняющіяся состоянія не сами же о себѣ знаютъ, что они находятся въ смѣнѣ. Смѣну эту долженъ же сознавать кто нибудь, точно также какъ этотъ кто нибудь долженъ сознавать и содержаніе смѣняющихся состояній. Опять выходитъ нѣчто странное! Какъ возможно, чтобы нѣкто сознавалъ состоянія сознанія, сознавалъ самую смѣну, не сознавая себя имѣющимъ эти состоянія и не сознавая, что они смѣняются *въ немъ и для него.* Но не будемъ обращать вниманія на это одно и тоже постоянно встрѣчающееся намъ затрудненіе. Есть и другое, состоящее, именно, въ томъ, что сознавать смѣны иначе нельзя, какъ *сопоставляя смѣняющееся съ чѣмъ нибудь постоянно пребывающимъ!* Ни то, ни другое, другъ безъ друга, не мыслимы. И такъ, съ чѣмъ же сопоставляетъ смѣну состояній сознанія тотъ, кто сознаетъ эту смѣну? По моему, этимъ постояннымъ элементомъ, который необходимъ для того, чтобы осуществилась смѣна и ея сознаніе, можетъ быть ничто другое, какъ этотъ самый субъектъ, сознающій *свою тождественность при смѣнѣ своихъ собственныхъ состояній и актовъ.* Но если смѣна сознается непосредственно, то, конечно, непосредственно сознается и то, по отношенію къ чему отмѣчается смѣна, т. е., субъектъ, которому принадлежатъ смѣняющіяся состоянія и которому, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности отыскивать себя путемъ догадки или умозаключенія.

Не могу въ заключеніе не упомянуть *еще объ одномъ* важномъ затрудненіи соединенномъ съ мнѣніемъ, что мы не имѣемъ непосредственнаго сознанія о себѣ, какъ единой субстанціи, лежащей въ основѣ многихъ актовъ и состояній, и что мы предполагаемъ ее на основаніи умозаключенія и догадки.

Чтобы умозаключать, догадываться, надобно уже имѣть понятіе о томъ, что ищемъ путемъ умозаключенія, т. е., въ нашемъ случаѣ, не зная о себѣ, какъ субстанціи, мы откуда нибудь да знаемъ, что есть нѣчто, что мы понимаемъ, какъ субстанцію. Значитъ, спрашивается, откуда же мы получили самое понятіе субстанціи? Есть *только двѣ* сферы, которыя могли послужить источникомъ для образованія этого понятія: міръ *внѣшній*, матеріальный, пространственный и міръ *внутренній*, данный намъ во внутреннемъ, непосредственномъ опытѣ.

Едва ли П. Е. Астафьевъ думаетъ, что матеріальныя вещи должны были повести насъ къ образованію понятія субстанціи, которое мы потомъ переносимъ во внутренній міръ и къ даннымъ въ непосредственномъ опытѣ актамъ и состояніямъ примышляемъ какое то *мнимое и пустое я*, не имѣющее бытія, а годное только для обозначенія этихъ состояній и актовъ заразъ, однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ, при такомъ предположеніи, было бы невозможно удержать и мнѣніе о непосредственномъ знаніи о бытіи этихъ актовъ и состояній и въ концѣ концевъ пришлось бы перейти въ матеріализмъ или, еще послѣдовательнѣе, въ позитивизмъ и скептицизмъ [1]).

---

[1]) Конечно, г. Астафьевъ могъ бы, опираясь на Канта, сказать, что понятіе субстанціи не имѣетъ своимъ источникомъ ни внѣшній, ни внутренній опытъ, но что оно à priori, т. е., въ сущности неизвѣстнаго происхожденія. Въ такомъ случаѣ я могу указать на свою книгу („Генезисъ и пр."), гдѣ я высказалъ достаточныя основанія отвергнуть кантовское à priori, что, признаюсь откровенно, мнѣ самому удалось сдѣлать только послѣ долгихъ колебаній, сомнѣній и внутренней борьбы.

И такъ, ставя г. Астафьеву вопросъ: *откуда мы беремъ идею субстанціи,* я утверждаю что мы имѣемъ *непосредственное* сознаніе о трехъ элементахъ бытія: своей собственной индивидуальной субстанціи, ея дѣятельностяхъ и состояніяхъ и продуктахъ или объектахъ этихъ дѣятельностей и состояній.

Во избѣжаніе недоразумѣній къ этому я долженъ прибавить, что мы не имѣемъ сознанія объ этихъ трехъ элементахъ въ ихъ изолированности и особности. Въ сознаніи они всѣ болѣе и менѣе соединены, слиты; и чѣмъ на болѣе ранней ступени нашего сознанія мы находимся, тѣмъ крѣпче эта слитность и тѣмъ труднѣе оторвать элементы другъ отъ друга, а слѣдовательно тѣмъ смутнѣе сознается ихъ особность. Но, по мѣрѣ нашего духовнаго развитія, сознаніе этой особности становится яснѣе; и на высшихъ ступеняхъ развитія, до которыхъ, конечно, доходятъ не многіе, мы имѣемъ возможность образовать вполнѣ ясное абстрактное понятіе объ „*я*“, о *дѣятельностяхъ*“ и объ „*объектахъ*“. Разумѣется, эта абстракція возможна лишь только потому, что in concreto есть реальные элементы для этихъ абстрактныхъ понятій. Это совершенно похоже на то, какъ въ развитомъ мышленіи мы, напримѣръ, можемъ имѣть понятіе *особо* о пространственномъ протяженіи цвѣтной поверхности, о цвѣтахъ занимающихъ эту поверхность и о различной яркости или интенсивности этихъ цвѣтовъ, между тѣмъ какъ въ конкретномъ воспріятіи или представленіи всѣ эти три элемента даны въ полномъ сліяніи, отъ котораго огромное большинство людей никогда и не переходитъ къ ясному сознанію соединенныхъ элементовъ порознь.

Въ состояніи слитности трехъ элементовъ: субстанціи, дѣятельности и объектовъ, одинъ можетъ, такъ сказать, *преобладать* надъ другимъ и затѣнять собою другой; преобладаніе обыкновенно бываетъ на сторонѣ объектовъ (цвѣтовъ, звуковъ, образовъ, мыслей, понятій и т. д.). Отсюда и происходитъ натуральная склонность начинающаго философствовать ума къ сенсуализму и къ наивному реализму (или матеріализму), т. е., къ системамъ, признающимъ

дѣйствительно существующими только чувственныя ощущенія или образы представляемыхъ вещей. Но разсужденія объ этомъ предметѣ повели бы меня слишкомъ далеко, а потому я здѣсь и оканчиваю мое объясненіе съ П. Е. Астафьевымъ по второму пункту.

Что касается до другихъ пунктовъ, по которымъ я могъ бы сказать нѣчто противъ замѣчаній, сдѣланныхъ моимъ почтеннымъ критикомъ, напр., противъ замѣчаній о Дюрингѣ, Тардѣ и о какой то моей „схоластикѣ“, то я, по маловажности этихъ пунктовъ, не считаю нужнымъ затрогивать ихъ, чтобы не удлинять своей статьи.

Будетъ ли удовлетворенъ, что, конечно, мнѣ было бы желательно, П. Е. Астафьевъ моимъ объясненіемъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, я встрѣчу его критическія замѣчанія и на 2-ю книжку „Своего Слова“ съ полнымъ сочувствіемъ и интересомъ, потому что думаю, что въ основѣ ихъ лежитъ желаніе способствовать разъясненію того или другого философскаго вопроса, и постараюсь, подобно нынѣшнему разу, дать по мѣрѣ силъ, на эти будущія замѣчанія свои объясненія, въ надеждѣ, что они хоть немного послужатъ на пользу философской науки въ нашемъ отечествѣ.

А. Козловъ.

ОПЯТЬ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Г РЕЦЕНЗЕНТѢ „РУССКОЙ МЫСЛИ".

Г. научный рецензентъ „Русской Мысли", о которомъ была рѣчь въ № 1-мъ „Своего Слова", въ февральской книжкѣ „Русской Мысли" 1889 г., въ „библіографическомъ отдѣлѣ", на стр. 51—55 *брызнулъ* въ „Свое Слово" *струей остроумія*, потѣшающаго передовыхъ подростковъ. Но кромѣ воды остроумія въ этой струѣ можно различить и болѣе твердые ингредіенты, которые, не смотря на ихъ разнообразіе, можно подвести подъ общее понятіе *грязи*. Они состоятъ, напримѣръ: a) изъ *искаженій понятій*, b) *инсинуацій*, c) *передержекъ* и d) даже *сплетенъ*.

Приведу по *одному* (хотя можно было бы привести и не по одному) образчику каждаго рода.

Образчикъ искаженія понятій. Терминъ „*пансихизма*", которымъ названа метафизическая теорія, высказываемая въ „Своемъ Словѣ", г. рецензентъ на стр. 53 подмѣняетъ, безъ всякаго на то права и основанія, терминомъ: „спиритизмъ", и этимъ искажаетъ самое понятіе.

Образчикъ инсинуаціи. Въ одной изъ сценъ „Бесѣдъ съ петербургскимъ Сократомъ" собравшіеся собесѣдники пьютъ за выигрышъ судебнаго процесса однимъ изъ нихъ. Г. рецензентъ на стр. 52 внушаетъ читателямъ, „что вся кучка собесѣдниковъ смотритъ на этотъ процессъ, какъ на якорь спасенія про всякій случай". Что кучка такъ именно смотритъ на процессъ, объ этомъ въ „Бесѣдахъ" нѣтъ ни единаго слова, и г. научный рецензентъ выдумываетъ это,

конечно, для того, чтобы *инсинуировать*, что лица бесѣдующіе о теоріи панпсихизма пьютъ за выигрышъ процесса, который, пожалуй, вѣдь, и несправедливъ и т. под. [1]).

Образчикъ передержки. Г. рецензентъ, на страницѣ 53 голословно упрекая Сократа, защитника теоріи панпсихизма, въ „пошлой передачѣ“ юмовыхъ выраженій, говоритъ. „такъ, напримѣръ, извѣстное „a bundle or collection of perceptions“, является какъ „пучекъ идей, пучекъ вѣниковъ, на которыхъ вѣдьмы ѣздятъ на шабашъ (стр. 42 и 43)“. Всякій эти строки пойметъ такъ, что русская фраза, заключенная въ кавычки, съ ссылкой на страницы 42 и 43, есть переводъ или передача приведенной англійской фразы Юма и, конечно, обвинитъ Сократа въ искаженіи словъ Юма. Между тѣмъ въ „Своемъ Словѣ“ рѣшительно нѣтъ ни малѣйшихъ основаній для этого обвиненія и сдѣлано оно можетъ быть только на основаніи передержки г. рецензента. На страницѣ 31 и 32 „Своего Слова“ Сократъ говоритъ защитнику юмовой философіи: „для меня, интересно узнать, какъ образуется этотъ пучекъ или связка идей, который мы называемъ нашимъ и чужими *я*. Термины: пучекъ, связка идей, употреблены мною въ подражаніе Юму или кому то изъ корифеевъ вашей теоріи познанія, хотя я и не помню кому“.

Значитъ, въ „Своемъ Словѣ“ Сократъ выраженія: „пучекъ или связка идей“, не приписываетъ непремѣнно Юму (ибо приводитъ на память), но употребляетъ въ подражаніе Юму или кому-то другому изъ представителей юмовой философіи [2]). Что же касается до фразы,

---

[1]) „Ужь не обидѣли ли эти отсталые панпсихисты какую нибудь вдовицу съ сиротами?“ шевельнется „*въ мозгу*“ у иного передового подростка, обладающаго „жилкою общественности“, о которой трезвонится въ статьяхъ о „научной философіи“!

[2]) Подражаніе однако оказалось вѣрнымъ переводомъ самого Юма, потому что англійское слово: a bundle, ничего другого не значитъ, какъ связка, пучекъ или тюкъ. Конечно, Юмъ употребляетъ это слово въ фигуральномъ смыслѣ, т. е., связка или пучекъ перцепцій или идей, но,

приведенной г. рецензентомъ съ указаніемъ на стр. 42-ю и 43-ю, то всякій читатель „Своего Слова“ можетъ вполнѣ убѣдиться, что на этихъ страницахъ рѣшительно нѣтъ ни одного звука, изъ котораго можно было бы вывести, что слова: „вѣниковъ, на которыхъ вѣдьмы ѣздятъ на шабашъ“, какъ либо могутъ быть приписаны Юму или кому либо другому. Очевидно, что Сократъ говоритъ ихъ въ шутку отъ себя [1]).

Образчикъ сплетни. Таковой я указываю читателю на стр. 53, гдѣ г. научный рецензентъ дѣлаетъ выдержку изъ статьи Н. Я. Грота, въ которой будто бы г. Гротъ еще въ 1883 г. въ видѣ какихъ то „философовъ въ полутрезвомъ видѣ“ обрисовалъ „физіономію Сократа съ Песковъ“ появившагося только въ 1888 г. [2]). Если

вѣдь, и Сократъ съ Песковъ не говоритъ, о связкѣ прутьевъ или пучкѣ перьевъ, а о „пучкѣ идей“.

[1]) Конечно, г. научный рецензентъ въ своихъ *безцеремонныхъ* передержкахъ руководится довольно вѣрнымъ разсчетомъ, что онъ ими можетъ выиграть въ мнѣніи тысячъ и десятковъ тысячъ читателей „Русской Мысли“, рискуя потерять во мнѣніи какихъ либо трехъ, много четырехъ сотенъ читателей „Своего Слова“.

[2]) Надѣюсь, что Н. Я. Гротъ извинитъ меня, что я по неволѣ упоминаю всуе его имя. Надѣюсь также, что онъ повѣритъ мнѣ, что я не только чуждъ того истолкованія его статьи и его словъ, которое подкладываетъ имъ въ своей сплетнѣ г. рецензентъ, но что у меня исчезло даже всякое воспоминаніе объ этой статьѣ, если когда либо я и читалъ ее. Что же касается до *неволи и необходимости*, которая вызываетъ меня на отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“, то она заключается въ слѣдующемъ. Если не дѣлать никакого отпора нашимъ *литературнымъ джингамъ*, то они, опираясь на *передовыхъ подростковъ*, возмнятъ себя силою и, при помощи безцеремонныхъ пріемовъ своей яко бы научной полемики, и *впрямь* начнутъ *терроризировать* всѣхъ и каждаго, кто имъ почему либо не нравится. Какъ ни непріятно иногда входить съ ними въ препирательство, но *протестъ и обличеніе* безцеремонныхъ пріемовъ полемики, господствующей въ нашей литературѣ,

читатель приметъ въ соображеніе, что г. научному рецензенту ни съ того, ни съ сего вдругъ понадобилось цитировать статью г. Грота, напечатанную въ 1883 г. въ провинціальной газетѣ, того самаго г. Грота, который постоянно фигурируетъ въ качествѣ „химеросозидателя“ въ статьяхъ г. Лесевича о „научной философіи“, то согласится со мной, что вся эта выдержка изъ статьи и указаніе на нее имѣютъ характеръ *сплетни*, которая, по тону и манерѣ, вполнѣ приличествуетъ гоголевской „дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“.

За симъ мнѣ остается сказать два слова по поводу какого то моего „раздраженія“, о которомъ не разъ говоритъ г. рецензентъ, напр , на стр. 54. Противъ кого, или противъ чего у меня можетъ быть раздраженіе? Противъ автора статей о „научной философіи“ или противъ автора рецензій что ли? Далѣе, ради чего у меня можетъ быть противъ нихъ раздраженіе? противъ ихъ остроумія что ли? Но если это остроуміе можетъ потѣшать *передовыхъ подростковъ*, то, вѣдь, и раздражать оно можетъ тоже только подростковъ, а я уже стою на порогѣ выходной двери изъ временно-пространственнаго бытія! На критику г. рецензента, который уличилъ меня въ невѣжествѣ или въ нелѣпости что-ли? Но, вѣдь, этого обличенія не было, потому что г. научный рецензентъ вовсе никакой критики моихъ теорій и воззрѣній не производилъ!

Итакъ, смѣю увѣрить г. рецензента, что ни малѣйшаго „раздраженія“ у меня нѣтъ и что я отвѣчаю ему только ради тѣхъ мотивовъ, о которыхъ сказано выше.

Напротивъ, долженъ я сказать по чистой совѣсти, полемика г. рецензента противъ меня, по истинѣ, забавна! Да неужели можно не найти *забавными* его выходки не противъ идей или воззрѣній „Своего Слова“, а противъ, напр., вымышленныхъ лицъ, которыхъ вывелъ авторъ „Бесѣдъ съ петербургскимъ Сократомъ“ для удобства изложенія различныхъ философскихъ мнѣній, какъ это обыкновенно

есть, по моему, единственное средство улучшить наши литературные нравы, если вообще они способны къ улучшенію.

бываетъ въ философскихъ діалогахъ. Неужели не забавны нотаціи, которыя онъ читаетъ этимъ лицамъ за ихъ времяпрепровожденіе и поведеніе? Неужели не забавно, какъ г. рецензентъ пунктуально сосчиталъ, сколько разъ и какое они пьютъ вино, или закусываютъ? Неужели не забавно, что онъ этихъ лицъ ругаетъ „фамулусами“ и т. под. и находитъ, что между ними только *два человѣка*: одинъ Шугаевъ, представитель позитивизма, а другой „человѣкъ“, наливающій вино въ стаканы, но „не пьющій и не философствующій“. По истинѣ, г. научный рецензентъ, ваше остроуміе противъ несчастныхъ панпсихистовъ запечатлѣно явнымъ комизмомъ! Надѣюсь, что вы также будете продолжать и впредь. Итакъ, до новой встрѣчи!

А. Козловъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

напечатано				*читать*
стр. 128	строка	18	сознанiи	—сознанія
— 132	—	12:	такъ	—какъ

